

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Узл

5-й экз.

БОРЬБА

Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР

КЛАССОВ

№ 10 ОКТЯБРЬ
1934

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

4-й год издания

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ИСТОРИИ I ИНТЕРНАЦИОНАЛА

СОСТАВЛЕНО ПО МАТЕРИАЛАМ ИНСТИТУТА МАРКСА—ЭНГЕЛЬСА—ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП(б)

1864 год.

28 сентября. Основание Международного Товарищества Рабочих. Собрание в Сент-Мартинс-холл.

Октябрь—ноябрь. Основание первых секций Интернационала в Париже и в различных французских провинциальных городах.

Начало ноября. Временный Центральный Комитет утверждает написанные Марксом Учредительный манифест и Временный устав и конституируется в качестве Генерального Совета Интернационала.

1865 год.

Февраль—март. Руководящее участие Генерального Совета в организации «Лиги реформы» (учрежденной для агитации за всеобщее избирательное право) в Англии.

Март. Вступление первого английского профсоюза в Интернационал (профсоюз обувщиков). Основание первых секций в Швейцарии.

20 и 27 июня. Маркс выступает в Генеральном Совете с докладом: «Заработная плата, цена и прибыль».

Август. Основание бельгийской секции.

25—29 сентября. Конференция Интернационала в Лондоне. Представлено 7 национальных секций. Основной вопрос порядка дня — программа первого конгресса.

1866 год.

Июнь. Конференция тредюнионов в Шеффилде постановляет рекомендовать всем проф-

союзам вступление в Интернационал. До начала сентября в Интернационал вступило 16 английских профсоюзов (до сентября 1867 г. еще 16).

3—8 сентября. Первый конгресс Интернационала в Женеве. Представлено 25 секций с 45 делегатами и 11 кооперативных обществ с 15 делегатами.

1867 год.

Июнь. Организация И. Ф. Беккером немецкой секционной группы в Женеве.

Август. Второй конгресс Национального Рабочего Союза Соединенных Штатов в Чикаго постановил установить официальную связь с Интернационалом.

Начало сентября. Вышел первый том «Капитала» Маркса.

2—9 сентября. Второй конгресс Интернационала в Лозанне. В конгрессе участвуют 64 делегата, по большей части прудонисты. Обсуждение вопроса об обобществлении земли, по предложению прудонистов, откладывается до следующего конгресса.

Ноябрь. Агитация Генерального Совета в защиту фениев (ирландских революционных республиканцев), присужденных к смертной казни в Манчестере.

1868 год.

Март—май. Бонапартистское правительство Франции проводит два процесса против парижской секции Интернационала.

1 сентября. Генеральный Совет утверждает написанный Марксом отчет Брюссельскому конгрессу.

6—13 сентября. Третий конгресс Интернационала в Брюсселе. 96 делегатов представляют 7 национальных секций. Борьба против прудонистов по вопросу об обобществлении земли, а также при обсуждении предложений прудонистов о создании кредитных банков.

7 сентября. Объединение германских рабочих союзов (возглавляемое А. Бебелем) на съезде в Нюрнберге постановляет примкнуть к Интернационалу.

Декабрь. Организованный Бакуниным «Альянс» добивается легализации его в качестве международной организации внутри Интернационала. Генеральный Совет отклоняет притязания Бакунина.

1869 год.

24 января. Основание первой испанской секции Интернационала в Мадриде.

31 января. Основание итальянской секции в Неаполе.

9 марта. Резолюция Генерального Совета против «Альянса» (написанная Марксом).

9 августа. Основание германской социал-демократической рабочей партии в Эйзенахе (Бебель—Либкнехт), которая примыкает к Интернационалу.

Август. Конгресс тредюнионов в Бирмингеме рекомендует всем английским профсоюзам вступить в Интернационал.

Начало сентября. Маркс составляет отчет Генерального Совета Базельскому конгрессу.

6—13 сентября. IV конгресс Интернационала в Базеле. 78 делегатов представляют 9 национальных секций. Борьба против прудонистов по вопросу об обобществлении земли и против бакунистов по ряду вопросов. Полное поражение прудонистов. Конгресс высказывается за обобществление земли.

1870 год.

Январь. Генсовет рассылает написанный Марксом циркуляр ко всем секциям против интриг Бакунина в женеvской «Эгалите». Основание антибакунистской русской секции Интернационала в Женеве. Представительство секции в Генеральном Совете возлагается на Маркса.

4—6 апреля. Конгресс романских секций в Швейцарии. На конгрессе происходит раскол между бакунистскими группами, с одной стороны, и секциями, поддерживающими Генеральный Совет, — с другой.

Май—июль. Судебное преследование и осуж-

дение руководителей парижской и других французских секций.

Июль. Процесс руководящих членов Интернационала в Австрии, обвиняемых в государственной измене.

19 июля. Начало франко-прусской войны. Секциями Интернационала во Франции, Германии, Бельгии, Испании, Америке и т. д. проводятся массовые протесты и демонстрации против войны под лозунгом международной солидарности.

21 июля. Бебель и Либкнехт в северогерманском рейхстаге воздержались от голосования за военные кредиты как «принципиальные противники всякой династической войны, как социалисты-республиканцы и члены Международного Товарищества Рабочих».

26 июля. Первый манифест Генерального Совета о франко-прусской войне, составленный Марксом.

Сентябрь—ноябрь. Агитация Интернационала в Англии и Америке за признание английским и американским правительствами Французской республики, провозглашенной 4 сентября.

9 сентября. Второй манифест Генерального Совета о франко-прусской войне, составленный Марксом, — с протестом против предполагаемой аннексии Эльзаса и Лотарингии. Арест правления германской социал-демократической рабочей партии за его воззвание против аннексии.

1 декабря. Основание в Нью-Йорке «Центрального Комитета Интернационала в Соединенных Штатах».

1871 год.

18 марта—28 мая. Парижская Коммуна. Маркс и Генеральный Совет тесно связаны с частью руководителей Коммуны, всемерно помогают ей инструкциями и советами.

30 мая. Манифест Генерального Совета «Гражданская война во Франции», написанный Марксом.

Июнь—декабрь. Агитация секций всех стран для поддержки эмигрантов Коммуны и осужденных коммунаров.

6 августа. Мнимый самороспуск «Альянса», который в различных формах продолжает существовать как тайная организация внутри Интернационала.

17—23 сентября. Лондонская конференция Интернационала. Присутствуют 23 делегата. Конференция обсуждает вопросы о политической борьбе рабочего класса, о роли и организационном строительстве партии пролетариата. Решения конференции заострены против бакунистов.

1872 год.

Февраль. Маркс и Энгельс по поручению Генерального Совета составляют секретный циркуляр «Мнимые расколы в Интернационале» против дезорганизующей деятельности бакунистской Юрской Федерации.

Март. Процесс Бебеля и Либкнехта по обвинению в государственной измене, главным образом из-за их участия в Интернационале.

Конец августа. Маркс составляет отчет Генерального Совета Гаагскому конгрессу (на котором «дело идет о жизни и смерти Интернационала»).

2—7 сентября. V конгресс Интернационала в Гааге. Присутствуют 65 делегатов. Несмотря на сопротивление бакунистской и прудонистской оппозиций Маркс добивается того,

что в уставе подчеркивается необходимость создания самостоятельных политических рабочих партий. Бакунин и Гильом исключаются за свою раскольническую деятельность из Интернационала. Генеральный Совет переводится в Нью-Йорк.

1873 год.

Сентябрь. Выход из печати брошюры, написанной Марксом, Энгельсом и другими по поручению Гаагского конгресса, против бакунистского «Альянса».

1876 год.

Середина июля. Конференция Интернационала в Филадельфии постановляет распустить организацию.

К. МАРКС, ФР. ЭНГЕЛЬС

И РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ЧАРТИСТЫ

1

Ленин характеризовал чартизм как «первое широкое, действительно массовое, политически оформленное, пролетарски-революционное движение»¹.

От демократической партии — корреспондентских обществ 1792 — 1798 гг., боровшихся за годовые парламенты и всеобщее прямое, равное и тайное избирательное право, через этап «первой рабочей оппозиции» (1809—1813 гг.) — луддизм, через ряд революционных движений пролетариат Англии пришел к необходимости создания своей самостоятельной политической партии. Так возник чартизм (1836 — 1849 гг.).

Первый подъем чартистского движения (1836—1838 гг.) характеризовался тем, что руководители рабочего движения еще блокировались с буржуазными радикалами, допуская, чтобы прямые агенты буржуазии типа Атвуда (банкир и фабрикант) выступали от имени чартистов. Буржуазным реформистам всех оттенков удалось поэтому не допустить внесения социальных требований в программу чартистов. Уже на первом этапе чартистского движения в нем развернулась борьба между сторонниками «моральной» и «физической» силы. К первому направлению, возглавлявшемуся Ловеттом, примыкали слои ремесленной аристократии. Центром его был Лондон. Ко второму направлению, во главе которого стояли О'Коннор и О'Брайен, примыкали промышленные пролетарии Севера.

¹ Ленин. Т. XXIV, стр. 249.

Гарни² и Джонсом³.

Второй подъем чартистского движения (1840—1843 гг.) характерен возникновением самостоятельной политической организации рабочего класса Англии, так называемой Национальной ассоциации. В этот период были сформулированы наряду с политическими и социальные требования рабочих. В этот период чартисты повернули к социализму, в принципе признали всеобщую стачку и «физическую силу» (т. е. революцию). В 1843 г. была проведена всеобщая стачка в Манчестере. Порвав с буржуазным реформизмом, рабочий класс Англии превратил требование чартера (всеобщее прямое, равное и тайное избирательное право) «в пароль для революции» (К. Маркс).

В этот период на арену английского рабочего движения выступили основатели научного коммунизма — К. Маркс и Фр. Энгельс. Под влиянием Маркса и Энгельса Роберт Оуэн отказался от своего аполитизма и начал выступать в пользу чартистов, за признание политической борьбы. Энгельс сотрудничал в органе Оуэна «The New Moral world» («Новый моральный мир»). Там он поместил с 1843 по 1845 гг. серию статей о французском и немецком социализме и коммунизме.

Вместе с тем молодой Энгельс напечатал в рабочей, социалистической и демократической прессе Франции, Германии, Бельгии и Швейцарии за 1842—1847 гг. ряд статей о чартистском движении Англии. Статьи эти были отредактированы К. Марксом. С 1842 г. Энгельс стал сотрудником-«корреспондентом» газеты радикальных чартистов «Северная звезда». Последняя печатала его обзоры о Германии, Франции и о рабочем движении и перепечатывала статьи К. Маркса из «Новой рейнской газеты» о революции во Франции и Германии. С этого года

² Гарни — сын матроса. Был типографским учеником, потом журналистом. Один из основателей Лондонской ассоциации рабочих.

³ Джонс — адвокат, аристократ по происхождению. Широко образованный человек. В 1845 г. примкнул к чартистскому движению, вступил в редакцию «Северной звезды». С самого начала был сторонником «физической силы». С 1848 по 1850 г. сидел в тюрьме, где подвергался особенно жестокому режиму как изменник своему классу. Один из его аристократических родственников предлагал ему ежегодную ренту в 2 тыс. фунтов, лишь бы он отказался от чартистской агитации. Но Джонс отказался от ренты.

начинается знакомство Маркса и Энгельса с вождями радикального крыла чартистов—Гарни и Джонсом.

Третий под'ем чартизма (1847—1849 гг.) характеризовался крушением о'конноризма и окончательной изменой ловеттистов. Происходила ожесточенная фракционная борьба о'коннористов, о'брайенистов и братских демократов¹—Гарни и Джонса. В чартистском движении активно участвовали немецкие коммунисты: Эккартсхаусен, Молль, Шаппер, Шрамм и др.

Движение стало на четкие интернациональные позиции. После поражения революции 1848 г. только группа Гарни—Джонса оказалась не деморализованной и в условиях реакции продолжала работать над реорганизацией движения.

Маркс и Энгельс, придававшие большое значение чартизму как первой пролетарской партии, деятельно помогали лидерам революционного чартизма и делали все для того, чтобы заставить чартистов порвать с буржуазным реформизмом и стать подлинно пролетарской партией.

2

Собирая в 1842—1843 гг. в Манчестере материалы для своей книги «Положение рабочего класса в Англии», Энгельс ходил по рабочим кварталам, привлекая в качестве корреспондентов-информаторов самих рабочих-чартистов. Много помог ему Джеймс Лич². Кроме того Энгельс широко использовал сообщения рабкоров с мест (как мы говорим сейчас), печатавшиеся в «Северной звезде» («Northern Star»), которую он считал единственной газетой, «дающей отчет о всех движениях пролетариата»³.

Энгельс подчеркивал, что Гарни—руководитель газеты—«настоящий пролетарий» и что он «совершенно ясно представляет себе цели европейского движения и находится вполне на высоте принципов, хотя он ничего не знает о немецких теориях касательно истинного социализма»⁴.

Маркс и Энгельс порвали в 1846 г. с не-

¹ Братские демократы (Fraternal Democrats)—международная организация, созданная Гарни и Джонсом в 1845 г. в Лондоне из представителей радикального крыла чартистов и эмигрантов—революционеров Франции, Германии, Италии,—ставившая целью осуществление всеобщего братства народов и освобождение человечества.

² Джеймс Лич—манчестерский рабочий, один из вождей чартизма из фракции О'Брайена.

³ Маркс и Энгельс. Т. III, стр. 506.

⁴ Маркс и Энгельс. Т. V, стр. 32.

Карл Маркс в 1861 г.

мецкими «истинными социалистами». Борьба с ними была перенесена Марксом в Лондон. Маркс и Энгельс приняли меры, чтобы обеспечить себе в этой борьбе поддержку группы Гарни, в то время как «истинные социалисты»—грюнианцы и вейтлингианцы—тоже старались обработать Гарни через Шаппера.

29 ноября 1847 г. Маркс и Энгельс впервые выступили на митинге левых чартистов, посвященном годовщине польского восстания. Их появление было встречено громом аплодисментов.

«Брюссельские демократы,—сказал в своей речи Маркс,—поручили мне переговорить с их лондонскими братьями о созыве в ближайшие годы в Брюсселе конгресса всех наций, т. е. конгресса рабочих всех наций. Настоящие демократы—это демократы Бельгии и английские чартисты; когда эти последние проведут свои шесть пунктов, они откроют путь для всеобщей свободы. Рабочие Англии! Выполните это великое дело, и вас будут приветствовать, как освободителей человечества!»⁵.

⁵ Бер; М. «История социализма в Англии». Т. II, стр. 541—542. 1924.

А Энгельс заявил: «Вот уже несколько лет я живу в Англии, и я с гордостью называю себя чартистом: я чартист с головы до ног»¹.

Фр. Энгельс руководил кружком рабочих-чартистов в Манчестере.

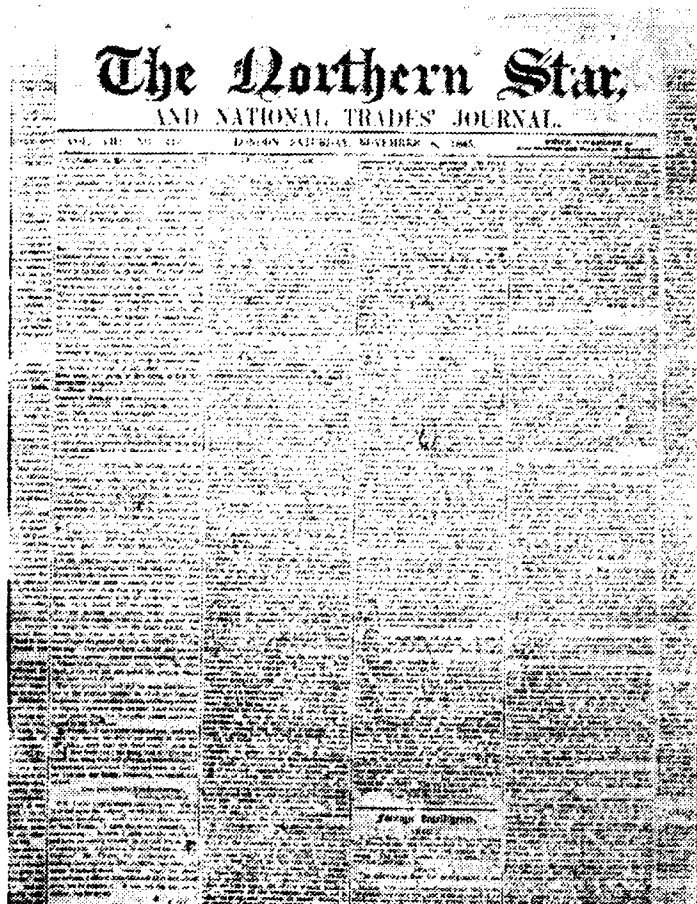
Под влиянием Маркса и Энгельса «братские демократы», несомненно, развились в сторону коммунизма. Они часто собирались в помещении немецкого коммунистического рабочего кружка, активными руководителями которого были К. Маркс и Фр. Энгельс. Вместе с тем Маркс и Энгельс критиковали иллюзии чартистов о возможности легальной революции.

С тонкой иронией Энгельс писал о тактике чартистов: «Если чартизм будет терпеливо ждать, пока завоюет себе большинство в Нижней палате, то ему придется еще много лет созывать митинги и требовать шесть статей народной хартии»².

Но, критикуя слабые места и ошибки левых чартистов, Маркс и Энгельс подчеркивали пролетарский характер этого движения, называя чартистский конвент, заседав-

¹ Бер, М. «История социализма в Англии». Т. II, стр. 541—542. 1924.

² Маркс и Энгельс. Т. II, стр. 274.

«Северная звезда» от 8 ноября 1845 г.

ший в Бирмингеме в мае 1847 г., «Рабочим парламентом».

Энгельс с особой любовью и вниманием оттенял выступления рабочих—членов Конвента, рост их классового сознания³.

К. Маркс исключительно бережно относился к Гарни и Джонсу, помогая им перевоспитываться в духе научного коммунизма. Маркс и Энгельс помогли группе «братские демократы» осуществить разрыв с фракцией О'Коннора и О'Брайена, ставшей на примиренчески-центристские позиции. Основным пунктом программных разногласий обеих фракций чартистов был земельный вопрос. Революционные чартисты требовали национализации и экспроприации земельной собственности. Практический же план О'Коннора, основавшего земельную ассоциацию, сводился к тому, чтобы обеспечить каждого рабочего земельным участком. Рабочие должны были отчислять от своего заработка определенные суммы на покупку земли. После того как цена на обработанные участки повышалась, они закладывались. К полученной от заклада сумме прибавлялось известное количество вновь собранных денег для покупки нового участка. Эта операция должна была продолжаться до тех пор, пока все рабочие не вернутся на землю.

Маркс и Энгельс критиковали этот явно реакционный, утопический план. Вначале они, правда, надеялись, что земельную ассоциацию можно будет использовать для борьбы с лендлордами. Они полагали, что это движение «завершится тем, что превратится в национальную агитацию за захват земель страны народом»⁴. Но ассоциация и не помышляла о революционных методах борьбы за землю. Фракция О'Коннора все больше обнаруживала свою несостоятельность в руководстве пролетарским движением Англии.

Когда осуществился разрыв между Джонсон — Гарни и О'Брайеном — О'Коннором, Маркс и Энгельс писали во втором обращении Центрального комитета Союза коммунистов в июне 1850 г.: «Вожди революционной чартистской партии также находятся в постоянной тесной связи с делегатами Центрального комитета. Они предоставляют к нашим услугам свою печать. Разрыв между этой революционной самостоятельной рабочей партией и более примиренчески-настроенной фракцией, руководимой О'Конно-

³ Маркс и Энгельс. Т. V, стр. 572—573.

⁴ Там же, стр. 271.

ром, был значительно ускорен делегатами Союза»¹.

Несмотря на разрыв с центристской фракцией чартизма левые чартисты пытались заключать блоки с фритредерами, с реформаторами из Сити², с уркартистами³. Попытки заключения подобных блоков являлись выражением буржуазного влияния на пролетариат. Гарни и Джонсу за их ошибки, колебания и шатания крепко доставалось от Маркса и Энгельса. В то же время борьба между Гарни—Джонсом и О'Коннором—О'Брайеном все обострялась. Энгельс из Манчестера писал Марксу, что Джонс выступал в Манчестере «против своих врагов» (О'Коннора и О'Брайена). Несмотря на то что поведение Джонса в этих дискуссиях не совсем удовлетворяло Энгельса (ибо во взглядах Джонса не было достаточной четкости), тем не менее влияние Энгельса сказалось на поведении вождя левой фракции чартистов. «Впрочем,—писал Энгельс,—благодаря «Новой рейнской газете» и моему присутствию (разрядка моя.—Г. Б.) Джонс был вынужден (на публичном митинге.—Г. Б.) об'явить себя «красным республиканцем» и сторонником национализации земельной собственности»⁴.

Форсируя раскол среди чартистов, Маркс и Энгельс влияли через Джонса на выработку новой программы чартистов. Эта программа была принята в апреле 1851 г. на конференции в Манчестере, на которой присутствовал Энгельс и почетным делегатом которой был избран «доктор Маркс».

В этой программе была выдвинута задача вовлечения в движение тредюнионов «всех страдающих классов» под руководством пролетариата и его партии. «Чартистская партия должна выступать как защитница угнетенных», — было сказано в программе.

На основе этих принципов была намечена программа-минимум, в аграрном разделе которой фигурировало требование национализации всех земель.

Программа Джонса знаменовала собой переход чартистов на позиции социализма.

Но вскоре снова выявилась неустойчивость вождей чартизма.

¹ Маркс и Энгельс. Т. VII, стр. 495.

² Реформаторы из Сити—сторонники расширения избирательных прав квартироплательщиков, представители либеральной буржуазии.

³ Уркартисты—сторонники Давида Уркарта, противника по вопросам внешней политики либералов группы лорда Пальмерстона и яростного противника России.

⁴ Маркс и Энгельс. Т. XXI, стр. 129.

Фридрих Энгельс в 1840 г.

В том же, 1851 г. у Маркса и Энгельса возникли серьезные опасения относительно поведения Гарни—Джонса в связи с борьбой с лублиановщиной. Гарни и Джонс под давлением «левых» коммунистов: Шаппер—Виллиха—стали поддавать под влияние Луи Блана и организованного им совместно с мелкобуржуазными элементами политической эмиграции (Мадзини—Герцен) европейского комитета, позицию которого Маркс резко критиковал. На организованном сторонниками этого комитета банкете в память Бема (участника польского восстания 1830 г. и революционной борьбы в Венгрии, вождем которой был Кошут, враг социализма) завязалась драка между «левыми» коммунистами, с одной стороны, и Шраммом—членом Союза коммунистов, которого Маркс высоко ценил,—с другой. Гарни не заступился за Шрамма, заняв «беспартийную» позицию.

Примиренческая позиция Гарни по отношению к Шаппер—Виллиху и Луи Блану возмутила Маркса и Энгельса.

Ирония и в то же время твердое решение быть бескомпромиссным «несмотря на лица» звучат в письме Маркса к Энгельсу от

11 февраля 1851 г. Отмечая большую работу, которую они, Энгельс и Эккариус, сделали для Гарни,—вплоть до редактирования его газеты, Маркс издевался над тем, что Гарни разыгрывал роль «беспартийного»: «...Мне очень нравится та настоящая общественная изоляция, в которой находимся теперь мы оба, ты и я (т. е. Маркс и Энгельс.—Г. Б.). Она вполне соответствует нашей позиции и нашим принципам. Система взаимных уступок, половинчатости из приличия и обязанность брать на себя долю ответственности перед публикой за смехотворные деяния этой партии вместе со всеми этими ослами — со всем этим теперь покончено»¹.

Энгельс соглашался с Марксом на неизбежность временной изоляции, созданной «бестактностью, безалаберностью и нелояльностью» к ним со стороны Гарни. Энгельс выражал твердую уверенность, что Гарни и ему подобные еще будут нуждаться в Марксе, и тогда они оба смогут «диктовать им свои условия»².

Маркс советовал Энгельсу указать Гарни, что в споре Шрамм—Шаппер—Виллих «он (Гарни) перед Германией со всем своим весом выступил за них и против нас...»³.

Борьба кончилась тем, что Гарни и Джонс

¹ Маркс и Энгельс. Т. XXI, стр. 148.

² Там же, стр. 151.

³ Там же, стр. 164.

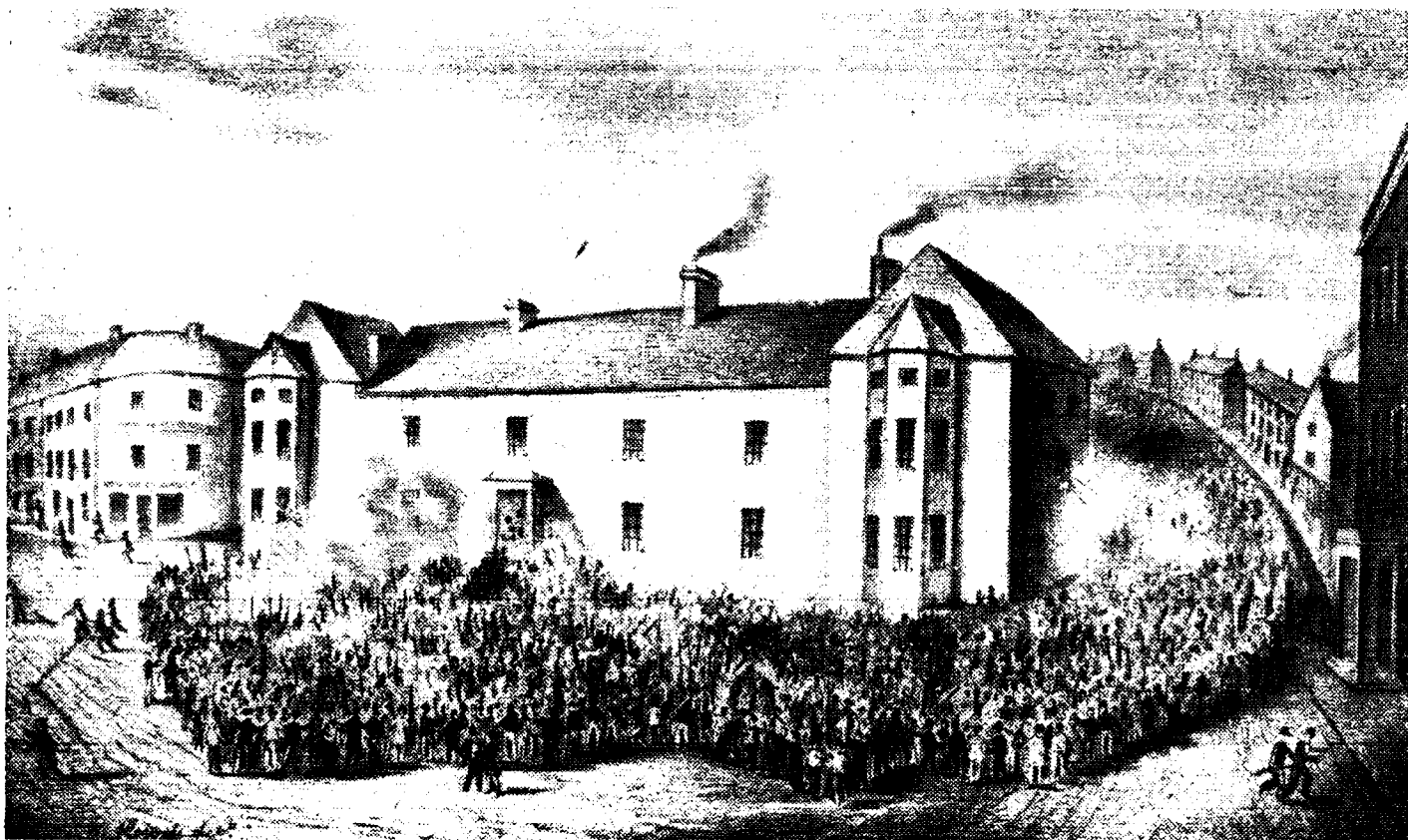
признали правоту политической линии Маркса.

О своем влиянии на левых чартистов писал сам Маркс в письме к Вейдемейеру: «Что касается Джорджа Юлиана Гарни... то он напечатал в своем «Ред републикен» («Красный республиканец») наш «Коммунистический манифест» с примечанием, что это — самый революционный документ, который когда-либо появлялся на свет, а в своем «Демократик ревью» («Демократическом обозрении») он перевел «опровергнутую» Гейнценом премудрость — мои статьи о французской революции (1848 г.—Г. Б.) из «Новой рейнской газеты». В одной статье о Луи Блане он ссылается на мои статьи как на «истинную критику» этого периода французской истории»⁴.

3

После инцидента с Шраммом Джонс ближе подошел к Марксу. Маркс уделял ему и его газете много времени, тем более, что скоро начались серьезные и глубокие принципиальные расхождения между Гарни и Джонсом, закончившиеся разрывом между ними и созданием Джонсом своего печатного органа. Джонс в тот период пропаганди-

⁴ Маркс и Энгельс. Письма, под ред. Адоратского, стр. 66. 4-е изд. 1931.

Нападение чартистов на отель Вестгейт 4 ноября 1839 г.

ровал марксистскую теорию классовой борьбы и дрался против чартистов-кооператоров, о которых Маркс писал, что они хотят избирательного права, но не чартизма и с которыми Гарни вступил в беспринципный блок.

Джонс начал издавать «Notes to the People» («Заметки к народу»). Маркс хлопотал о поддержке этого органа. В письме к Энгельсу от 31 июня 1851 г. Маркс писал о Джонсе: «Он идет вперед в своем органе, он учится. Это не какой-нибудь Гарни. «Заметки к народу» растут, между тем как «Друг народа» погибает»¹. Гибель «Друга народа» Гарни была вызвана изменением политического направления газеты и превращением ее в придаток буржуазной либеральной прессы.

Энгельс писал Марксу: «Джонс стоит на вполне правильном пути, и мы можем смело сказать, что без нашего учения он никогда не выбрался бы на верную дорогу...»².

Только в результате интенсивной деятельности Маркса газета Джонса была спасена от финансового банкротства. Число ее подписчиков возросло.

Благодаря поддержке Маркса и Энгельса Джонс вышел в борьбе против блока Гарни—Голлиока (чартист-ловеттист, кооператор) победителем.

В связи с новым подъемом рабочего движения Джонс летом 1852 г. начал усиленную митинговую деятельность на севере Англии, агитируя за новый созыв рабочего парламента. Он пытался под руководством Маркса возродить чартизм на новой, более высокой основе. Маркс следил за его работой и писал в «Нью-Йорк Дейли Трибюн» корреспонденции о его митингах.

В конце ноября 1853 г. Джонс проводил митинги за созыв Рабочего парламента в Манчестере. В статье «Рабочий парламента» от 29 ноября 1853 г.³ Маркс солидаризировался с мнением Джонса о том, что «созыв Рабочего парламента в Манчестере вызовет тревогу имущих классов». Маркс писал, что на похороны видного вождя чартистов—рабочего Б. Рестона—по призыву Джонса в Галифаксе собралось 200 тыс. рабочих: «Летописи британской демократии не знают более внушительной демонстрации чем та, которая сопровождала восстановление чартизма в Вест-Риддинге и похороны Бенжамина Рестона». Такое количество участников в

Шрамм.

демонстрации Маркс считал «небывалым даже в самые бурные времена английского движения»⁴.

Рабочие объединились под знаменем революционного чартизма. Митинг на холме в Блекстон-Эдже, организованный и проведенный Джонсом, вызвал новый подъем чартизма в Вест-Риддинге, Галифаксе, Йоркшире и Ланкашире. Забастовки все разрастались, охватывая до 30—40 тыс. участников в отдельных районах, втягивая все новые и новые слои рабочих в стачечное движение.

Отдельные узко экономические забастовки вырастали во всеобщие политические стачки. Не даром буржуазия и оппортунисты из кооператоров-чартистов ненавидели Джонса как сторонника К. Маркса. Маркс считал, что на митинге, избравшем организационную комиссию по созыву Рабочего парламента, «самой замечательной была, пожалуй, речь Джонса»⁵, в которой Джонс популярно объяснил рабочим, откуда берется прибыль и что такое заработная плата. Эти высказывания Джонса были пересказом основ экономического учения К. Маркса.

6 марта 1854 г., в 10 часов утра, в Народном доме Манчестера открылся Рабочий парламента. А 7 марта Маркс уже писал в «Нью-Йорк Дейли Трибюн» о первом орга-

¹ Маркс и Энгельс. Т. XXI, стр. 231.

² Там же, стр. 342. Разрядка моя.—Г. Б.

³ Маркс и Энгельс. Т. IX, стр. 250—253.

⁴ Маркс и Энгельс. Т. IX, стр. 176.

⁵ Там же, стр. 251.

Джордж Гарни.

низационном заседании Рабочего парламента. По предложению вождя манчестерских чартистов Джемса Вильямса из Стокпорта и Джемса Блайфа, чартиста из Лондона (политический деятель), поддержанных Джонсом, собрание единогласно постановило пригласить «доктора Маркса принять участие в качестве почетного делегата в занятиях Рабочего парламента». Маркс немедленно откликнулся письмом, зачитанным на заседании Парламента, в котором выражал свою гордость и благодарность за приглашение в качестве почетного делегата и высказывал свои соображения относительно целей работы Парламента.

Маркс считал, что Рабочий парламент должен решить вопрос о захвате политической власти, о разрушении механизма современного государства: «Нужно организовать в армию, обладающую такой моральной и физической силой, чтобы быть способной бороться с вражеской ратью»¹.

Рабочий парламент, по предложению Исполнительного комитета, создал Национальный рабочий фонд помощи боевым забастовкам. В комитет вошли Джонс и рабочие: Джемс Филлен, Джемс Вильямс, Джемс Блайф. Это были революционные вожди лон-

донских и манчестерских чартистов, в основном сторонники Маркса и Энгельса.

Левые чартисты вели борьбу с церковниками. В «Новой одерской газете» Маркс общал о двухсоттысячной демонстрации чартистов 24 июня 1855 г. в Гайд-Парке против аристократии и духовенства, на которой он сам присутствовал. Маркс дал яркое описание отдельных эпизодов этой демонстрации. Чартисты дрались за свободу митингов в воскресный день и за право на улицы и парки. Их поддерживали массы лондонских пролетариев. Плакаты чартистов призывали на чартистский митинг 26 июня 1858 г. «для выбора депутатов на конференцию по реорганизации чартизма»².

Массы отвечали на призывы левых чартистов мощными, грандиозными демонстрациями в Галифаксе, Блестон-Эдже, Манчестере, Бирмингеме и Лондоне. Маркс описал демонстрацию 1 июня 1855 г. против воскресного билля³. Собралось снова не менее 150 тыс. чел. На этот раз полиция мобилировалась по-военному. В своих воспоминаниях о Марксе В. Либкнехт писал, что в этой демонстрации «мы, эмигранты, принимали самое деятельное участие, и Маркс,

² Маркс и Энгельс. Т. XI, стр. 344.

³ Воскресный пивной билль реакционера-ханжи Вильсона Паттена разрешал торговлю спиртными напитками по воскресным дням только от 1 часа до 2½ часов дня и от 6 часов до 10 часов вечера.

Эрнест Джонс.

¹ Маркс и Энгельс. Т. IX, стр. 262.

моуте над Фростом, Вильямсом и Джонсом, обвиненными в государственной измене.
1639—1840 гг.

ях легко приходил в
был схвачен полисмен-
иен в магистрат, если
и в н о й жажде бра-
увенчался, наконец,

онс организовал бан-
4 годовщины своего
га» («Peopl's Paper»)
Маркса.

мым присутствовать
: краткую речь, ко-
Джонсом в его га-
ечь Маркса была по-
значению революции
иата, в частности ро-
риата в грядущей ре-
рабочие, — сказал
еменной промышлен-
удут не последними
игать социальной ре-
ачает освобождение
»².

споминания», стр. 73.

.. Т. XI. Ч. 1-я, стр. 2.

4

Поддерживая Джонса, Маркс одновременно подвергал резкой критике его политические и тактические ошибки. Джонс развил большую агитационную кампанию против союза Великобритании с Наполеоном III. Антибонапартистская кампания должна была помешать приезду Наполеона III в Лондон.

Эта кампания толкнула Джонса на сближение с блоком Луи Блана и К^о. Повторялась та же история, что и с Гарни. Джонс связывался с французами, пролезшими в «экспапперовское общество». Джонс установил также связи с Герценом, который собирался использовать газету Джонса.

Вступив в союз с французской «истинной демократией», Джонс соглашался отступить от требования полной народной хартии. Маркс решил не рвать сразу с Джонсом, а выждать. Однако Маркс тщетно пытался предостеречь его от совершенно ненужной «базарной крикливости» и «беспкойного стремления обогнать время».

Наконец, Джонс осуществил то, что пред-

сказал Энгельс: «Он пошел на блок с манчестерцами-фритредерами, с Брайтом»¹.

Буржуазные газеты стали лстыть Джонсу с целью погубить его как политического деятеля и вождя чартистов.

Принципиально не возражая против соглашений с радикалами, Маркс требовал руководящей роли, гегемонии партии пролетариата, которую Джонсу еще надо было основать.

«Единственно, что оправдывает Джонса,— писал Маркс Энгельсу в письме от 14 января 1858 г.,—это вялое настроение, охватившее теперь рабочий класс в Англии. Но как бы то ни было, на своем нынешнем пути он либо будет *dupe of middleclass or renegade* (одурачен буржуазией либо станет ренегатом)»². Все же Маркс еще тогда надеялся на исправление Джонса.

Джонс окончательно дискредитировал себя перед революционными чартистами своим союзом с манчестерцами на базе отказа от народной хартии.

Социально-экономическую базу этого союза Энгельс видел в появлении рабочей аристократии, в обуржуазивании английского пролетариата.

Маркс порвал с Джонсом.

В письме от 1 февраля 1858 г. он сообщал об этом разрыве Вейдемейеру: «С

Эрнестом Джонсом я порвал... он все же пошел на переговоры с буржуазными радикалами. Теперь он—конченный человек, но вред, причиненный английскому пролетариату, чрезвычайно велик. Хартия, конечно, снова будет выдвинута, но упущен очень благоприятный момент для выступления. Представь себе армию, генерал которой в день сражения перебегает к противнику»³.

Не менее шести лет продолжался разрыв Маркса с Джонсом.

Незадолго до основания I интернационала, в письме от 16 июня 1864 г., Маркс просил Энгельса прислать ему адрес Джонса⁴.

Маркс хотел привлечь в Интернационал революционных чартистов, которые еще были связаны с Джонсом с целью противопоставить их правым лидерам тредюнионов—Кремеру и Оджеру.

Маркс и Энгельс надеялись, что Джонс распространит членские карточки и возьмется за организацию филиала I интернационала в Манчестере.

Отношения с Джонсом формально были восстановлены с мая 1864 г. Но поведение Джонса было далеко не безупречным. Уйдя в судебную практику, он явно отлынивал от организационной работы, хотя и вступил в члены I интернационала и даже обещал в письме к Марксу, что «по окончании сес-

¹ Брайт—либерал, лидер Лиги против хлебных законов, сторонник свободы торговли.

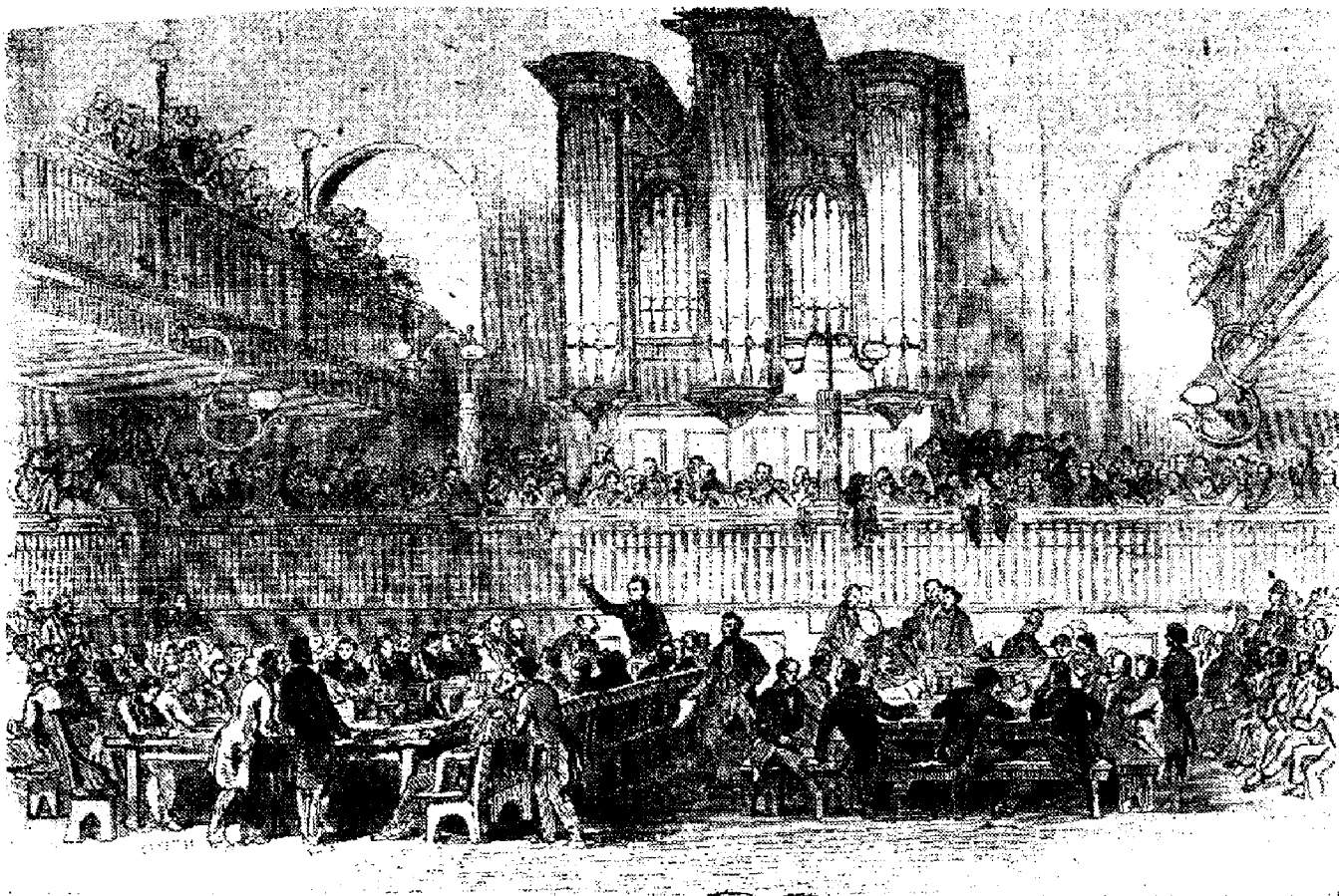
² Маркс и Энгельс. Т. XXII, стр. 291.

³ Герман Шлютер «Чартистское движение», стр. 375. 1924.

⁴ Маркс и Энгельс. Т. XXIII, стр. 191.

Выступление чартистов в Кеннингтонаиджере под Лондоном 10 апреля 1842 г.

Съезд чартистов в Лондоне в 1848 г. («the Illustrated London News»).

сии он учредит в Манчестере среди своих знакомых секцию».

Джонс информировал Маркса о политической жизни рабочих организаций Манчестера.

Джонс предупредил Маркса, что Кремер собирался устроить в Лондоне «грандиозный митинг» под председательством манчестерца Кобдена¹ за избирательное право мужчин. Кобденцы провалились в Манчестере и для привлечения на свою сторону рабочих Лондона хотели использовать Кремера как генерального секретаря Интернационала, соглашаясь принять требование тредюнионистов о всеобщем мужском избирательном праве.

Вопрос об участии в митинге был поставлен на обсуждение Генерального совета. Маркс высказался категорически против участия и провел свое мнение. Но в общем Маркс был недоволен Джонсом. Джонс не распространил ни одной членской карточки, ни одного «Адреса». В письме от 12 мая 1865 г. Энгельс советовал Марксу оставить Джонса «в покое»: «Он, кажется, вообще

уже не очень верит во все пролетарское движение. Мне, впрочем, никогда не удастся его здесь повидать, его никогда не застаешь»².

Но Маркс еще не решался окончательно отказаться от использования Джонса. Надо было иметь прочное большинство на конференции «Лиги реформ», созданной по инициативе I интернационала и возглавлявшей движение за реформу в Англии. Джонс и его друзья еще играли политическую роль, и отбрасывать их по тактическим соображениям было нецелесообразно.

На выборах в парламент Джонс, выставивший свою кандидатуру, вел себя как заурядный либерал. Вскоре после выборов, 26 января 1869 г., Эрнест Джонс умер от воспаления легких. Несмотря на все шатания он был наиболее последовательным вождем революционного чартизма. Энгельс поспешил сообщить Марксу о его смерти с кратким, но характерным замечанием: «Еще один из старой гвардии»³. В тот же день Маркс отвечал Энгельсу: «Известие об Э. Джонсе, понятно, глубоко поразило весь наш дом, так как он был одним из немно-

¹ Кобден Р.—сын Б. Кобдена, фритредер (сторонник свободной торговли), организатор иги против хлебных законов.

² Маркс и Энгельс. Т. XXIII, стр. 285.

³ Маркс и Энгельс. Т. XXIV, стр. 157.

гих старых друзей»¹. 29 января 1868 г. Энгельс сообщал Марксу, что «завтра состоятся грандиозные похороны Джонса на том же кладбище, где покоится Лупус². Поистине жаль этого парня. Ведь его буржуазные фразы были лишь лицемерием, а здесь, в Манчестере, нет ни одного человека, который мог бы заменить его у рабочих. Организация здесь снова совершенно распадается, и вот теперь буржуазия возьмет рабочих по-настоящему на буксир. К тому же он был среди политиков единственным образцом в английском англичанином, стоявшим, по существу, вполне на нашей стороне»³.

С исторической сцены Англии сошел последний из могикан чартизма, приблизившийся к марксизму,—Эрнест Джонс.

Снова завязал с Марксом связи и Гарни, который жил в это время в Америке. Он вступил в I интернационал и возобновил переписку с Марксом⁴. В письме от 8 мая 1869 г. Маркс сообщал Энгельсу, что Гарни «из Бостона прислал в Генеральный совет 1 фунт в виде членского взноса, а также письмо, в котором он весьма тепло справляется о тебе. Он пишет также, чтобы я послал ему экземпляр «Капитала». Он надеется найти в Нью-Йорке переводчиков и издателей»⁵.

Влияние Энгельса и Маркса на двух вождей революционного чартизма—Джонса и Гарни—измеряется десятилетиями.

Последние упоминания о чартистах мы находим в письмах Маркса к американ-

цам—членам I интернационала, К. Шпейеру (от 10 ноября 1871 г.) и Ф. Вольте (от 23 ноября 1871 г.).

В письме к Ф. Вольте, говоря об англичанах Г. Гаррисоне⁶ и Буне⁷, Маркс писал, что «эти о'брайенисты, хотя и глупы, но часто представляют собой в Совете необходимый противовес тредюнионистам. Они революционнее, радикальнее в земельном вопросе, менее заражены национализмом и недоступны никакого рода буржуазному подкупу, иначе они давно были бы выброшены из Совета»⁸. И этих последних представителей чартистского движения Маркс использовал в своей борьбе с махровым оппортунизмом Оджера и Кремера.

Энгельс предвидел падение монополии Англии и появление в ней социализма. «С падением монополии это привилегированное положение английского рабочего класса исчезнет. В один прекрасный день он весь, не исключая руководящего и находящегося в привилегированном положении меньшинства, увидит себя на таком же уровне, на котором находятся рабочие других стран. И вот почему тогда в Англии появится социализм»⁹.

Энгельс не только дожил до нового появления социализма в Англии, но он вместе с Элеонорой Маркс-Эвелинг заложил основы британского социалистического движения. В наши дни английский пролетариат создал свою коммунистическую партию, являющуюся единственной партией английского рабочего класса, воспринявшей лучшие традиции революционного чартизма.

¹ Маркс и Энгельс. Т. XXIV, стр. 157.

² Лупус-Вильгельм Вольф, которому К. Маркс посвятил I том «Капитала».

³ Маркс и Энгельс. Т. XXIV, стр. 160.

⁴ Гарни уехал на остров Джерси, где издавал литературную газету, а затем в Америку. К моменту возобновления переписки с Марксом работал секретарем при административном управлении республики Массачусетс.

⁵ Маркс и Энгельс. Т. XXIV, стр. 198.

⁶ Г. Гаррисон—член I интернационала, рабочий, бывший вождь манчестерских чартистов.

⁷ Бун Мартин—механик, член Генерального совета I интернационала, секретарь Лиги «Земля и труд», созданной I интернационалом для борьбы за национализацию земли.

⁸ Зорге. Письма, стр. 47. 1907.

⁹ Энгельс «Положение рабочего класса в Англии», стр. 63.

БОРЬБА МАРКСА

С ПРУДОНИСТАМИ В I ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

1

При основании I интернационала французские рабочие были представлены небольшой группой прудонистов (во главе с Толеном), которая выпустила «Манифест шестидесяти» и составила обращение к английским рабочим в ответ на обращение последних к французским рабочим, пересланное в Париж во исполнение решения митинга в Сент-Джемс Холле, происходившего в 1863 г.

Ответное обращение французских рабочих должно было быть оглашено в Лондоне в 1864 г., на митинге, об организации которого шли переговоры между прудонистами и вождями английских рабочих. В качестве посредника между теми и другими выступали буржуазные республиканцы: Ле-Любе, французский эмигрант, живший в Джерси и связанный с вожаками лондонских рабочих: Поттером, Оджером, Кремером, — Анри Лефор и др.

Анри Лефор был представителем тех кругов буржуазных республиканцев Франции, которые стремились связаться с рабочими организациями для использования последних в своих политических целях. «Манифест шестидесяти» был написан у него на квартире и при его содействии. Чернов пишет¹, что в редактировании «Манифеста» принимал участие даже Гамбетта. Очевидно, влиянием этих республиканцев объясняется компромиссная стержневая мысль Манифеста, выраженная словами: «Без нас буржуа-

зия не может создать ничего прочного, а без ее содействия наше освобождение может затянуться на долгое время. Объединимся же для достижения общей цели: для торжества истинной демократии»².

Прудонистская группа Толена нуждалась в содействии буржуазных республиканцев, так как сама она не внушала особого доверия широким массам республикански настроенных рабочих. Толен, бывший в свое время секретарем рабочей комиссии по организации французской рабочей делегации на Лондонскую выставку 1862 г., соприкасался в то время с бонапартистскими кругами и находился в личном общении с принцем Наполеоном (Плон-Плоном). Обвинения, бросавшиеся по адресу Толена в том, что он был подкуплен бонапартистами, неверны, но его соприкосновение с этими кругами бросало на него и его группу тень. Отсюда вынужденные связи с буржуазными республиканцами, которые ставили Толена и его группу в определенную зависимость от них.

Не подлежит сомнению, что необходимость подчеркнуть перед английскими рабочими свой антибонапартизм заставила эту прудонистскую группу прибегнуть к посредничеству Лефора и Ле-Любе в своих сношениях с вожаками лондонских рабочих организаций. Лефор и Ле-Любе вели от имени французских рабочих переговоры с последними; Лефор же сообщил группе Толена о том, что встреча группы с англичанами намечена на 28 сентября 1864 г. Эта же необходимость в республиканской вывеске заставила прудонистов согласиться на то, чтобы французских рабочих в комитете, избранном на митинге в Сен-Мартин Холле 28 сентября 1864 г., представлял Ле-Любе.

Таким образом случилось так, что на первых порах Интернационал имел во Франции в качестве своей агентуры некий блок рабочих-прудонистов с республиканцами-демократами. Уже одно это обстоятельство предвещало там неизбежность трений и раздоров.

Свою деятельность во Франции после основания Интернационала группа Толена развертывала осторожно и исподволь. В ноябре 1864 г. она получила из Лондона написанный Марксом устав Интернационала на английском языке. Перевод его, по-

¹ Tschernoff «La partie républicaine au coup d'état et sous le Second Empire». Paris. 1906.

² Полностью «Манифест шестидесяти» перепечатан в книге А. Тома «История Второй империи». Русское издание. СПб. 1908, стр. 208—215.

рученный Лонге, был выполнен¹ скверно. В частности в пункте четвертом вводной части устава слова «как средство» были выброшены, и этот пункт в измененном после этого виде читался так: «Экономическое освобождение рабочего класса есть поэтому великая цель, которой должно быть подчинено всякое политическое движение».

Группа назначила секретарями-корреспондентами Интернационала для Парижа Толена, Фрибура и Лимузена и организовала с 8 января 1865 г. бюро на улице Гравильер (отсюда и название этой группы «гравильеры»). Информация Центрального совета² о деятельности группы в это время была достаточно полной, ибо Маркс с ведома Центрального совета имел в Париже свой «глаз» в лице Шили, старого члена Союза коммунистов.

Прудонисты, добившись через Лефора и Ле-Любе непосредственной связи с английскими рабочими организациями, полагали, что теперь наступил момент избавиться от вынужденных связей и опеки со стороны буржуазных республиканцев. Поэтому они не включили в состав бюро Лефора. Это обстоятельство вызвало подозрения со стороны республиканцев. Подозрения и враждебность республиканцев к гравильерам усиливались еще и тем, что они опасались, как бы стремление прудонистов к отделению от буржуазных республиканцев не оказало «пагубного» влияния на рабочие организации, группировавшиеся вокруг «L'Association». «L'Association» была органом кредитных рабочих кооперативов, объединившихся в «Народный банк» под названием «Кредит труду» (Credit au travail). Во главе банка стоял Белюз (зять известного коммуниста-утописта Кабэ). Кредитные ассоциации, по некоторым данным объединившие до 10 тыс. рабочих, были проникнуты республиканскими тенденциями, но политически они плелись в хвосте у буржуазных республиканцев. В редакционном комитете «L'Association» в числе других находился и А. Лефор. Попытка прудонистов избавиться от Лефора и опеки республиканцев угрожала подрывом влияния последних в кредитных кооперативах. Поэтому республиканцы постарались сделать все для со-

здания вокруг прудонистов атмосферы подозрительности и недоброжелательства. Почувствовав это, прудонисты забили отбой. Фрибур отправился к Лефору с челобитной и просил его формально присоединиться к Интернационалу. Лефор согласился, и положение гравильеров как будто начало улучшаться.

Но как раз в это время в их лагерь был брошен камень. Горн, коллега Лефора по редакции — «L'Association», поместил в «L'Avenir nationale»³ статью, где, довольно благожелательно отзываясь об Интернационале, одновременно сильно напал на гравильеров, придравшись как раз к искаженному ими переводу четвертого пункта устава. Горн писал, что новая организация считает возможным достижение экономического прогресса независимо от политической борьбы и что это и есть бонапартизм.

Статья Горна произвела переполох. Лефор, которого статья Горна также компрометировала как член парижского бюро, срочно запросил Ле-Любе, как могла проскользнуть в уставе такая неудачная формулировка. Ле-Любе немедленно ответил: «Я забыл сказать вам, что наша декларация принципов не очень хорошо переведена и что в некоторых местах даже смысл совершенно изменен. Параграф, о котором говорит Горн, совершенно не передан. Вот то, что имеется в вводной части: «Экономическое освобождение рабочего класса есть, следовательно, великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено «как средство»... Манифест никоим образом не провозглашал «разрыва» между политическими свободами и свободами социальными»⁴.

Ле-Любе скрыл весь этот инцидент, имевший место в Париже, от Центрального совета. Лефор же попал между двух огней: с одной стороны, деятели Ассоциации, которые подозревали Лефора в двурушничестве, с другой — гравильеры, которые решили, что статья Горна есть интрига Лефора, направленная против них, для того чтобы обеспечить кредитным ассоциациям преобладание в парижской организации Интернационала. Они обрушились на Лефора с обвинениями. И как раз в этот момент весь инцидент окольным путем стал известен Центральному совету.

Позаботился об этом М. Гесс, который в своей корреспонденции в лассальянский «Социал-демократ» изложил дело так, как

¹ Уже 8 января 1865 г. два первых экземпляра устава на французском языке были отправлены для регистрации парижскому префекту полиции и министру внутренних дел.

² Генеральный совет первоначально назывался Центральным советом.

³ Газета, издававшаяся Пейра в Париже.

⁴ Tschernoff, цит. соч., стр. 453—454.

будто Центральный совет обратился к «L'Association» с просьбой поместить в ней французский перевод Учредительного манифеста и устава и присоединиться к Интернационалу, на что «L'Association» ответила отказом, якобы заявив, что она не хочет иметь дело с организацией, связанной во Франции с бонапартистами.

Полученный в Лондоне «Социал-демократ» с корреспонденцией Гесса произвел в Центральном совете впечатление разорвавшейся бомбы. Совет, по предложению Маркса, задержал посылку в Париж членских билетов до получения сообщения от Шили, которого Маркс срочно запросил об обстоятельствах дела. Одновременно были запрошены и гравильеры: на каком основании они исказили устав Интернационала?

Гравильеры теперь в свою очередь очутились между двух огней: с одной стороны их теснили Горн и К°, с другой—Центральный совет, по существу, выражал им недоверие. Толен подал в отставку. Положение спас Шили, который раз'яснил Центральному совету, что Гесс исказил факты. Шили одновременно предпринял шаги к примирению Лефора с гравильерами, а Ле-Любе усердно защищал последних в Центральном совете. Гравильеры, оправдываясь, раз'яснили Совету, что слова «как средство» были опущены ими намеренно, для того чтобы сохранить возможность легального существования Интернационала во Франции. Мотив был признан уважительным, и вопрос казался исчерпанным. Отставка Толена не была принята Центральным советом. Уже 10 февраля 1865 г. Маркс писал Энгельсу об этом инциденте как о деле минувшем.

2

Но в самом разрешении возникшего кризиса содержался момент, повлекший за собой новый кризис. Центральный совет, чтобы преодолеть недоверие республиканских рабочих к гравильерам, которые в тот момент представляли для него хоть и шаткий, но единственный мостик к массам, все же решил использовать республиканцев и утвердил Лефора «полпредом» Интернационала при парижской прессе. Лефор был с ней связан и мог сравнительно легко обеспечить создание надлежащей атмосферы вокруг гравильеров для привлечения масс к Интернационалу.

Гравильеры, однако, не согласились с этой тактикой Центрального совета. В тот самый день (10 февраля 1865 г.), когда Маркс

писал Энгельсу о том, что инцидент в Париже — дело прошлого, Толен в письме к Ле-Любе в очень осторожной форме подвергал ревизии план Центрального совета¹. Толен, сильно преувеличивая успехи гравильеров и их победу над кредитными ассоциациями, утверждал, что эти успехи достигнуты только потому, что гравильеры действовали самостоятельно. Он писал: «Важно, чтобы Генеральный совет в Лондоне поостерегся аккредитовать или доверить какую бы то ни было миссию во Франции человеку, который не был бы рабочим»².

Письмо Толена к Ле-Любе было «восстанием на коленях» против политики Центрального совета, руководимого Марксом. На большее прудонисты, только что вышедшие из крайне тяжелого положения, не осмеливались.

Желание прудонистов отделаться от буржуазных республиканцев было законным. Но гравильеры хотели этого не для того, чтобы повести независимую рабочую политику, а чтобы укрепить прудонистскую секту, которая собиралась действовать в стороне от большой дороги политической борьбы.

Назначением Лефора «полпредом» при парижской прессе Центральный совет говорил гравильерам: «Вы не можете бороться за освобождение пролетариата, не свергнув Бонапарта». Но этого как раз и не хотели прудонисты, считавшие возможным добиться освобождения пролетариата путем взаимопомощи, без свержения империи.

«Бунт», начатый Толеном, был поддержан Фрибуром. Если Толен предостерегал Совет, то Фрибур уже «вносил конкретное предложение». В письме к тому же Ле-Любе он сообщал, что вместо Лефора они нашли рабочего. «Гражданин Пьер Венсар,— писал он,— кажется нам воплощением нашего идеала...»³.

Ле-Любе поспешил сообщить своему другу Лефору о «восстании» гравильеров. Гравильерам пришлось об'ясниться. Они выдвинули принципиальный мотив. Фрибур рассказывает, что им было послано Лефору письмо, в котором он писал: «Если бы мы добивались только шума, республиканской манифестации, мы взяли бы в качестве знамени не вас, а другое, более знаменитое имя; мы были бы разбиты, но пали бы при общих аплодисментах. Но наша цель не в

¹ Tschernoff, цит. соч., стр. 455 — 456

² Там же, стр. 459.

³ Fribourg «L'association internationale des travailleurs». Paris. 1871.

этом. Мы хотели основать товарищество, которое через исследование вело бы к освобождению труда. На этом пути, при всем нашем уважении к вам, ваша известность представляет только опасность, не давая взамен никакой выгоды, поэтому мы ее отклоняем». Лефор отказался уступить. Обе стороны апеллировали к Центральному совету. Ле-Любе вызвался лично поехать в Париж для обследования положения на месте. Центральный совет согласился на его поездку. Маркс назначил в помощники Ле-Любе Шили и послал последнему частное инструкторное письмо. Когда Ле-Любе после обследования возвращался обратно в Лондон, следом за ним отправились туда же Толен и Фрибур. В течение 4 дней вопрос обсуждался в Центральном совете. Ле-Любе защищал Лефора и настаивал на том, чтобы отныне Центральный совет имел дело только с кредитными ассоциациями. Толен и Фрибур требовали отставки Лефора и настаивали на своем исключительном праве быть представителями французских рабочих. Этот спор осложнялся массой всяких деталей и побочных обстоятельств, которые делали инцидент непонятным для подавляющего большинства Совета. Для Маркса, подробно информированного Шили, не было никаких сомнений в том, что идет спор между буржуазными республиканцами и прудонистами за влияние на рабочий класс Франции. Центральный совет же был заинтересован в том, чтобы ни те, ни другие не закреплялись в массах. Марксу пришлось самому составить резолюции, которые и были приняты Советом. Этих резолюций пять¹. Они представляют огромный интерес и имеют большое значение для понимания того положения, которое сложилось во французской части Интернационала после этого инцидента. Центральный совет, во-первых, предоставил самим парижанам решать, считают ли они целесообразной отставку Толена при существующих обстоятельствах. Совет обещал утвердить любое их решение по этому вопросу. Во-вторых, Центральный совет отменил свое решение о назначении Лефора представителем Совета при французской прессе, выразив в то же время свое уважение Лефору за его «испытанный политический характер». Одновременно он протестовал против принципа, будто должностным лицом в Интернационале может быть только рабочий физического труда. Все это было своеобразной формой республи-

ликанской демонстрации Центрального совета перед лицом рабочих бонапартистской Франции. Далее, Совет утвердил состав парижского бюро, присоединив к нему Венсара². Заявив, что он не желает навязывать решение, Совет, однако, серьезно предлагал парижскому бюро придти к соглашению с группой Лефора и Белюза, предоставив этой группе три места в бюро. Генеральный совет, таким образом, подчеркивал, что он вовсе не собирается опираться на одну лишь группу Толена и предлагает прудонистам привлекать все те группы, за которыми идут рабочие массы. Наконец, Шили назначался представителем Центрального совета при парижском бюро. Одновременно Шили была дана секретная инструкция: ему поручалось пригрозить Толену, Фрибуру и К³, что если они не сделают необходимых уступок Белюзу и не привлекут рабочих из кредитных кооперативов, то Центральный совет разрешит последним организовать в качестве отдельной секции Интернационала наряду с парижским бюро.

Таким образом на данном этапе Центральный совет, руководимый Марксом, в вопросе о целях организации предпочел пока прудонистов шедшим в хвосте у буржуазных демократов кредитным ассоциациям (не отталкивая их в то же время). Это объясняется тем, что Маркс добивался отделения социалистических рабочих союзов от буржуазно-демократических в независимую организацию, входящую в Интернационал. Однако это предпочтение прудонистам было обусловлено одновременно требованием, обязывавшим их бороться за массы.

Прудонисты отлично поняли, что если они не привлекут на сторону Интернационала массы, то их самих выбросят за борт как препятствие на пути к массам. Фрибур рассказывает³, что после окончания инцидента с Лефором они решили связаться с массами. С этой целью были разосланы приглашения наиболее влиятельным рабочим на подпольное собрание, чтобы обсудить на нем вопрос об Интернационале.

На призыв откликнулось около полутораста человек. Фрибур предложил собравшимся создать комитет для руководства движением рабочих в Париже; вместе с этим комитетом и под его контролем должно было работать и парижское бюро. Тогда один из присутствовавших, рабочий-обойщик Элигон, видный деятель рабочих организа-

¹ Маркс и Энгельс. Сочинения. Т. XXIII, стр. 268.

² Венсар — республиканец-рабочий, участник революции 1848 г.

³ Фрибур, цитируемая работа.

ций, задал инициаторам собрания щекотливый вопрос: каковы политические тенденции инициаторов, не опровергнут ли они сначала обвинения в бонапартизме и, наконец, может быть, они объяснят, как это им удастся вопреки законам организовать легальное товарищество? Толену и Фрибуру пришлось клясться перед собранием в непричастности к бонапартизму, в своем республиканизме, в желании создать политическую организацию, в которую нужно будет допускать лишь рабочих, заведомо республикански настроенных. Такова должна быть организация по существу, говорили Толен и Фрибур, а по форме она будет воздерживаться от политики, представлять собой исследовательское общество. Что же касается легальности, то каждый член организации будет иметь на руках членскую карточку на английском языке и в случае полицейских придираков сможет заявить, что он член некоего лондонского общества и ни с кем во Франции не связан.

На этом рабочем собрании прудонисты были явно не в своей тарелке. Если Лефору они писали правду, что хотят организовать исследовательское общество по существу, то здесь кривили душой, говоря, что хотят создать политическую организацию по существу. Это показывает, как был прав Маркс, когда он с самого начала поставил задачей Интернационала во Франции пробить дорогу к рабочим массам. Он великолепно понимал, что, связавшись с массами, гравильеры либо должны будут отказаться от своего сектантства, либо массы уйдут от них. Рабочих, присутствовавших на собрании, убедили не клятвы инициаторов собрания, но заключительное заявление Фрибура. «Если мы,—заявил он,—неискренни, вы ведь сможете нас разоблачить».

После этого собрание разошлось, остановив обсудить вопрос по предприятиям.

Обсуждение вопроса по предприятиям, ознакомление рабочих с уставом Интернационала дали положительные результаты. Рабочие начали присоединяться к Интернационалу, парижское бюро пополнилось представительством от рабочих. Правда, присоединившиеся количественно не представляли внушительной силы, но начало связи с массами было все же положено. Парижское бюро начало действительно функционировать.

2*

3

Новый этап движения совпал с Лондонской конференцией 1865 г. Прудонисты на конференции снова подняли вопрос о недопущении в Интернационал лиц нефизического труда, декларировали против стачек, протестовали против женского труда и участия женщин в общественной жизни. Наибольшие возражения с их стороны вызвал пункт, предложенный Марксом для включения в повестку дня предстоящего конгресса, «об уничтожении русского влияния в Европе и восстановлении независимой Польши». Итоги Лондонской конференции показали, что основными противниками программы, намеченной Центральным советом для предстоящего конгресса 1866 г., будут прудонисты. Это определяло направление удара, который должен был нанести Маркс на конгрессе 1866 г.

Возвратившись в Париж, прудонисты опубликовали отчет о конференции и повестку дня предстоящего в Женеве конгресса. Буржуазная пресса Франции проявила большой интерес как раз к пункту, касавшемуся России и Польши.

Но прудонисты, верные доктрине своего учителя, начали против Центрального совета атаку по вопросу о Польше. Во главе нападающих шли на этот раз не парижане, а прудонистская интеллигентская молодежь, перебравшаяся через французскую границу в Бельгию и издававшая там под редакцией Лонге газету «Rive gauche». Один из группы этой молодежи — Везинье¹ — написал в бельгийской «Cigale» статью, представлявшую собой настоящий обвинительный акт против Центрального совета. «Этому комитету,—писал Везинье,—были доверены величайшие интересы человечества, а он с легким сердцем отказался от этой возвышенной цели, для того чтобы выродиться в комитет национальностей на буксире у бонапартизма». «Постановка вопроса о России и Польше,—писал Везинье,—выходит за пределы деятельности Интернационала и противоречит ей. Центральный совет должен был провозгласить «солидарность и братство всех народов, а не подвергать отлучению один из народов».

По существу эти прудонистские нападки

¹ А. Тома пишет, что Везинье и Ле-Любе разошлись с гравильерами по польскому вопросу. Это неверно. Аргументация Везинье по польскому вопросу — типично прудонистская.

на Центральный совет выражали стремления маленькой секты воспрепятствовать Интернационалу иметь и отстаивать самостоятельную линию рабочего класса в области внешней политики и в национальном вопросе.

Острые своей атаки они направили, конечно, против Маркса, вступив с этой целью в союз с мадзинистами и частью тредюнионистов, у которых были свои мотивы для недовольства.

Уже в письме к Энгельсу в начале 1865 г. Маркс отмечал, что Мадзини взбешен тем, что его здешнее и тальянское рабочее общество разослало Учредительный манифест на итальянском языке, не сделав категорически потребованных господином Мадзини поправок, например, изъятия некоторых мест, направленных против буржуазии. Гнев Мадзини имел организационные последствия. Под давлением уполномоченного Мадзини в Лондоне майора Вольфа (оказавшегося впоследствии полицейским шпионом) делегаты итальянского рабочего общества в Совете—Лама и Фонтана—заявили о своем выходе из состава Центрального совета. Само итальянское общество из Интернационала, однако, не ушло. Спустя некоторое время общество сообщило Совету, что отныне его делегатом будет Вольф. Вольф, вступив в Совет, ожидал только удобного случая, для того чтобы произвести в последнем «государственный переворот» против Маркса и передать Интернационал в руки Мадзини.

Удобный момент, по его мнению, представился во время длительной болезни Маркса в начале 1866 г.

Во время болезни Маркса Вольф связался с Кремером и английскими тредюнионистами, желавшими удалить Эккариуса из «Объединенного комитета»¹; ибо последний мешал им пойти по проторенной дорожке соглашательства с буржуазными радикалами. Заодно они хотели захватить в свои руки и печатный орган совета—газету «Commonwealth» (редактором которой был Эккариус). На редактирование этой газеты претендовал Гоуэлл². На сторону Вольфа и тредюнионистов перешла и часть французов, недовольных позицией Центрального совета в

¹ Объединенный комитет—организация, созданная на паритетных началах из представителей Совета и Лиги Кобдена для борьбы за всеобщее избирательное право. Маркс влиял на комитет через входившего в последний Эккариуса.

² Гоуэлл—один из вождей тредюнионов.

польском вопросе. Последние в частности пытались предотвратить посылку Юнгом отчета Центрального совета на нападки Вежинье в «Echo des verriers». Так создался в Центральном совете блок недовольных, сплотившийся, по существу, на буржуазной платформе.

6 марта 1866 г. на заседании Центрального совета Вольф напал на Юнга в связи с его ответом в «Echo des verriers», скрыто атакуя Маркса. Вслед за ним выступил Ле-Любе, который подлил масла в огонь. Представителей континента на заседании Совета было немного, и союзу недовольных удалось провести в Совете резолюцию, выгодную для Мадзини.

Маркс, обычно избегавший противопоставления континентальных секретарей английским членам Совета, созвал на этот раз особое совещание континентальных секретарей. На совещании было решено, разоблачив отношение Мадзини к Интернационалу и к континентальным рабочим партиям, вскрыть существо мадзинистского «социализма», заставить Совет отменить свою резолюцию от 6 марта. Намеченный план на ближайшем заседании Совета был осуществлен удачно, и блок вынужден был отступить.

Но борьба Маркса против блока недовольных не закончилась организационным разгромом последнего. Маркс разгромил их в идейном отношении. Мадзини был разоблачен Марксом в самом Совете. Загруженный работой, Маркс поручил Энгельсу написать ответ по существу на нападки прудонистов; Энгельс начал в тогдашнем органе Центрального совета «Commonwealth» серию статей, которая осталась незаконченной (написано было только три статьи) вследствие изменений в издании самой газеты. Серия шла под общим заголовком «Какое дело рабочему классу до Польши?»³

Энгельс напоминал, что требование восстановления независимости Польши—старое требование европейских рабочих: чартистов, французских и немецких рабочих в 1848 г. Правда, это требование не разделяет одна из групп рабочих—последователи П. Ж. Прудона, которые восхищаются царской Россией.

Прудонисты обвиняют Совет в том, что он идет на буксире бонапартистского «принципа национальностей». Энгельс доказывал, что позиция Центрального совета

³ «Commonwealth» №№ от 24/III, 31/III и 5/V за 1866 г.

Участники конгресса I интернационала в Женеве в 1866 г

просе и бонапартистский
льностей» диаметрально
чем существо позиции
та? В том, что рабо-
л и требует права само-
ольши, Венгрии, Италии,
для которых первым ша-
движения является дви-
е. Бонапарт же, написав-
ени «принцип националь-
ий, что любой националь-
ть разрешено присоеди-
ной стране, упорно мол-
Кельты и валийцы—дру-
и чем англичане, но ни-
остатки давно исчезнув-
иями. Например швей-
ие немцы, писал Энгельс,
охоты присоединиться к
кие французы не хотят
единения с Францией.
льности» является, таким
авоевательной политики.
имствовал этот принцип
ссии, которая применяет
яток лет. Например пан-
ое, как применение Рос-
иональности по отноше-

нию к сербам, кроатам, болгарам, словакам
и другим мелким славянским народам. Этот
принцип Россия применяет и к польской
нации.

Таково в общих чертах основное содер-
жание этих незаконченных статей Энгельса.

Борьба с прудонистами по национальному
вопросу получила новый толчок, когда
вспыхнул австро-прусский конфликт 1866 г.
Для Маркса и Энгельса было ясно, что это—
драка между двумя немецкими династиями
за обладание Германией, что если не
произойдет революции в Герма-
нии, то Гогенцоллерны и Габсбурги династи-
ческой войной способны отбросить Герма-
нию на 50—100 лет назад.

Прудонисты же на заседаниях Совета до-
казывали, что война устарела, а потому не-
зачем заниматься этими вопросами. Челове-
чество в своем развитии, говорили они, бу-
дет двигаться от организации местных групп
или коммун к созданию постепенно боль-
шого и всеохватывающего союза, который
исключает всякое государство. «И это...—
писал Маркс, — должно происходить таким
образом, чтобы во всех остальных странах
история приостановилась и чтобы весь мир

ждал, пока французы созреют для совершения социальной революции»¹.

Маркс отстаивал позицию Совета по этим вопросам против прудонистов. На ближайшем, происходившем через несколько месяцев конгрессе Интернационала в Женеве польский вопрос обсуждался и была принята резолюция в духе предложений Маркса, хотя прудонисты основательно готовились к бою на конгрессе.

Парижское бюро в течение ряда месяцев собиралось по четвергам и обсуждало все вопросы, поставленные в порядок дня Женевского конгресса. Результатом этих обсуждений явился большой доклад, представленный гравильерами конгрессу. Все вопросы повестки дня конгресса рассматривались в этом документе с правоверно прудонистской точки зрения. Прудонисты высказывались против стачечной борьбы, за домашнее воспитание и образование. Они считали, что основным средством освобождения пролетариата является кооперация. Говоря о России и Польше, прудонисты заявляли, что они отказываются даже обсуждать этот вопрос под тем предлогом, что не дело делегатов экономического конгресса поднимать вопросы политические.

Прудонисты стремились использовать отсталость сознания французского пролетариата, навязывая ему мелкобуржуазные рецепты освобождения. Создание во Франции действительной организации рабочего класса для его борьбы невозможно было поэтому без искоренения в сознании пролетариата этого «ветхого Адама» мелкобуржуазности. Последнее же лучше всего достигалось самой практикой, которая на каждом шагу опрокидывала теоретические построения прудонистов. Докладная записка Маркса, составленная для английской делегации на Женевском конгрессе 1866 г., была, в сущности, написана для рабочих-прудонистов и апеллировала к опыту повседневной жизни рядового рабочего. В этой записке Маркс касался всех вопросов, стоявших в повестке дня конгресса, и давал на них в простой, ясной, доступной пониманию рядового рабочего форме ответ в духе принципов научного социализма. Вопреки протестам и декларациям прудонистов основные положения докладной записки Маркса стали резолюциями конгресса.

Решениями Женевского конгресса Маркс нанес сильнейший удар, влиянию прудони-

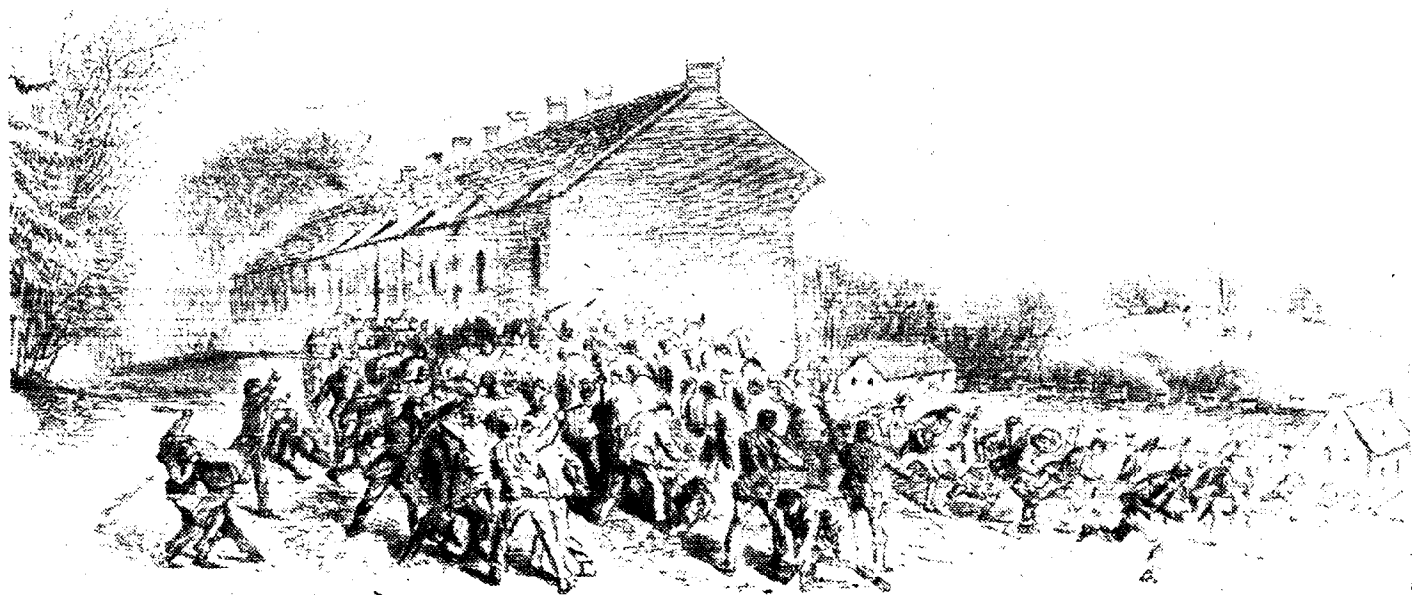
стов на рабочий класс Франции. Триумф Маркса был настолько велик, его авторитет в Совете настолько силен, что англичане, вернувшись с конгресса, в виде демонстрации против прудонистов, которые на конгрессе снова подняли вопрос об исключении из Интернационала всех лиц нефизического труда, предложили избрать Маркса председателем Генерального совета.

Прудонисты после конгресса, отодвинув в сторону его резолюции, занялись изучением возможности организации обменных контор. Спустя некоторое время они пришли к выводу, что это можно будет сделать лишь тогда, когда число членов Интернационала будет исчисляться миллионами. Тогда они занялись изысканиями в области организации взаимного кредита и применения его, как говорит Фрибур, для освобождения пролетариата.

Это упорство прудонистской группы, составлявшей парижское бюро, в изыскании новых сектантских рецептов и саботаже решений Женевского конгресса, лучше всего свидетельствует о том, что она стала тормозом на пути развития классовой организации пролетариата. Пролетариат должен был перешагнуть через них. И он сделал это, став на путь практического осуществления резолюций Женевского конгресса. В феврале 1867 г. вспыхнула стачка бронзовщиков в Париже. Дело шло о праве рабочих на самостоятельную организацию. Хозяева в ответ на стачку объявили локаут, решив взять рабочих измором. Рабочие обратились к Интернационалу. Денежная помощь, посланная бастующим из Лондона, оказала поразительное воздействие. Локаут был прекращен, и об Интернационале заговорили во Франции все. Сильнее всего воздействие этой стачки и ее результаты сказались на рабочих. Рабочие поняли, что Интернационал — организация рабочих для борьбы за их интересы. Прудонисты пытались задержать нормальное развитие движения. Они отказались принять участие в руководстве и даже оказать поддержку стачке портных в Париже в марте 1867 г., они осудили стачечников в Рубе, но все их попытки задержать движение были теперь бесплодны — рабочий класс пошел мимо прудонистов.

Занятый окончанием, а затем печатанием I тома «Капитала», Маркс не мог принять непосредственного участия в подготовке следующего (Лозаннского) конгресса Интернационала. Поэтому Генеральный совет не дал проектов резолюций для конгресса, и пруд-

¹ Маркс и Энгельс. Сочинения. Т. XXIII, стр. 359.

Париж 1870 г. Столкновение бастующих рабочих с полицией.

донисты получили возможность утопить конгресс в своих декламациях. Большинство резолюций, принятых конгрессом, было прудонистским. Маркс был, конечно, сильно раздосадован этим обстоятельством. «Этих ослов, прудонистов,—писал он,—я лично выставляю вон на ближайшем конгрессе в Брюсселе»¹. Впрочем его досада смягчалась тем обстоятельством, что Интернационал во Франции, как и в других странах вопреки всем и всяким ухищрениям буржуазии и мелкобуржуазных социалистов обнаружил быстрый рост, привлекая все более широкие массы рабочих. «Жалкая «Star», — писал Маркс,— которая хотела совсем игнорировать нас, заявила вчера, что мы важнее конгресса мира. Шульце-Делич не мог помешать своему «рабочему союзу» в Берлине присоединиться к нам. Прохвосты из среды английских тредюнионистов, для которых мы были слишком левыми, наперерыв прибегают теперь к нам. Дела двигаются»². Прав был Энгельс, заявивший по поводу резолюций Лозаннского конгресса: «В общем эти постановления не имеют никакого значения, пока Генеральный совет остается в Лондоне»³.

Но поворот рабочего класса во Франции на путь действительной борьбы, сопротивление прудонистов этому повороту вызвали потребность более прочного организационного закрепления достигнутых во Франции

¹ Маркс и Энгельс. Сочинения. Т. XXIII, стр. 442.

² Там же.

³ Там же, стр. 443.

успехов. Маркс сожалел о том, что у Генерального совета не было в Париже ни одного человека, который мог бы связаться с рабочими секциями, враждебными прудонистам.

Бонапартистское правительство, напуганное успехами Интернационала во Франции, обрушилось на парижское бюро, арестовав его членов и возбудив против них обвинение в принадлежности к неразрешенному законом обществу. С точки зрения своих интересов бонапартистское правительство сделало большую глупость. Арестовав прудонистов, оно снимало тормоз с движения и тем самым способствовало радикализации рабочего движения во Франции. Фрибур, например, откровенно сознается, что с арестом первого парижского бюро Интернационала как «исследовательская организация» погиб во Франции и что арест бюро ускорил самоопределение радикальных элементов рабочего движения.

В середине 1868 г. произошел открытый разрыв между правоверными прудонистами и более радикально настроенными рабочими. В гущу рабочего класса прочно проникло сознание необходимости самостоятельных боевых пролетарских организаций, повседневной борьбы с буржуазией. Передовые слои пролетариата разорвали с правоверным прудонизмом, перейдя с позиций кооперации и взаимопомощи на позиции коллективизма.

Эти сдвиги во французском рабочем движении нашли отражение на Брюссельском

конгрессе Интернационала. Хотя на Брюссельском конгрессе подавляющее большинство составляли прудонисты и Генеральный совет был представлен слабо, он без труда провел на конгрессе свои резолюции. Это объясняется тем, что рабочие по всем решающим пунктам голосовали против своих вождей—за Генеральный совет. Уход рабочих от прудонистов стал фактом. На этом же конгрессе, как известно, была принята резолюция о передаче земли, лесов, путей и средств сообщения в коллективное владение обществу. Это было последним ударом правоверному прудонизму. Резолюции Базельского конгресса о коллективной собственности на средства производства окончательно доделали то, что было достигнуто уже на Брюссельском конгрессе. Рабочее движение Франции вышло на открытую дорогу широкой классовой борьбы. Маркс закончил свою многолетнюю борьбу с прудонизмом, и его приговор был краток. После Брюссельского конгресса он писал, что прудонисты имели лишь удовольствие добиться постановления, что «прудонисты—они, а кроме них никто»¹.

¹ Маркс и Энгельс. Сочинения. Т. XXIV, стр. 94.

4

Победа над прудонистами не означала еще вступления французского рабочего движения на путь научного социализма. Обычно говорят, что на смену правоверным прудонистам пришли «левые прудонисты» (Варлен, Малон, Бастелика, Обри и др.), которые подготовили почву для бакунизма во Франции. Нам представляется, что дело обстояло не так. И действительно, у «левого прудониста» Варлена почти ничего не осталось от прудонизма. Об этом в достаточной мере свидетельствует та переписка, которую он вел с другими вожаками французского рабочего движения².

Варлен как и Толен отстаивал необходимость самостоятельных рабочих кандидатур, но по другим мотивам, с другой целью. В письме к Обри от 8 января 1869 г. он заявлял: «Я надеюсь, что... мы выйдем на избирательное поприще, конкурируя с

² Обвинительный акт по третьему процессу Интернационала во Франции, вышедший в свет под названием «Association internationale des travailleurs». Все ниже приведенные письма Варлена, Обри и других цитируются по этому изданию.

Войска охраняют завод Крезе во время стачки в 1870 г.

буржуазными республиканцами всех нюансов, чтобы сильнее укрепить раскол народа с буржуазией»¹.

Варлен и в вопросе о политической борьбе отстаивал точку зрения, противоположную точке зрения прудонистов. «Я должен вам сказать,—писал он тому же Обри 6 августа 1869 г.,—что для нас политическая революция и социальная реформа соединены, одна не может пройти без другой»².

Новые вожаки французских рабочих были с головой погружены в стачечную борьбу, в организацию местных профсоюзов, организацию межсоюзных объединений, налаживание тесной связи между профсоюзами всей страны—и все это в интересах борьбы пролетариата с буржуазией.

Таким образом это новое ядро³, руководившее при поддержке Генерального совета рабочим движением во Франции, боролось за самостоятельную классовую организацию пролетариата, за превращение его борьбы в борьбу политическую, за доведение этой политической борьбы до ее высшего пункта—революции.

Именно этой ступени развития, достигнутой французским пролетариатом и его тогдашним авангардом к 1871 г., и соответствовала Парижская коммуна. В этом именно смысле Энгельс сказал о Коммуне, что она была «детищем Интернационала». Лишь благодаря деятельности Интернационала стала возможной Коммуна как исторически первая форма диктатуры пролетариата. К моменту ее возникновения Интернационалу не удалось еще завершить воспитание руководящего ядра французских рабочих в духе научного социализма, не удалось еще организовать это ядро в крепкую пролетарскую партию, ибо несмотря на свои правильные мысли, на свои революционные дела Варлен не был, конечно, марксистом.

Для авангарда французского пролетариата на том этапе стали прочным достоянием простейшие первоначальные истины научного социализма, изложенные в учредительном манифесте и уставе Интернационала. Но дальше этих первоначальных, азбучных по-

ложений вожди французского рабочего движения еще не пошли. Усвоению ими основных принципов научного социализма способствовал кровавый опыт Парижской коммуны. Маркс сделал все, чтобы события 1870—1871 гг. были усвоены французским пролетариатом. В манифесте Генерального совета в связи с франко-прусской войной Маркс указывал немецким и французским рабочим, какой тактики они должны придерживаться во время этой войны.

Когда же 4 сентября была свергнута империя и в Париже была провозглашена буржуазная республика, а Пруссия отказалась немедленно же после этого заключить мир с Францией и предприняла завоевательную войну, Маркс в новом манифесте Генерального совета от 9 сентября 1870 г. опять высказался о тактике французского пролетариата при сложившихся условиях.

Для того чтобы ярче охарактеризовать гениальную проницательность Маркса как вождя пролетариата, приведем один крайне интересный документ, хранящийся в библиотеке ИМЭЛ, который после 4 сентября был в качестве секретного циркуляра разослан от имени парижского федерального совета Интернационала всем французским секциям. Мы приведем его полностью, так как он еще не был опубликован на русском языке и почти неизвестен.

«Ввиду невозможности отвечать на все частные письма, которые посылаются нам департаментскими секциями Международного товарищества, мы посылаем вам настоящий циркуляр как первое разъяснение.

В критическую эпоху, переживаемую нами, в условиях гигантских событий, свидетелями которых мы являемся, мы намечаем линию нашего поведения. Час недоверия и расколов не настал. Мы в состоянии усмотреть лишь две обязанности, которые должны выполнить: защита Парижа; принятие мер предосторожности против реакции, которая ошеломлена, но не побеждена.

Мы действуем поэтому так:

Всеми возможными средствами мы содействуем национальной защите, что является основным в данный момент. Со времени провозглашения республики нынешняя ужасная война приобрела другой смысл: она является теперь смертельной дуэлью между феодальным монархизмом и республиканской демократией. Париж, осажденный прусским королем,—это означает, что цивилизация, революция в опасности. Мы желаем защищать Париж до последней крайности.

Общественные собрания, ко-

¹ Разрядка моя.—Ф. К.

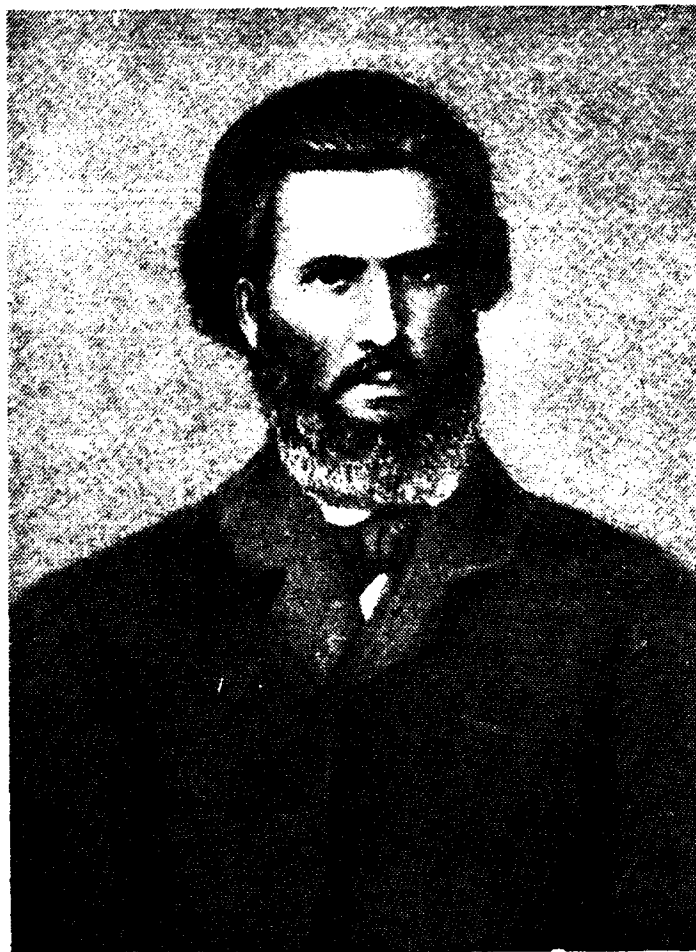
² См. сноску 2 на стр. 24, 2-я колонка.

³ Да и сами правожерные прудонисты отрицали всякое идейное родство с Варленом и другими. См., например, «Journal des Economistes», т. 38 за 1875 г., где Лимузен писал, что в первом бюро господствовали мютюэлисты, во втором—коммунисты, к которым принадлежал и Варлен.

торые мы созываем во всех кварталах, организация республиканских комитетов, которую мы ускоряем, активное участие, принимаемое нами в работах республиканских муниципалитетов, обращения к немецкому народу, которые мы распространяем, призывы к энергии и единению, которые мы подписываем, помощь, которую мы оказываем правительству национальной обороны, не имеют другой цели.

Мы не пренебрегаем, однако, принятием предосторожностей против притаившейся и угрожающей реакции. В этом направлении мы организуем во всех кварталах наши комитеты бдительности и подталкиваем к образованию округов, которые были столь полезны в 1793 году.

Мы полагаем, что и вы должны действовать в таком духе. Возбуждать всеми возможными средствами патриотизм, который должен спасти революционную Францию, принимать энергичные меры против буржуазной реакции и бонапартистов, подталки-

Варлен.

вать к принятию основательных мероприятий для защиты, к организации республиканских комитетов, первых элементов будущих революционных коммун

Наша революция еще не совершенна для нас, и мы произведем ее тогда, когда, избавившись от нашествия, мы заложим фундамент эгалитарного общества, к которому мы стремимся. Это для нас будет легко, если мы уже теперь будем решительны, энергичны и настойчивы.

Да здравствует социальная республика!

За парижский федеральный совет!

Б. Малон, Э. Варлен, А. Бакруш».

Этот документ можно охарактеризовать как якобинский документ. Авторы его, правда, понимали, что революция 4 сентября—не рабочая революция, но, не понимая действительных законов и тенденций развития капиталистического общества, они не имели правильного представления о пролетарской революции. Они запутались в создавшейся обстановке и скатились к мелкобуржуазному якобинизму, к патриотизму.

Как раз против этой опасности Маркс и предостерегал французский пролетариат в манифесте Генерального совета от 9 сентября. Он указывал французским рабочим, что республика 4 сентября—не их республика. Перед рабочим классом стоит задача завоевания своей, рабочей республики. Но французский пролетариат находится в крайне затруднительном положении. Выступить сейчас, немедленно, когда пруссаки у ворот Парижа, было бы «отчаянной глупостью» не потому, что «национальная защита—основное в данный момент», а потому, что пролетариат еще недостаточно организован для захвата власти. Рабочие должны спокойно и решительно пользоваться всеми средствами, которые дает им республиканская свобода, чтобы основательно укрепить организации собственного класса и, организовавшись, повернуть оружие против своей буржуазии.

В этом манифесте Маркс выдвигал уже перед французским пролетариатом задачу организации партии как непосредственную задачу. Новые вожди французских рабочих понимали, что только Маркс может указать им правильный путь. Во время Парижской коммуны они настойчиво стремились поддерживать прочную связь с Марксом. Из сохранившегося письма Маркса к Варлену и Франкелю видно, что последние посылали к нему специального человека, для того чтобы посоветоваться относительно намеченных мероприятий. Маркс не-

Парижская коммуна. Бой на улице Риволи.

медленно отозвался на их просьбу, сообщив им одновременно о союзе Бисмарка с Тьером.

Не только бакунист Гильом, но и Меринг утверждали, что на смену прудонистам во Франции пришли бакунисты, что деятельность их особенно ярко сказалась на Парижской коммуне.

А между тем сам Бакунин, подводя итоги Парижской коммуны, утверждал, что рабочие Франции верят в спасительную роль диктатуры.

Поэтому, писал он, «положение немногочисленных убежденных социалистов¹, принимавших участие в Коммуне, было чрезвычайно трудно. Не чувствуя под собой почвы в поддержке значительного большинства парижского населения... они должны были... прибегнуть к якобинской реакции»². Бакунисты действовали не по бакунински, со вздохом отмечал сам Бакунин.

Во втором томе своей работы «L'Internationale» Гильом рассказывает, что он вместе со Швицгебелем (швейцарский бакунист, резчик по металлу, один из руководителей

юрской федерации) решил после 18 марта отправить к Варлену Эмиля Жако. Прибыв в Париж 25 марта, Эмиль Жако отправился в ЦК Национальной гвардии и вызвал оттуда Варлена. Варден вышел, прочел переданное ему письмо Гильома с запросом о том, что должны делать швейцарские бакунисты, и сухо заявил Жако, что дедо идет не об интернациональной революции, что движение 18 марта не имело другой цели. Кроме требования муниципальных вольностей Парижа, и что эта цель достигнута, что выборы намечены на завтра — 26-е — и что раз муниципальный совет окажется избранным, Центральный комитет сложит свои полномочия и «все будет закончено»³. Ответ Варлена означал, таким образом, не больше и не меньше, как отказ от совместных действий с бакунистами.

Таковыми же были почти все «бакунисты» во Франции.

Можно даже определенно утверждать, что на севере Франции «бакунисты» принадлежали к типу Варлена.

Несколько иное положение было; правда, на юге Франции. Типичным деятелем руководящих кругов тамошних секций после

¹ Под «убежденными социалистами» Бакунин подразумевает бакунистов.

² Бакунин. Избр. сочин. Т. IV, изд. «Голос труда». 1920, стр. 255.

³ Guillo me «L'Internationale».

разгрома правоверных прудонистов можно считать Бастелика. Южане характерны своим воздержанием от политической борьбы, коллективистскими взглядами, признанием только социальной революции, непониманием роли объективных условий революции, преувеличением роли волевого элемента. Они представляли какую-то помесь из прудонизма, коллективизма, бакунизма и даже бланкизма. Бастелика, например, был сторонником централизованной революции, совершающейся по определенному, заранее выработанному плану. В письме к Ришару от 1 октября 1869 г. он писал: «Нам нужно наискорейшим образом обсудить и выработать план французской революции». В письме Варлену он высказывал убеждение в том, что «парижская федерация, образующая действительный центр, должна стать очагом социальной революции». В письме к Мюра от 19 января 1870 г. он жаловался, что, «в то время как парижане находятся в состоянии сосредоточения, готовые выступить, мы в это время почти спокойны», и просил телеграфно известить Марсель о моменте выступления парижан. Ясно, что и «план» Бастелика не схож с бакунистским планом. Крушение лионской попытки¹, очевидно, вызвало у Бастелика сильные сомнения относительно методов, рекомендованных Бакуниным. Он начал отходить от Бакунина.

Это сказалось уже на Лондонской конференции, где он побоялся открыто защищать юрасцев. В конечном итоге он ска-

¹ Речь идет о так называемой «Лионской коммуне», которой руководил Бакунин.

тился на ту дорожку, по которой несколько раньше пошел Ришар². Причины такого финала, конечно, не столько в субъективных (и это играло роль) качествах этих людей, сколько в том, что объективная почва для бакунизма во Франции была во много раз слабее чем в Швейцарской Юре или Италии. Поэтому эти люди, не имея, по выражению Бакунина, «почвы под ногами», несмотря на то что они были членами «Альянса», были весьма плохими «бакунистами» и в теории и на практике. Не желая работать в массах так, как работал Варлен, они замыкались в рамках своего сектантства, окончательно отрываясь от рабочего движения, которое и на юге, правда, медленнее, двигалось теми же путями, что на севере, и в конце концов выбрасывались из него вон на скользкую дорожку авантюризма. Вряд ли поэтому можно согласиться с тов. Стекловым, что влияние Бакунина распространялось главным образом на Лион, Марсель с примыкающими к ним районами. Бакунин и его французские ученики всегда плохо понимали друг друга. При таких условиях трудно говорить о влиянии бакунизма на рабочее движение даже в Южной Франции. На французское рабочее движение, охваченное воздействием Интернационала, медленно, но верно влиял марксизм. Появление в рабочем движении Франции людей типа Варлена было предвестником надвигающейся там победы марксизма.

² Альбер Ришар—старый член «Альянса». Поддерживал Бакунина в его «лионской аванюре». Стал бонапартистом. Вступил в сношения с Наполеоном и на полученные от него деньги издал брошюру «Империя и новая Франция»

I ИНТЕРНАЦИОНАЛ И ЦАРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

**НА СЕЙ РАЗ РЕВОЛЮЦИЯ
НАЧНЕТСЯ НА ВОСТОКЕ
Маркс**

1

Задолго до того, как были переведены на русский язык «Коммунистический манифест» (1869 г.) и I том «Капитала» (1872 г.), имена основоположников научного социализма были известны русской революционной интеллигенции.

Капиталистическое развитие России, рост пролетариата, стачки и волнения русских рабочих заставили и буржуазных публицистов обращаться к западным источникам для изучения жизни западноевропейских рабочих. Буржуазные и правительственные публицисты интересовались рабочим движением Запада, чтобы, учтя его опыт, более успешно бороться с русским рабочим движением. Поэтому-то русская пресса так много места отводила европейскому социалистическому и рабочему движению.

Этим вопросом интересовалось и царское правительство.

С 1863 г. III отделение департамента полиции систематически сообщало о состоянии рабочего вопроса на Западе. Полиция видела в движении русских рабочих следы «посторонней агитации», крамолы, идущей с Запада. Волнения рабочих на Людиновском заводе Мальцева в 1866 г. III отделение приписывало всемогущим западным агентам.

Буржуазная и реакционная пресса уделяла немало внимания проникновению в Россию идей материализма и социализма.

Факт организации «Международного товарищества рабочих» 28 сентября 1864 г. был широко освещен русской прессой.

Так например «С.-Петербургские ведомости» сообщали: «Во многих английских журналах напечатано описание митинга рабочих, собравшегося наднях в Лондоне, в С.-Мартин-Галле. На нем председательствовал профессор Биссли. Парижские рабочие прислали на этот митинг депутацию из городов Полана, Лимузена и Перратта. Толен сказал краткую речь, переведенную на английский язык одним из присутствовавших и принятую с большим сочувствием. Генри Лефор также сказал речь, имевшую большой успех. Заявлено желание облегчить участь всех угнетенных, от ирландцев до индусов. Кто-то заметил даже, что Англия хорошо бы сделала, возвратив Гибралтар Испании; впрочем, в газетах нет этой подробности»¹.

Газета, конечно, не раскрывала истинного содержания речей на митинге: она привлекала внимание читателя не к факту организации международного революционного штаба борьбы за политическое и экономическое освобождение рабочего класса, а к вопросу об ослаблении мощи Англии, давнишнего врага царя.

Все конгрессы и заседания Интернационала систематически освещались на страницах русской прессы. III отделение начало особенно усердно разыскивать носителей идей Интернационала. Агенты III отделения были разосланы по России. Они изучали настроения рабочих во Владимирской губернии, в Туле, Киеве, Одессе, Екатеринославе, Херсоне, Крыму, Подолии, Волыни, на подмосковных фабриках.

В нараставшем в царской России революционном движении правящие классы видели «лапы всесветной революции».

«В последнее время,—изрекал Катков,— есть в Европе масса политических бродяг, готовых пристать ко всяким смутам, где бы они ни возникли»². Интернационал, по мнению Каткова, — покорное и раболепное орудие «в руках ловких политиков, и этим орудием умеют очень искусно пользоваться в Лондоне, в Париже, а по их примеру и наставлению — в Турине. Польский мятеж 1863 г. служит самым убедительным тому доказательством»³.

¹ «С.-Петербургские ведомости» № 212 от 25 сентября 1864 г., стр. 355.

² «Московские ведомости» № 75 от 10 апреля 1866 г.

³ «Московские ведомости» № 256 за 1864 г.

Деятельность Интернационала, разъяря Катков, направлена на Россию, в первую очередь, в интересах Англии, дабы Англия сохранила свое господство на мировом рынке.

Русская пресса изображала Интернационал то жалкой шайкой случайных элементов, которые лишь благодаря бессилию правительства превращаются в силу, то сильной группой заговорщиков, ловким инструментом в руках Англии. В целях руссификаторской политики в Польше Катков трактовал польское восстание 1863 г. как результат международного заговора.

Покушение Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 г. Катков рассматривал как сигнал к «всеобщему катаклизму», подготовляемому Интернационалом. Каракозовцы, утверждал Катков, считали себя частью «революционной сети, охватившей всю Европу». «Общество всесветной революции постановило начать дело с цареубийства во всех странах, чтобы воспользоваться неизбежными при этом замешательствами и

низвергнуть в общую бездну весь политический, экономический и нравственный мир»¹.

Итак, все революционное движение России и покушения на царя Катков считал результатом «подстрекательства» Интернационала.

Для того чтобы оградить Россию от этого ужасного влияния, царское правительство тщательно охраняло свои границы от в'езда иностранных рабочих и ремесленников, безусловных, по мнению правительства, носителей коммунистических идей. В 1850 г. циркулярно уведомлялось, что «с открытием навигации приезжают из заграницы в значительном числе иностранные ремесленники и даже подмастерья, посему следует проверять, имеются ли у приезжих доверенные в политическом отношении родственники». В 1852 г. в'езд в Россию иностранным рабочим был запрещен совершенно. В 60-х годах правительство чрезвычайно беспокоилось, как бы русские рабочие не попали на Лондонскую международную выставку 1870 г., и принимало все меры к тому, чтобы «простолудины наши не могли сблизаться с рабочими других государств»².

Но через голову правительства связи русских и западных рабочих росли и крепились. Заграницу ездили лучшие революционные рабочие: Виктор Обнорский, Ивайнен и др. I интернационал и германская социал-демократия оказали известное влияние на программу Южного и Северного союзов. Полиция изо всех сил оберегала русских рабочих от стремлений «ввести начала коммунизма между рабочими»³.

III отделение констатировало, что пролетариат стремится «к слитию всех народов, преобразованных по их социально-политическому идеалу, в одну общую массу — в человечество».

Самодержавная Россия особенно опасалась идей интернационализма. Но III отделение вынуждено было констатировать, что несмотря на все принятые меры эти идеи «усердно и более или менее явно пропагандируются у нас в настоящее время» и начинают «приносить и в России свои отравленные плоды»⁴.

¹ М. Н. Катков «Сборник статей за 1872 г.», стр. 73.

² См. статью В. Невского в сборнике «Революционное движение 60-х годов», стр. 238.

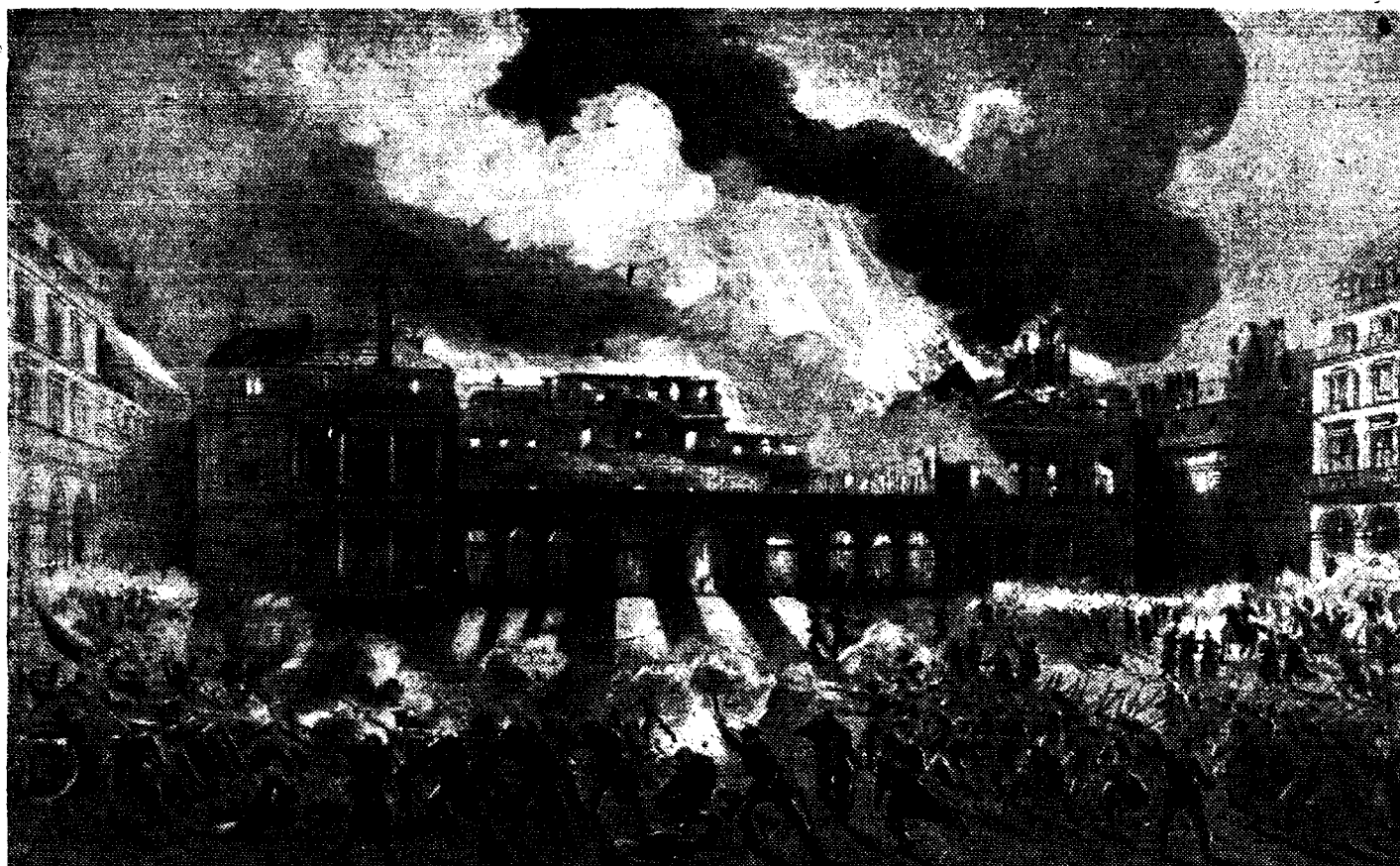
³ См. публикацию А. Сергеева «К истории рабочего класса в России». «Красный архив» за 1923 г. Т. II, стр. 177.

⁴ Из отчета III отделения за 1869 г. «Каторга и ссылка» № 3 за 1924 г., стр. 121.

THE ILLUSTRATED LONDON NEWS

На процессе январцев. Рис. из английского журнала. 1881 г.

Парижская коммуна. Бои в Пале Рояле.

И на процессе Нечаева, по поводу которого газета «Русские ведомости» нашла в себе мужество заявить, что вряд ли в этом деле можно заподозрить участие Интернационала, прокурор Шрейбер сказал: «Всему читающему миру сделалось известным, что вожаки Международного товарищества рабочих, преследуют цели атеистические, коммунистические и революционные и что по-сему не следует допускать в публичной уставов этого общества»¹.

После процесса Нечаева революционная борьба русского пролетариата отнюдь не прекратилась: в 1870 г. вспыхнула первая стачка на Невской бумагопрядильне, а вслед за ней и ряд других стачек. Правительство жестоко расправлялось со стачечниками и рассылало их в непромышленные губернии. Такими мерами намеревался Александр II ликвидировать «семена подпольной агитации».

2

Наступил 1871 год—год Парижской коммуны. Русские газеты еще более рьяно ополчились против Интернационала и Маркса. Страх охватил правительственные круги и

¹ «Правительственный вестник» № 193 за 1871 г., стр. 194.

буржуазию. Коммуну организовал Маркс, Коммуну создал Интернационал, утверждали газеты. Газета «Голос» рекомендовала изучить Коммуну как итог «первого приложения к практике принципов Международного общества, испробованных в Париже». «Страшный кошмар», «двухмесячное безобразное своеволие», «отребья населения и всякого рода авантюристы и негодяи»—так отзывался Катков о Коммуне и ее вождях².

Только некоторые газеты проявляли сдержанное или сочувственное отношение к деятельности Коммуны. Так например «Русские ведомости» писали: «Конечно, между партизанами Коммуны было много воров и вообще негодяев, но было и немало таких людей, которые своей честностью составили бы славу любой партии»³. Отдельные представители врагов пролетариата понимали историческое значение Коммуны. «Новую революцию, первым шагом которой нужно считать восстание Коммуны,—писал реакционный публицист Н. Страхов в 1871 г.,—

² «Московские ведомости» № 77 за 1871 г., стр. 5; «Русские ведомости» № 60, стр. 1; «Московские ведомости» за 1872 г.; «Голос» № 41 за 1872 г., стр. 1.

³ «Русские ведомости» № 225 за 1871 г., стр. 3; «Русская летопись» №№ 5, 11, 24, 25, 26; «С.-Петербургские ведомости» № 142; «Беседа» № 3 за 1872 г. и т. д.

напрасно подводят под форму и понятие прежних революций»¹.

Страхов считал, что публицисты жестоко ошибались, ставя Коммуну в общую цепь демократических революций XVIII и XIX вв.: «Если бы эта революция была подобна революциям 1789, 1830, 1848 гг., то теперь, при опытности европейцев в этом деле, она совершилась бы легко и быстро...» Дело сложнее. «В восстании Парижской коммуны мы видели,—утверждал Страхов,—первые шаги коммунизма... Но новая революция неосуществима, уничтожение имущественного неравенства невозможно...»,—успокаивал себя автор, считавший нелепой, непоследовательной и совершенно нежизненной программу Интернационала — программу классовой борьбы.

Правительство с напряженным вниманием следило за борьбой в Париже. Русские послы во Франции, Пруссии, Швейцарии, Бельгии, Англии, Австро-Венгрии, Саксонии и Испа-

нии систематически доносили Александру II о всех событиях в связи с Коммуной и Интернационалом².

Коммуна была разгромлена. «Кошмар» революции, витавший, по мнению русского правительства, и над Россией, был развеян, однако газеты, продолжавшие упорно доказывать, что в России нет рабочего вопроса, предусмотрительно поставили вопрос о том, что необходимо подумать над рабочим законодательством.

Некоторая растерянность господствовала и в департаменте полиции. После Парижской коммуны в III отделение начали поступать анонимки. «Берегитесь в Петербурге распространителей идей Интернационала,—было сказано в одном из таких писем,—погубивших Францию и намеревающихся сгубить Россию». Россия якобы была наводнена агентами Интернационала. «Уничтожьте этих людей,—взывал анонимный «друг

¹ Н. Страхов «Борьба с Западом в нашей литературе», стр. 272, 275 и 288. СПб. 1887.

² «Царская дипломатия и Парижская коммуна 1871 г.», стр. 186 и 193. Под ред. Ц. Фридлянда.

Рис. Явоша.

— Ваше благородие... Маркса поймали... трех-с!

России и добра», — вначале и спасите Россию и царя ее с его подданными». Вскоре начались официальные розыски «апологета Коммуны, апостола революционной доктрины» — Маркса, якобы пустившегося в путешествие в царскую Россию. «Папу Интернационала» намеревались водворить в тюремные казематы и возвестить на весь мир, что Россия снова спасла человечество от «иезуита революции». Но дело кончилось конфузом: Маркс в Россию даже не собирался, а вместо него был арестован какой-то английский купец.

Не менее интересен для характеристики умонастроений правительственных кругов секретный циркуляр о наблюдении за распространением идей Интернационала между раскольниками. Приведем подлинный документ:

«Получено сведение, что известное интернациональное общество за границей в видах распространения своих социально-коммунистических идей в русском народе обратило внимание на старообрядчество. Общество это избирает из среды раскольников эмиссаров и посылает их в Россию для распространения своего учения между единоверцами». Так правительство искало представителей I интернационала даже среди раскольников. Правда, новгородский жандарм заверял свое начальство, что его «неотразимые убеждения» говорят ему, что раскольникам-собственникам «учения социально-коммунистические всегда будут чужды...»

Департаменту везде мерещились эмиссары и секции Интернационала. По сведениям III отделения, в 1872 г. «в Одессе, Калуге и Житомире образовались отделы Интернационала».

Жандармам мерещились организованные Интернационалом «поджоги посредством горючих веществ, которые будто бы доставляются в Одессу из Константинополя». Расстерявшиеся жандармы приняли всерьез и фальшивку — письмо от 26 сентября 1872 г. из Женевы некоего Бакерша, именовавшего себя «президентом Международной ассоциации сотрудников в русском крае». Автор письма считал, что «выжидать лучшей поры некогда». Он предлагал одесской секции начинать дело немедленно и захватить в Ливадии Александра II. В случае неудачи дело будет продолжено московской и петербургской секциями. Заканчивался этот документ грозным призывом — действовать по образцу Бисмарка — «железом и кровью, огнем и мечом»¹. Это обращение

¹ См. публикацию Г. Лурье в «Каторге и ссылке» № 11 за 1924 г., стр. 124—125.

МОСКОВСКОГО БЕРЬ-ПОЛИЦЕЙМЕЙСТЕРА.

КАНЦЕЛЯРИЯ.

С 1871 г.
по секретной части.

Мая 30 мая 1876 года.

№ 695.

Циркулярный.

Г. Приказу

Чести.

На следующих лицах показаны даны и ливны, носящие особаго рода одеванье, известное под общим названием нигилистов и именуемое следующим образом: длинные волосы, круглая шляпа, прикрывающая коротко обстриженные или податые волосы, свие очи и отсутствие криволава.

Предназначая Вамему Высочайшему приказу принять неотлагательно самыя дилетанты на мнри въ отысканно фотографическаго романистическаго выхлестова, «» арманюющихъ во свршеной Вамъ Чести представить ко мнри въ пятнадцатидневный срокъ списокъ съ обозначеніемъ въ немъ специальныхъ знаменъ тахъ лицъ, причемъ предупредить Квартапальных Надзирателей и ихъ Помощниковъ, что если кто-нибудь изъ промывавшихъ въ ихъ кварталахъ нигилистовъ будетъ обнаруженъ, то немедленно подвергнутъ строгому выжиданію.

Подписалъ: Святи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

Генералъ-Майоръ Арестовъ.

въ Приказе Канцелярии Развѣсти.

Приказ московского полицеймейстера о слежке за «нигилистами».

произвело переполох в департаменте и среди одесских охранников. Пришлось поднять на ноги всю тайную и наружную полицию и прибегнуть к помощи «Друзей России и добра».

«Интернационалка», — по признанию «Сына отечества», — повидимому, нисколько не боится угроз, которые раздаются против нее на европейском материке»². И русское правительство шло на помощь Западу, активно участвуя во всех мероприятиях европейских правительств, направленных к запрещению международной организации рабочих во всех странах.

Царское правительство и русская пресса наибольшую поддержку оказывали Франции. Широко дебатировался вопрос о взаимной «выдаче политических героев динамита», как выражался Катков. Сколько гневных статей было направлено против Англии, которая не выселяла и не арестовывала Маркса! «Покровительство, оказываемое некоторыми странами «международке», — писал «Русский мир», — перестает быть актом политической терпимости»³.

² «Сын отечества» № 90 за 1872 г., стр. 1.

³ «Русский мир» № 226 за 1870 г.

Чиновники департамента полиции следили не только за тенью Маркса в России, но и за распространением его работ. Вот один из документов, подтверждающих это положение:

«Управляющему III отделения собственной его императорского величества канцелярии № 695, 5 апреля 1872 г. Того же содержания № 698 его превосходительству барону П. А. Фредериксу.

Конфиденциально.

Милостивый государь Федор Федорович!

Долгом считаю предупредить ваше превосходительство, что по сведениям, полученным в III отделении собственной его величества канцелярии, сюда, в Варшаву, вскоре имеет быть прислана из заграницы для тайного распространения между молодежью брошюра под названием «Гражданская война». Эта брошюра переведена с немецкого языка на русский, польский и напечатана в Цюрихе, сочинена членом Центрального комитета Интернационального общества рабочих в Лондоне Карлом Марксом и есть восторженный панегирик бывшей Парижской коммуне.

Покорнейше прошу ваше превосходительство приказать наоблики за появлением означенной брошюры в Петербурге, Варшаве.

Примите, милостивый государь, уверение в отличном моем почтении и совершенной преданности.

А. Шульц»¹.

Русская охранка прекрасно знала, что в подполье продолжается деятельность революционеров разных направлений. Полиция принимала все меры к тому, чтобы не допу-

¹ «Архив революции и внешней политики». Дело № 50-1 о революционном интернациональном обществе начато в 1871 г. Лист № 252.

стить распространения книги, обобщавшей деятельность Коммуны. Издание и распространение этой революционной книги в России все же было осуществлено в 1883 г. подпольным кружком в Москве.

3

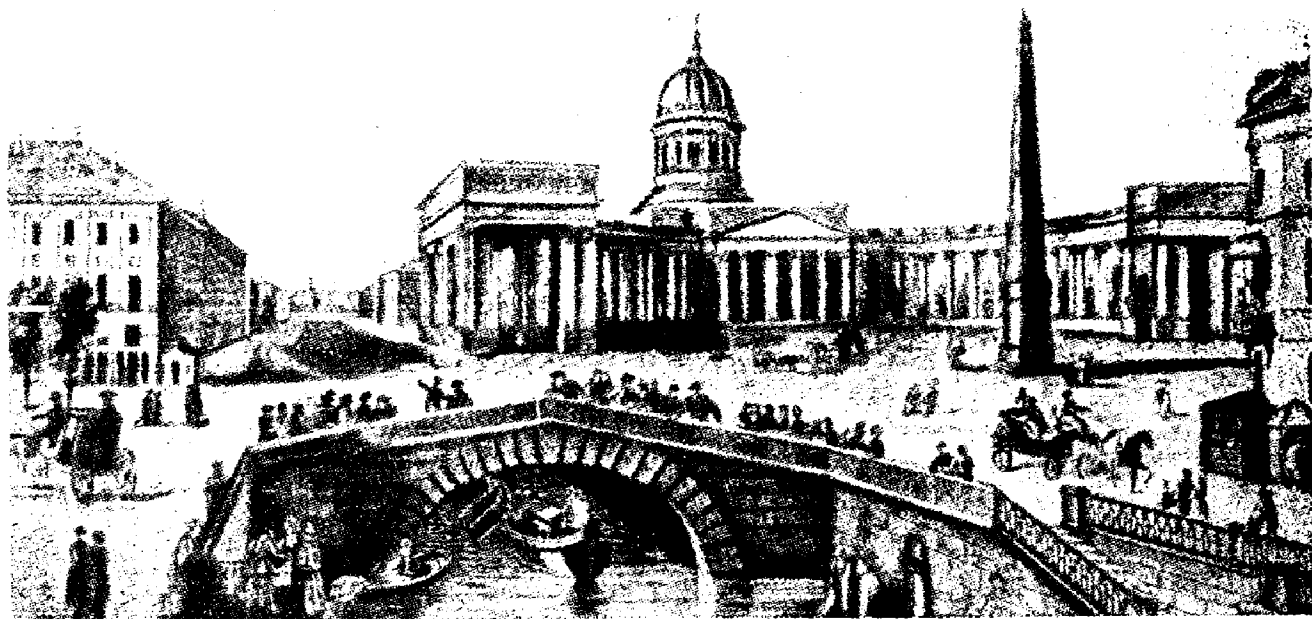
Парижская коммуна и Интернационал еще долго держали в трепете русское правительство. Летом 1873 г. правительство издало указ о немедленном возвращении в Россию всех обучавшихся за границей. Александр II не без основания опасался, что русская молодежь, общаясь с деятелями Интернационала, воспримет их идеи и будет впоследствии пропагандировать их в России.

На процессе 50 революционеров в 1877 г. указывалось, что все участники кружка, жившие в Швейцарии и Париже—этих двух центрах революционной пропаганды, «являются простыми эмиссарами из заграницы»². Правда, для России, как иногда доказывали менее экспансивные писаки, Интернационал нестрашен, ибо пролетариата нет, но вот доктрины немецких социалистов упорно проникают в «богоспасаемое» отечество³. Министр народного просвещения обратился с циркуляром об антиобщественной пропаганде. Комментируя этот циркуляр, сотрудник «Голоса» находил, что с Интернационалом приходится считаться, что его надобно изучать, ибо это «единственно серьезный и вполне характерный представитель «партии упразднения» современного мира». Страх перед Интернационалом, который «готовит смертельный удар цивилизации», должен объединить «обеспеченное меньшин-

² См. «Процесс 50», стр. 142. Изд. 1906 г.

³ «Биржские ведомости» № 236 за 1872 г.

Отрывок письма Маркса в редакцию «Отечественных записок» в 1877 г. (по оригиналу ИМЭЛ).

Демонстрации на Казанской площади в Петербурге в 1876 г.

ство» для отпора всем сторонникам Интернационала. Е. Марков цинично откровенно заявлял, что он больше всего бережет «свое материальное обеспечение, свое образование, свою власть, свой приличный образ жизни, свой досуг, свою любовь к искусствам и науке, свою сокровенную связь с прошлым...»¹. Русский буржуа несколько успокоился лишь после переезда Генерального совета Интернационала в Америку. Первый испуг прошел, и Е. Марков писал, что «быт, которым мы наслаждаемся лично... и есть та справедливая жизнь, на почве которой буржуазия сможет приносить пользу своей менее счастливой братии»².

Такая самоуверенность и успокоение были вызваны ослаблением народнического «хождения в народ», разгромом в 1875 г. «Южнороссийского союза рабочих», провалом попытки освобождения Н. Г. Чернышевского. Но уже 1876 год дал усиление революционного движения, проявившееся в росте забастовочного движения текстильщиков и металлистов, демонстрации «Земли и воли» в декабре на Казанской площади, в Петербурге. Вскоре начались и террористические акты: покушение на Трепова 24 января 1878 г., убийство шефа жандармов Мезенцева 4 августа 1878 г.

Министр юстиции граф Пален в 1875 г. должен был признать, что в России сильно

революционное движение и что Интернационал наложил на него большой отпечаток.

Русское правительство рассчитывало, что русско-турецкая война, объявленная 12 апреля 1877 г., отвлечет внимание общественности от революции, что патриотический угар захватит молодежь. Но эти упования самодержавия оправдались в очень малой степени. Неоднократные поражения под Плевной, Сан-Стефанский договор с Турцией 19 февраля 1878 г. очень дорого обошлись России. Процесс 193 революционеров 18 октября—23 января 1878 г. вынудил катковскую газету заявить, что несмотря на «умиление» всей России и близость «решения великой, завещанной веками задачи» (т. е. освобождения славян) находятся люди, которые стремятся «перевернуть вверх дном Россию, расшатать ее государственные основы...» Вместе с тем Катков самоуверенно заявлял, что революционеры измельчали и что процесс лишен «серьезного политического значения»³. Все это подкреплялось рассуждениями о монархичности всего русского народа, которому чужды разного рода «смуты», который больше не позволит себя обманывать и будет беспощадно расправляться с революционерами⁴.

Вопреки этим чаяниям «смуты» продолжались, и русские рабочие прекрасно помнили блестящий пример Парижской коммуны.

¹ Е. Марков «Упразднители современного общества». «Голос» № 251—253 за 1875 г.

² Там же.

³ «Московские ведомости» № 306 за 1877 г., стр. 2.

⁴ «Голос» № 118 за 1878 г.

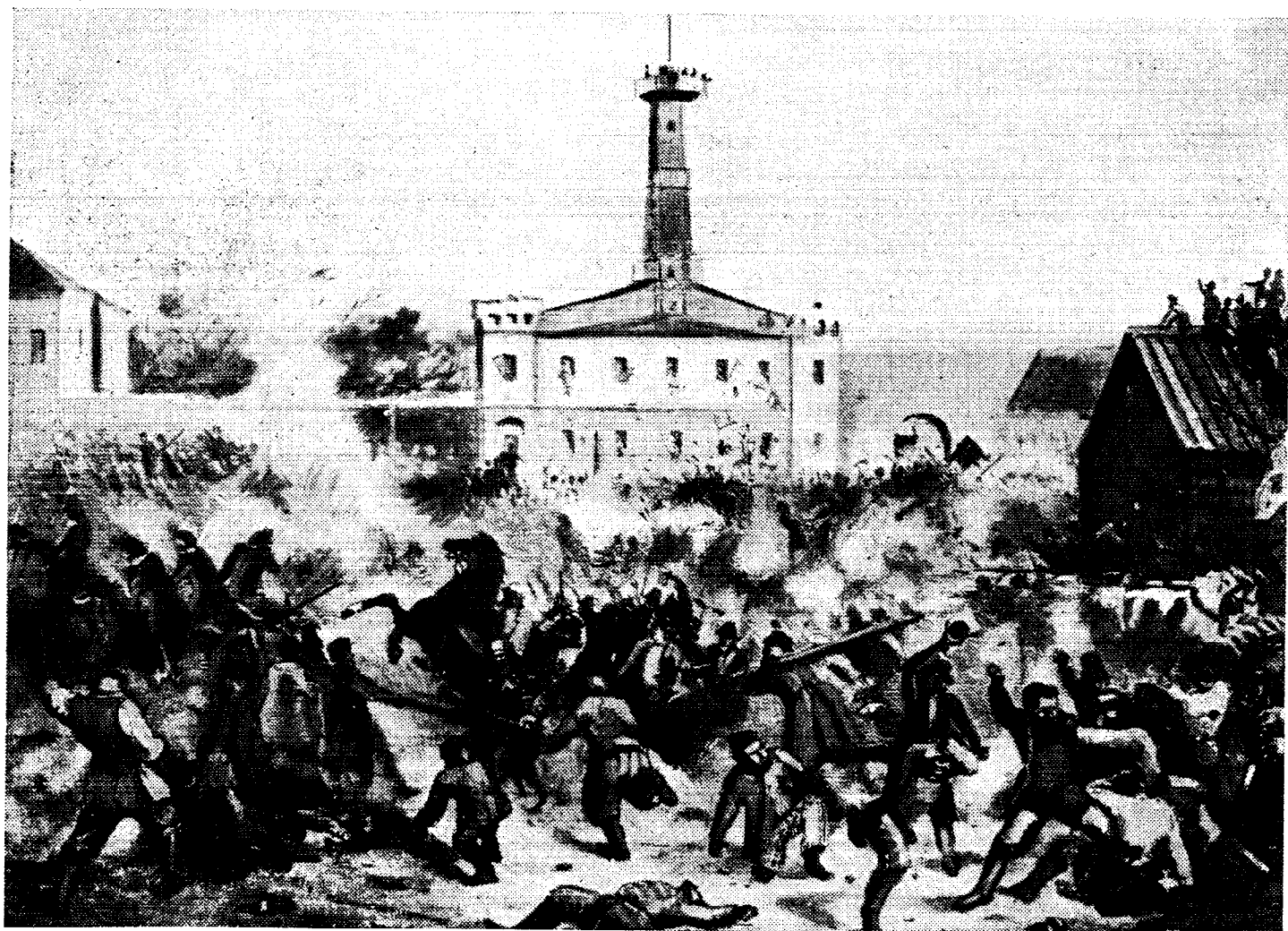
Так, корреспондент «Общины» сообщал в 1878 г., что «после некоторого затишья молодежи, прислушивавшаяся ко всему совершавшемуся на Западе, охваченная мыслью Международного товарищества рабочих, возбужденная к деятельности громадным фактом Парижской коммуны, с новой энергией принимается за революционное дело»¹. Но наиболее показательным является день 18 марта 1878 г. в одесском подполье. «18 марта, в день провозглашения Парижской коммуны,— рассказывает корреспондент «Общины»,—местные социалисты собрались на вечернюю сходку... Сходка была очень оживленна и многолюдна; состояла она наполовину из интеллигенции и наполовину из рабочих... Первым говорил один рабочий, выразивший свое удовлетворение по поводу многочисленности собрания. «Как-то чувствуешь себя бодрее,— сказал он,— когда видишь, что ты не один, что есть много людей, сочувствующих твоему делу...»

Другой оратор на этой же сходке «указал на тот толчок, который Коммуна дала развитию Интернационала и тем косвенно

содействовала социально-революционному движению в России, на которое Интернационал имел значительное влияние». За полночь затянулась эта изумительная сходка, где впервые в России праздновался день провозглашения Коммуны. Правительство хвастливо заявляло, что Коммуна умерла и революционная борьба в России задушена. А подполье не только вспомнило героические дни Коммуны, но и послало адрес французским рабочим.

«Одесские рабочие,—было сказано в этом документе классовой солидарности,—собравшись на сходку в достопамятный день провозглашения Парижской коммуны, шлют вам, французские рабочие, свой пламенный братский привет. Мы работаем на своей родине для той же великой цели, для достижения которой погибло в 1871 г. на баррикадах Парижа столько ваших братьев, сестер, отцов, сыновей, дочерей и друзей». Рабочие, далее, сообщали, что они в очень тяжелых условиях ведут борьбу с царизмом, что многие «мужественные застрельщики святого дела народного освобождения» гибнут в тюрьмах и на каторге, но работа не прекращается. «Мы трепетно ждем,—про-

¹ «Община» № 5 за 1878 г., стр. 3.

Харьковские волнения 1872 г.

С карт. Беклемишева.

должали одесские рабочие, — наступления той исторической минуты, когда и мы сможем ринуться в бой за права трудящихся против эксплуататоров...» Русские рабочие призывают французских рабочих продолжать борьбу под тем же знаменем и с тем же героическим мужеством, как первые коммунары. Вместе с тем одесские рабочие напоминают, что «интересы всех народов так тесно связаны между собой, что торжество народа в одной стране немедленно повлечет за собой торжество народа во всем мире...»¹.

Этот адрес явился прекрасным образцом интернациональной классовой солидарности пролетариата. Отклик русских рабочих показал, что дух Коммуны жив, что бойцы революции не забыты и что в глубоком подполье царской России борются за идеи Интернационала.

Последующие революционные события доказали, что успокоение Катковых, буржуа-

¹ «Адрес русских рабочих к французским 18 марта 1878 г.». «Община» № 3—4 за 1878 г., стр. 4—5.

зии и правительства было преждевременным. Деятельность Северного рабочего союза и группы «Освобождения труда» снова выявила, что дело Интернационала живо в России, что оно растет, поддерживаемое рабочим классом.

В. Шелгунов рассказывал, как в 80-е годы рабочие любовно изучали «Капитал» Маркса, как они разрывали эту книгу «по частям, по главам, чтобы читать одновременно в четырех—пяти кружках»².

Наступили 80 и 90-е годы. Мощные стачки пролетариата потрясли Россию.

Правительство со своим чудовищным аппаратом сыска металось в панике, но несмотря на жестокие репрессии множились ленинские ряды.

Идеи I интернационала были развиты и подняты на новую высоту вождем международного пролетариата В. И. Лениным. Они стали знаменем пролетарской России — авангарда мировой революции.

² В. Шелгунов «Рабочие на пути к марксизму». «Старый большевик» № 2 (5), стр. 101.

Ф. Фрумкина

К РЕЧИ В. ЛИБКНЕХТА НА БАЗЕЛЬСКОМ КОНГРЕССЕ I ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Печатаемая ниже речь Либкнехта была произнесена им на Базельском конгрессе I интернационала (5—11 сентября 1869 г.).

За месяц до Базельского конгресса, 7—9 августа 1869 г., на съезде в Эйзенахе была основана под руководством А. Бебеля и В. Либкнехта германская социал-демократическая партия (эйзенахцы). Съезд выбрал Либкнехта делегатом на Базельский конгресс.

В официальный отчет Базельского конгресса ¹ речь Либкнехта вошла в очень сокращенном виде. Перевод речи сделан по печатавшемуся в Базеле во время конгресса бюллетеню на немецком языке.

1

О речи Либкнехта Фридрих Лесснер (портной, бывший член союза коммунистов, член генерального Совета Интернационала, стойко защищавший линию Маркса) писал Марксу 8 сентября 1869 г., подробно информируя его обо всем, что происходило на конгрессе:

«Потом Либкнехт сделал отчет о Германии, всеми силами ополчился против Швейцера, разоблачил все маневры, к которым тот прибегал; он имел большой успех. Затем Шпир сделал очень интересное сообщение по поводу Швейцера и Гофштеттена» ².

¹ Протоколы Базельского конгресса I интернационала (недавно вышли из печати в издании ИМЭЛ).

² Историю вопроса взаимоотношений Швейцера и Гофштеттена см. ниже.

Отчет Либкнехта на Базельском конгрессе отразил ожесточенную борьбу двух направлений в немецком рабочем движении в 60-е годы прошлого столетия.

Борьба этих двух направлений была выражением борьбы двух тенденций в немецком рабочем движении того периода — тенденции революционной (марксизм) и оппортунистической (лассальянство). После смерти Лассаля, отца оппортунизма, выразителем оппортунистической тенденции в немецком рабочем движении являлся Швейцер.

Швейцер как и Лассаль отражал интересы и настроения немецких ремесленников («мелкобуржуазные немецкие рабочие», называл их Маркс³). Эйзенахцы Бебель и Либкнехт были несмотря на всю незрелость своей идеологии и теоретическую близость к лассальянству выразителями революционной тенденции широких пролетарских масс индустриализирующейся Германии.

Но уровень сознания всего немецкого пролетариата был еще весьма низок. За Швейцером шли также массы хороших, но заблуждавшихся пролетариев, о которых Маркс писал: «Пригодная их часть рано или поздно примкнет к нам»⁴.

Маневры Швейцера и объясняются давлением этих рабочих.

Массы рабочих, шедших за Либкнехтом и Бебелем, тоже еще были под сильным влиянием буржуазной идеологии (как и их вожди).

Исторической задачей того времени было освободить широкие массы пролетариата из-под влияния буржуазной идеологии, вывести их на дорогу последовательно революционной борьбы.

И эту задачу терпеливо и настойчиво осуществляли Маркс и Энгельс. В этом основа их сложной, но сугубо целеустремленной тактики в немецком рабочем движении в тот период.

Важнейшим вопросом, на котором на том историческом этапе проверялась революционность того или другого направления в немецком рабочем движении, был вопрос объединения Германии.

Лассальянцы, как известно, приспособлялись к Бисмарку. Существо их тактики состояло в том, что они направляли рабочую

³ Маркс и Энгельс. Письма, под ред. Адоратского, стр. 157. 1931.

⁴ Там же.

партию «на бонапартистски-государственно-социалистический путь. Напротив, Бебель и Либкнехт последовательно устанавливали демократический и пролетарский путь, борясь с малейшими уступками пруссачеству, бисмарковщине...»¹

Только под непосредственным влиянием Маркса и Энгельса Либкнехт и Бебель смогли удержаться на последовательно демократических и пролетарских позициях. Маркс и Энгельс, как видно из их переписки, упорно, настойчиво и терпеливо, но вместе с тем со всей присутствующей им страстностью и ядовитым сарказмом бичевали ошибки Либкнехта, разъясняя Либкнехту, какую позицию надо занять в том или другом вопросе. К сожалению, пока еще найдены лишь отдельные письма Маркса и Энгельса к Либкнехту, однако переписка Маркса и Энгельса дает богатейший материал по вопросу о колоссальной их роли в немецком рабочем движении и на том этапе, когда Маркс и Энгельс уже жили в Англии и сосредоточили свое внимание на вопросах международного рабочего движения. Являясь в Генеральном совете секретарем для Германии, Маркс официально не высказывался ни за ту, ни за другую организацию. Критикуя Швейцера, Маркс и Энгельс были недовольны Либкнехтом.

«Я так же решительно против лассалевской клики, как и против «Народной партии»²,—писал Маркс 22 июля 1869 г.³ Но Маркс не хотел выступить публично и против той или другой организации, ибо Маркс и Энгельс считали, что надо добиться, чтобы в результате самостоятельного выступления рабочих была разбита «лассалевская церковь»⁴ и была создана новая, подлинно пролетарская партия. «Я в качестве члена Генерального совета,—писал Маркс,—должен держаться нейтрально между различными организованными группами рабочих. Это их дело, а не мое, кого они имеют вождем. В качестве секретаря для Германии я должен отвечать всем, кто обращается ко мне

¹ Ленин. Собр. соч. Т. XVI, стр. 547.

² Речь идет о саксонской народной партии, созданной Либкнехтом и Бебедом в 1866 г., объединившей на почве антипрусской демократической программы массы мелкой буржуазии и рабочих, выдвинувшей принцип немецкого единства в виде федеративного союза немецких государств на основе самоопределения.

³ Маркс и Энгельс. Т. XXIV, стр. 216.

⁴ Так Маркс и Энгельс называли лассальянский Всеобщий германский рабочий союз за сектантство и диктатуру «вождей».

официально в качестве председателей и т. д. рабочих групп. В этом духе писал я и Швейцеру»⁵.

Несмотря на то что и Маркс и Энгельс неоднократно жестоко критиковали Либкнехта, несмотря на то что они до определенного момента отказывались публично его поддерживать, несмотря на то что они иногда даже одобрительно отзывались о некоторых выступлениях и статьях Швейцера,—отношение их к Швейцеру было совершенно иное чем к Либкнехту и Бебелю.

«Прохвост», «жулик», «хитрая собака», «мошеник» — вот как они называли Швейцера, глубоко не доверяя ему по существу. Вместе с тем Маркс и Энгельс рассчитывали, что Либкнехт и Бебель подойдут к марксизму, что массы рабочих, объединенные в рабочие фрейны, которыми руководили Либкнехт и Бебель,—это тот материал, из которого будет создана пролетарская партия в Германии. И они не ошиблись.

Публикуемая речь Либкнехта свидетельствует о правильном, здоровом его подходе к ряду вопросов. Интересно в этом отношении высказывание Либкнехта о диктатуре пролетариата. К сожалению, в дальнейшем Либкнехт не удержался на позициях защиты диктатуры пролетариата и в вопросах государства и революции придерживался типичных социал-демократических взглядов.

2

На первом этапе своей политической деятельности Швейцер действовал в рамках буржуазных организаций.

Ввел Швейцера в рабочее движение сам Лассаль⁶, встретившийся с ним в 1863 г. во Франкфурте. Лассаль весьма ценил Швейцера и защищал его в связи с обвинениями в растрате денег, принадлежавших союзу стрелковых обществ (секретарем центрального комитета которого был Швейцер) и в преступлениях против нравственности. Швейцер сначала отстаивал необходимость объединения Германии под гегемонией Австрии, а затем стал в этом вопросе на позиции Лассалья: объединение Германии под

⁵ Маркс и Энгельс. Т. XXIV, стр. 82. Подчеркнуто Марксом.

⁶ Председателем Союза после Лассалья был сначала Бернгард Беккер, «незадачливый парень», по выражению Маркса, в 1865 г. председателем был избран Тельке, в 1866 г.—Перль и, наконец, в 1867 г. на чрезвычайном съезде в Брауншвейге председателем Союза был избран Швейцер.

гегемонией Пруссии, под руководством Бисмарка.

Швейцер вместе со своим другом Гофштеттенем, бывшим баварским офицером, основал (на деньги Гофштеттена) газету «Социал-демократ», первый номер которой вышел 15 декабря 1864 г. Гофштеттен считался ее издателем¹. Теперь уже точно известно на основе разоблачений Густава Майера, что газету субсидировал Бисмарк. Густав Майер сообщил в «Archiv für Sozialwissenschaft» за 1927 год², что он нашел документ о том, что 6 апреля 1866 г., т. е. за несколько дней до того, как Пруссия внесла в союзный совет проект о всеобщем избирательном праве,

¹ Когда в середине 1867 г. средства, данные Гофштеттенем на издание «Социал-демократа», истощились, Швейцер постарался отправить Гофштеттена в Вену для издания с.-д. газеты. Но это предприятие было неудачно. Гофштеттен вернулся в Берлин. Швейцер просто выставил его за дверь, утверждая, что у Гофштеттена не может быть никаких претензий, и ссылаясь на договор, заключенный с ним доверчивым Гофштеттенем.

² Archiv, V. 57, N. 1. «Der Allg. Arbeiterverein und die Krisis 1866», von Gustav Mayer, цитировано по журналу «Историк-марксист» за 1929 г., ст. Бернштейна «Эйзенахцы и лассальянцы», стр. 98.

Целенский билет I интернационала, выданный Марксу.

Гофштеттен получил от Бисмарка беспроцентную ссуду в 2500 талеров под обеспечение квитанции о взносе соответствующей суммы в полицейское управление в качестве залога на право издания газеты. Маркс и Энгельс, не знали об этом. Но Маркс и Энгельс подозревали о связях Швейцера с полицией, и чем дальше, тем все больше укреплялись их подозрения; однако они публично не поддерживали прямых обвинений Либкнехта и Бебеля против Швейцера о связях его с полицией, считая, что эти обвинения были недостаточно фактически доказаны.

Сначала Либкнехт даже вошел в редакцию «Sozial-Demokrat»³.

Швейцер просил сотрудничать в газете Маркса и Энгельса, которые весьма неохотно согласились на включение их в число сотрудников газеты лишь после того, как Либкнехт заверил их в лояльности Швейцера. В первых номерах газеты Швейцер действительно держался лояльно и даже напечатал учредительный адрес I интернационала. Но уже с 27 января 1865 г. Швейцер поместил в «Социал-демократе» серию статей, в которых он восхвалял Фридриха Великого и утверждал, что Пруссия стала тем, что она есть, благодаря правящей династии, что Пруссия признана стать повелительницей Германии. Об'единить Германию могут лишь рабочие кулаки или прусские ештыки, писал Швейцер.

Маркс и Энгельс были возмущены также позицией Швейцера в вопросе о профсоюзах. Ухудшение положения рабочих в связи с кризисом 60-х годов и войнами 1864—1866 гг. определило развитие рабочих организаций в Германии. В 1865—1866 гг. были созданы союзы портных, столяров, наборщиков, табачников, машиностроительных рабочих.

Рабочие активно боролись за свободу коалиций. Прогрессисты, чтобы удержать отходивших от них рабочих, выступили за свободу коалиций и стачек, ограниченную особыми уголовными законами против «злоупотребления» стачками. Вопрос обсуждался в Палате депутатов.

Министр торговли заявил, что правительство даст свободу коалиций, но предварительно привлечет предпринимателей и рабочих к обсуждению вопроса о развитии кооперативного дела, производительных и потребительных товариществ. «Социал-де-

³ Сотрудниками редакции «Социал-демократ» были кроме Швейцера Либкнехт, Георг Гервег, Иоганн-Филипп Беккер, Моисей Гесс, проф. Вутке, полковник Рюстов, Фр. Рейше.

мократ» издевался над проектами прогрессистов, но сочувственно отнесся к проектам министра о государственной поддержке кооперативных и производительных товариществ.

Маркс и Энгельс считали, что, подчеркивая политическую трусость и беспомощность прогрессистов, необходимо вместе с тем публично выдвинуть перед ними дилемму: если они действительно хотят заключить союз с рабочими против правительства,— они должны требовать отмены всех исключительных законов против рабочих, т. е. не только закона о союзах, но и прусского законодательства о печати, они должны требовать и всеобщего избирательного права.

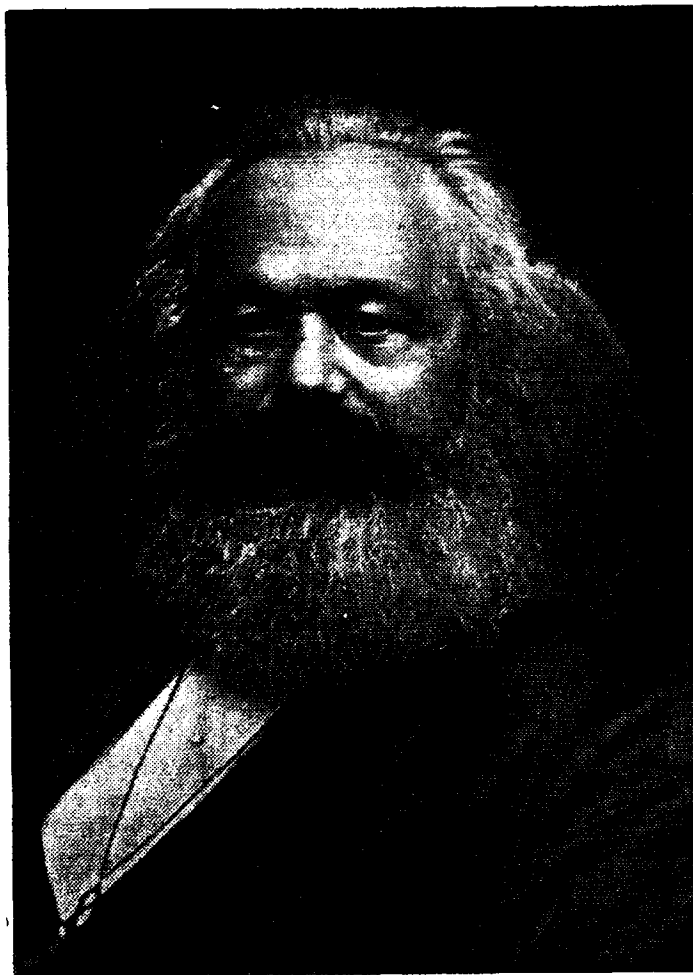
Об идее поддержки государством кооперативных и производительных обществ Маркс, конечно, отзывался резко отрицательно. Свое мнение по этому вопросу Маркс изложил в письме в Швейцера от 13 февраля 1865 г. «Союзы с развивающимися из них тредюнионами имеют громадное значение не только как средство организации рабочего класса для борьбы с буржуазией... но, кроме того, они имеют громадное значение и потому, что в Пруссии и вообще в Германии право союзов есть вообще нарушение господства полиции и бюрократизма... всякая прогрессивная партия, т. е. всякая буржуазная оппозиционная партия Пруссии, если она не сошла с ума, допустит эту меру в тысячу раз скорее, чем прусское правительство и даже правительство Бисмарка. Наоборот, королевско-прусская помощь кооперативным обществам... как экономическая мера — ничто; в то же время благодаря ей расширяется система опеки, часть рабочего класса будет подкуплена, и движение будет выхолощено...»¹

Но Швейцер ответил письмом, в котором требовал, чтобы в «практических» вопросах Маркс поддерживал его тактику. Маркс писал, что Швейцер решил «ни под каким видом не давать места в «Социал-демократе» нашему указанию немецким рабочим»².

24 февраля 1865 г. Маркс и Энгельс опубликовали заявление о своем отказе от сотрудничества в газете. В заявлении они писали, что, соглашаясь сотрудничать в «Социал-демократе», они требовали, чтобы «газета говорила против правительства и против самодержавно-феодальной партии столь

¹ Маркс и Энгельс. Письма, под редакцией Адоратского, стр. 156—157. 1931.

² Там же. Письмо Швейцера к Марксу, см. в книге Бебеля «Моя жизнь», стр. 188.

Карл Маркс в 1870 г.

же смелым языком, как и против либералов»³.

Вслед за Марксом и Энгельсом от сотрудничества отказались и В. Либкнехт, Г. Гервег, Беккер и Фр. Рейше. Фактически перестал работать и Путке. Лишь Моисей Гесс работал до конца 1866 г.

В связи с подготовкой к войне 1866 г. в «Социал-демократе» был напечатан ряд статей, в которых доказывалась необходимость уничтожения Австрии и победы Пруссии.

Швейцер приветствовал победу Пруссии и основание Северогерманского союза. Во время выборов в учредительный северогерманский рейхстаг (12 февраля 1867 г.) Швейцер открыто заигрывал с консерваторами. На одном из собраний в Бармен-Эльбердельде, где фигурировала кандидатура Швейцера, а от консерваторов — Бисмарка, Швейцер заявил: «Многочисленные крики, называвшие имя Бисмарка, показывают, в какую сторону склоняются симпатии собрания. Я не могу, конечно, никому предписать, кого именно следует выбрать. Пусть каждый следует движению своего сердца»⁴,

³ Маркс и Энгельс. Письма, под редакцией Адоратского, стр. 158. 1931.

⁴ А. Бебель «Из моей жизни», стр. 195.

и Бисмарк при перебаллотировке получил почти все голоса, отданные за Швейцера во время первого голосования.

Во время выборов в северогерманский рейхстаг, 31 августа 1867 г., Швейцер был избран депутатом. В северогерманском рейхстаге Швейцер тоже высказывался за Северогерманский союз.

Однако развитие рабочего движения, рост экономической борьбы пролетариата, проявления оппозиции внутри Союза заставили Швейцера в вопросах профессионального движения отступить от своих позиций. Вместе с тем Швейцер старался держаться лояльного, почтительного тона по отношению к Марксу и I интернационалу. В 1867 г. Швейцер написал рецензию на I том «Капитала».

С 1868 г. наступил, в известном смысле, новый этап в деятельности Швейцера. Преимущественно об этом этапе его деятельности писали впоследствии Маркс и Энгельс в своем письме от сентября 1879 г. Бебелю, Либкнехту, Бракке и другим членам руководящей группы германской с. д., оценивая

Швейцера следующим образом: «Он углубил движение как классовую борьбу промышленных рабочих против буржуазии»¹. В рукописи, написанной рукой Энгельса, были зачеркнуты следующие слова, более подробно выражавшие ту же мысль: «Швейцер был прохвостом, но в то же время очень талантливым человеком. Его заслуга состояла именно в том, что он сломал первоначальное узкое лассальянство с его ограниченной панацеей государственной помощи...»²

Итак, Швейцер к 1868 г. начал пересматривать лассальянское «наследство» о профсоюзах и лассальянский «железный закон заработной платы».

22—26 августа 1868 г. в Гамбурге происходило очередное собрание Всеобщего рабочего союза. На этом собрании была принята резолюция о солидарности рабочих в международном масштабе, собрание признало необходимой стачечную борьбу, однако высказалось против того, чтобы стачечную борьбу организовывал сам Всеобщий рабочий союз. Швейцер и Фрише (рабочий-табачник из Лейпцига, один из основателей Всеобщего германского рабочего союза и член его ЦК) внесли предложение о созыве единого конгресса профсоюзных организаций. Предложение вызвало бурные дебаты и возражения. Собрание согласилось на созыв конгресса лишь после того, как Швейцер ультимативно заявил, что, если ему запретят созыв конгресса, он уйдет из Союза и откажется от исполняемой должности.

В это время Швейцер возобновил переписку с Марксом. Маркс отвечал ему на ряд его вопросов, но «в настолько холодных выражениях, что он им (письмом Маркса.—Ф.) «хвастнуть» не может»³. Переписываясь со Швейцером, Маркс все время был настороже, беспокоясь, что Швейцер использует его авторитет в борьбе с другими течениями в германском рабочем движении.

Но Маркс не считал возможным не отвечать Швейцеру, поскольку за Швейцером еще шли массы.

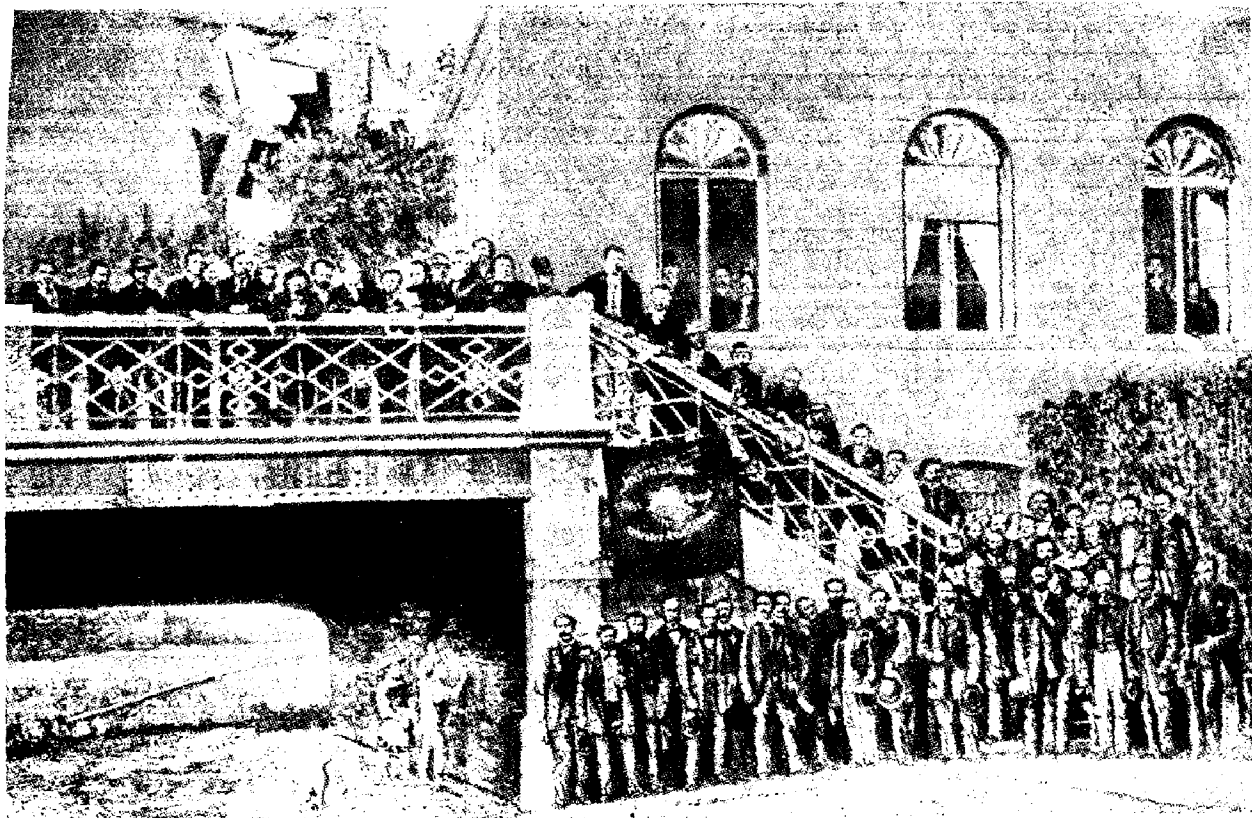
На Гамбургский съезд Маркс получил приглашение, подписанное Швейцером и 20 рабочими — членами правлений из разных областей Германии. В письме к Энгельсу Маркс писал, что он должен был считаться с тем, что приглашение подписали рабочие, руководящие работники Союза, и соответствующим образом им ответил: он выражал

Attendance of Members
from September to December 1870

	September				October				November				December				Count	Abs.
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16		
Apprentice	+				+												2	14
Boon	+	+			+												5	11
Brakke					+	+	out of town										3	13
Busch					+												1	15
Chapman									+								2	14
Conrad	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	16	0
Engels					+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	11	1
Fischer					+	+	+	+									6	10
Friedrich					+	+	+	+									2	14
Heine	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	12	4
Hering	+	+															2	4
Leopoldine					+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	10	4
Marx	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	12	4
Meyer					+	+	+	+									4	12
Mohr	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	15	1
Muller	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	12	4
Nathaniel																	1	15
Reuter																	1	15
Richter																	0	16
Schmidt																	0	16
Wagner																	0	16
Walters																	0	16
Weydemeyer																	0	16
Wolff																	0	16
Zimmerman																	0	16
Zschimmer																	0	16
Zwick																	0	16
Total																	3	1

Таблица посещений заседаний Генсовета.

¹ Маркс и Энгельс, «Архив». Т. I (VI), стр. 149.
² Там же.
³ Маркс и Энгельс. Т. XXIV, стр. 54.

Участники IV конгресса I интернационала. Базель. 1866 г.

удовлетворение «по поводу того, что они в программе с'езда обращают особое внимание на агитацию за полную политическую свободу, регулирование рабочего времени и международное содружество рабочего класса, т. е. на те пункты, которые являются основными для всякого «серьезного» рабочего движения. Другими словами, это означает, что я поздравляю их с отказом от программы Лассаля»¹.

Маркс и Энгельс считали, что путь организации профдвижения, на который вступил Швейцер, неизбежно окажется для него роковым, ибо, «сдавая в архив строгий лассалевский ритуал», он лишится «крепкой» организации и возможности «разыгрывать» диктатора.

Они были уверены, что Швейцер «сам по себе... сломит себе шею», если Либкнехт будет действовать с тактом (письмо Маркса Энгельсу от 23 сентября 1868 г.)².

3

Либкнехт переоценивал революционность мелкобуржуазной демократии. Либкнехт медлил с выделением рабочего движения в

самостоятельную рабочую партию из Саксонской народной партии. Уровень политического сознания массы немецких рабочих, как мы писали, был весьма низок в начале 60-х годов... «Рабочие толпами шли в союзы, которые устраивали либеральные вожак и которые рабочим тогда казались образцом народолюбия»³, рассказывал Бебель.

Так были созданы в 1861 г. лейпцигское «Рабочее общество самообразования» (Бебель был его зампредела), лейпцигский «Промышленный образовательный союз» (Бебель — сначала заместитель председателя, потом председатель его) — организации, в которых победило направление, отклонявшее политическую агитацию и считавшее, что союзы должны быть в первую очередь просветительными. Количество просветительных союзов все увеличивалось, влияние их распространялось на Тюрингию, Вюртемберг, Баден, Ганновер.

На первых двух с'ездах ряда просветительных союзов (Франкфуртский с'езд 7 июня 1863 г. и Лейпцигский 13 октября 1864 г.) присутствовали такие известные буржуазные демократы, как Герман Беккер, Евгений Рихтер, Зоннеман и др. С'езды вы-

¹ Маркс и Энгельс. Т. XXIV, стр. 90.

² Там же, стр. 102.

³ А. Бебель «Из моей жизни», стр. 56.

сказались за единение со всеми, «кто ставит себе целью борьбу за свободу и величие немецкого отечества», и в практических постановлениях не пошли дальше экономических мероприятий, проповедуя единство рабочих и предпринимателей на основе принципов Шульце-Делича.

На III с'езде в Штутгарте (3—5 сентября 1865 г.) присутствовали, с одной стороны, ставшие в ближайшем будущем социалистами Герман Грейлих, Юлиус Моттелер («красный почтмейстер»), и с другой — банкир Эдуард Пфейфер, фабрикант Милих, профессора Вундт и Экгард, Зоннеман, Макс Гириш и другие буржуазные демократы. На этом с'езде ясно сказался решительный поворот рабочих влево. Были приняты решения о праве коалиций, о всеобщем избирательном праве. На банкете с'езда союзов раздавались речи за германскую республику. Председателем комитета вместо Зоннемана был избран пожилой рабочий — портной Штаудингер. Следующие годы в рабочих союзах росло оппозиционное настроение. В связи с войной 1866 г. в центре внимания рабочих союзов стали вопросы политики. Для Саксонии вопрос о войне между Австрией и Пруссией был наиболее животрепещущим. Саксония, расположенная между Австрией и Пруссией, легко могла стать театром военных действий. Управлял Саксонией австрийский ставленник фон-Бейст. Саксонская буржуазия была за соединение с Пруссией. Саксонские либералы, а вслед за ними лейпцигское самоуправление прямо высказались за союз с Пруссией.

Для протеста против этих решений было созвано народное собрание, на которое собралось 5 тыс. чел. На этом собрании Бебель внес резолюцию, выработанную совместно с Либкнехтом, в которой было выдвинуто требование всеобщего избирательного права. Резолюция призывала к тому, чтобы в случае войны «немецкий народ поднялся как один человек»¹ против Пруссии, и была принята единогласно. На другом народном собрании (3 тыс. чел.) была тоже принята резолюция Бебеля, требовавшая вооруженного сопротивления саксонцев политике Пруссии, «так как нейтралитет был бы трусостью или изменой»². Таким образом, хотя пролетариат Саксонии не мог и не должен был сочувствовать ни Бисмарку, ни Бейсту, его фактически, несмотря на все оговорки о том, что «немецкие народности выступают не против прусского народа и

не за династические интересы Габсбургов», призывали к действиям против Бисмарка под руководством Бейста.

Надо отметить, что впоследствии и Бебель отмечал, что австрофильские увлечения Либкнехта приносили немало вреда немецкому рабочему движению: «Либкнехт был человеком крайностей. Точно так же как его ненависть против Бисмарка и Северогерманского союза часто переходила всякие пределы, так и симпатии его к Австрии, на либеральное министерство которой он возлагал большие надежды, заходили слишком далеко»³.

За время войны рабочие союзы значительно ослабли. Были приняты меры к оживлению деятельности союзов 1 июня 1867 г. была основана союзная газета «Рабочий клуб» («Arbeiterhalle»), а с 6 января 1868 г. начала выходить под редакцией Либкнехта газета «Демократический еженедельник» («Demokratisches Wochenblatt»), которая была и органом Саксонской народной партии (выходила по 29 сентября 1869 г.).

Весной и осенью 1867 г. состоялись два с'езда рабочих союзов в Франкенберге и Гере, где была разработана определенная система организации. Председателем Союза был избран Бебель.

Рост рабочих союзов вызывал одобрение Маркса и Энгельса. Но они были недовольны политической позицией Либкнехта и его газетой. 28 мая 1868 г. Энгельс писал Марксу, что Либкнехт «совершенно отождествил себя» с южногерманскими федералистами, что он всегда голосует вместе с ними. «Хитрый Швейцар, выступающий только в защиту рабочих, совершенно заслоняет его... Но и газетка его, как ты увидишь, становится чем дальше, тем глупее»⁴.

5—7 сентября 1868 г. в Нюрнберге состоялся следующий с'езд союза германских рабочих обществ.

На этом с'езде были представлены 93 организации. К этому времени союзы уже насчитывали 13 тыс. чел. Бебель послал приглашение Генеральному совету Интернационала, в котором писал, что главный совет союза германских рабочих обществ намерен «предложить с'езду принять программу международной ассоциации рабочих, как она изложена в первом номере «Vorbote» (центральный орган немецких секций под редакцией Иоганна-Филиппа Беккера), и в связи с этим предложить также присоеди-

¹ А. Бебель «Из моей жизни», стр. 114.

² Там же, стр. 117.

³ А. Бебель «Из моей жизни», стр. 203.

⁴ Маркс и Энгельс. Т. XXIV, стр. 60.

нение организации к Международной ассоциации рабочих»¹. От Генерального совета на с'езде присутствовал Эккариус.

На с'езде, действительно, была принята программа, в которой было сказано: «Собравшийся в Нюрнберге... с'езд немецких рабочих союзов в нижеизложенных пунктах заявляет о своей солидарности с программой Международной ассоциации рабочих»². Программа была принята 69 голосами, принадлежавшими 61 союзу, против 46 голосов, принадлежавших 32 союзам. Голосовавшие против протестовали и ушли со с'езда во главе с Максом Гиршем. Однако и после Нюрнбергского с'езда, на котором так ясно выявились радикальные сдвиги в классовом самосознании рабочих, не была еще оформлена самостоятельная рабочая партия. Рабочие организации продолжали существовать в недрах Саксонской народной партии. Нюрнбергский с'езд вынес также решение о создании централизованных профсоюзов (Gewerkgenossenschaften).

4

После Нюрнбергского с'езда Швейцер начал еще усерднее писать Марксу, опасаясь, что Маркс открыто выступит за Либкнехта и против него. Но Маркс был все еще недоволен Либкнехтом. По поводу редакции программы, принятой на Нюрнбергском с'езде³, Маркс 16 сентября 1868 г. писал: «Либкнехт сделал в Нюрнберге совершенно нелепую и (даже противоречащую уставу) глупость, навязав членам конгресса путаную стряпню Беккера в качестве программы Международного товарищества рабочих... Господину Вильгельму нужен был демократический вздор для Народной партии!»⁴

Между тем Швейцер и Фрише созвали конгресс профсоюзных рабочих организаций, который состоялся 27 сентября 1868 г. в Берлине. Ферейны, работавшие под руководством Бебеля и Либкнехта, не послали представителей на этот конгресс. На конгрессе был организован так называемый Verband (союз рабочих союзов), объединивший 10 рабочих союзов (Arbeiter-

Ф. Лесснер в последние годы своей жизни.

schaften). Verband был организован по образцу Всеобщего германского рабочего союза. Он должен был руководить стачечной борьбой. Только комитет Verband мог решить, можно ли объявлять ту или другую стачку делом Союза. Основой Verband вначале был союз портных. Президиуму и комитету Verband были предоставлены диктаторские права. Маркс критиковал устав Verband, утверждая, что это устав сектантской организации, а не тредюниона⁵. Он считал, что опыт жизни покажет рабочим, примкнувшим к Verband, что эта организация не соответствует задачам экономической (профессиональной) борьбы рабочих.

В то же время Бебель разработал устав Gewerkgenossenschaft (т. е. профессионального союза), который был напечатан в «Демократическом еженедельнике».

Маркс писал Швейцеру, что несмотря на все ошибки в связи с созданием Verband он в качестве секретаря Интернационала готов взять на себя роль посредника между Швейцером и нюрнбержцами для совместного руководства профессиональными союзами. Нюрнбержцы в конце октября 1868 г. созвали вместе с членами Всеобщего германского рабочего союза многолюдное собрание, которое, заслушав доклад Либкнех-

¹ А. Бебель «Из моей жизни», стр. 246.

² Таким образом вышло так, что в этом вопросе Швейцер обогнал Либкнехта и Бебеля: Гамбургский с'езд Всеобщего германского рабочего союза вынес решение о присоединении к I интернационалу в конце августа.

³ Полный текст ее на стр. 147 «Из моей жизни».

⁴ Маркс и Энгельс. Т. XXIV, стр. 96.

⁵ Письмо Маркса к Швейцеру в «Из моей жизни» Бебеля, стр. 155.

та о профессиональном движении, избрало комитет для разработки вопросов организации профсоюзов по образцу тредюнионов. Комитет разработал принципы объединения руководства профсоюзами, сводившиеся к следующему: 1) созыв общего съезда профессиональных организаций, основанных по постановлению Нюрнбергского съезда или Берлинского съезда в целях их объединения и слияния; 2) отказ от сближения с гиршдункерскими организациями¹; 3) впредь до слияния — взаимная помощь своими кассами.

Но Швейцер опубликовал в «Социал-демократе» заявление о том, что президиум и Центральный комитет Всеобщего союза рабочих обществ отверг эти предложения. Швейцер не только не учел замечаний Маркса, а выдвинул идею слияния всех профсоюзов в один, т. е. стремился еще больше, выражаясь современным языком, «бюрократизировать» профсоюзы.

Между тем Бебель успешно работал в профессиональном движении: он вел рабочий отдел «Демократического еженедельника», который приобрел более пролетарский характер. Даже союз портных начал отходить от Швейцера.

Когда в Лондонском немецком союзе была вынесена резолюция доверия Швейцеру, Маркс написал, что он выходит из Союза потому, что ответственность за эту резолюцию возложили бы на Маркса. «Проклятый Швейцер все же слишком еще молод для того, чтобы надуть меня», — писал Маркс Энгельсу 23 ноября 1868 г.

Однако Маркс был недоволен тем, что Либкнехт практически ничего реально не сделал для Международного товарищества, а, наоборот, везде заявлял, что члены международного товарищества не несут никаких расходов.

Борьба между Либкнехтом, Бебелем и Швейцером все усиливалась. Бебель и Либкнехт публично выразили готовность доказать на собрании Всеобщего германского рабочего союза или в третьей инстанции перед Генеральным советом I интернационала, что Швейцер с 1864 г. препятствовал организации рабочей партии.

Бебель и Либкнехт получили приглашение явиться на собрание Союза в Эльберфельд-Бармене 28 марта 1869 г., где они и высту-

¹ Гиршдункерские союзы — профсоюзы, организованные в 1868 г. либералами Максом Гирш и Францем Дункер. Эти союзы отрицают классовую борьбу и проповедают гармонию интересов.

пили с обвинениями против Швейцера. Швейцер не пожелал высказаться по существу обвинений, потребовав вотума доверия. Он получил 7400 голосов за вотум доверия, 4635 — против. Но диктаторские полномочия Швейцера на этом конгрессе были значительно урезаны. После этого конгресса на время была прекращена борьба между Швейцером и Либкнехтом—Бебелем. Но 18 июня 1869 г. в «Социал-демократе» была опубликована прокламация от 16 июня об объединении Швейцера с «лассалевским Всеобщим германским рабочим союзом», отделившимся в начале 1867 г. от швейцеровского союза по тем мотивам, что Швейцер отходит от принципов Лассалля. Этим союзом руководила графиня Гатцфельд через своего ставленника Менде (председатель Союза)². Оба Союза ставили своей задачей объединиться на основе возврата к «старому лассалевскому уставу», что и было осуществлено. Таким образом Швейцеру удалось уничтожить более демократические принципы организации, принятые на съезде в Эльберфельд-Бармене. Перемирие с нюрнбержцами, конечно, было ликвидировано.

Бебель предпринял против Швейцера агитационную поездку по Тюрингии. Ряд членов швейцеровского союза требовал, чтобы графиня Гатцфельд была исключена из Союза, но Швейцер действовал по-своему.

Тогда из швейцеровского союза ушли Бракке, Бремер, Шпир, Иорк, к ним присоединилось и 10 чел. из Гамбурга во главе с Гейбом, а также деятели профдвижения — Фрицше, Шуман (председатель союза сапожников), Шоб (председатель союза портных). Таким образом «государственный переворот», произведенный Швейцером, привел к расколу Союза и к присоединению ряда его деятелей и лучших рабочих к нюрнбержцам. 6 июля 1869 г. Энгельс писал Марксу, что Швейцер «быстро сходит на нет... Бебель прямо хватает Швейцера за горло и выдвигает против него несколько сокровенных фактов, из которых можно заключить, что Швейцер получил свою долю из вельфовского фонда³, находящегося

² Вскоре произошел новый раскол между Швейцером и Гатцфельд—Менде. Последний опубликовал брошюру против Швейцера.

³ Вельфовский фонд (иначе «рептильный фонд» или «фонд пресмыкающихся») — фонд, находившийся в личном распоряжении Бисмарка. Фонд получил название «вельфовского» потому, что составлялся из процентов с имущества ганноверского короля из династии Вельфов, лишённого владетельных прав после присоединения к Пруссии.

в распоряжении Штибера»¹. В связи с подготовкой к Эйзенахскому конгрессу Маркс писал Энгельсу в письме от 3 июля 1868 г., что на Эйзенахский конгресс он не поедет, ибо повод для этого будет «лишь после того, как они действительно присоединятся к Интернационалу и создадут для себя личную партийную организацию»².

Маркс таким образом энергично воздействовал на Либкнехта, стимулировал его на более решительные действия: на разрыв с буржуазной демократией, отказ от поддержки ее федералистских стремлений, на практическую деятельность в пользу Интернационала. Маркс и Энгельс торопили Либкнехта оформить вступление в I интернационал.

«Насчет Базельского конгресса, — писал Энгельс Марксу, — надеюсь, ты ему объяснил напрямик, что только представители действительно вступивших организаций будут допущены»³.

7—9 августа 1869 г. состоялся Эйзенахский съезд. В воззвании по созыву съезда речь шла об «общенемецком социал-демократическом рабочем конгрессе». На конгресс явились также и швейцерианцы: Тельке со 110 делегатами, представлявшими якобы 102 тыс. рабочих (Либкнехт доказывал, что мандаты были фальшивые, см. ниже). От нюрнбержцев присутствовало 262 делегата (представляли 150 тыс. рабочих). На съезде присутствовали также: Иоганн-Филипп Беккер — от немецкой секции Интернационала в Женеве, Грейлих — от немецких ферейнов в Цюрихе, представители австрийского рабочего движения (Обервиндер и Андрей Шей), тогда примыкавшего к германскому рабочему движению, и 63 бывших члена Всеобщего германского рабочего союза.

Совместная работа с швейцерианцами, конечно, оказалась невозможной. Они подняли сильный шум, большие дебаты уже по поводу организационных вопросов. Таким образом первое заседание было сорвано. Делегатские карточки швейцерианцев были им возвращены. Назавтра был открыт новый съезд. Новая партия получила название «Социал-демократическая рабочая партия». Ор-

ганом партии утвержден был «Демократический еженедельник», который потом начал выходить под названием «Volksstaat». Место пребывания комитета был избран город Брауншвейг-Вольфенбюттель, а контрольной комиссии — Вена.

Швейцер не присутствовал на Базельском конгрессе, так как был в это время в тюрьме, так же как на Брюссельский конгресс он, как сообщает благожелательный к нему Меринг, не мог явиться в связи, якобы, с преследованиями прокуратуры⁴.

Уже после Базельского конгресса Либкнехт, голосовавший на конгрессе вместе с эйзенахцем Шпиром за резолюцию об обобществлении земельной собственности, не желая ссориться с Народной партией, не только не пропагандировал резолюции конгресса об обобществлении земельной собственности, но написал в «Демократическом еженедельнике», что каждый член партии может иметь свое мнение по поводу базельской резолюции, партия же не занимает определенной позиции по этому вопросу. Маркс был возмущен Либкнехтом. «Эти ослы верят швабскому Майеру, — писал он, — что непосредственно практический интерес земельный вопрос имеет только для Англии»⁵.

Швейцер же в ряде статей отстаивал базельскую резолюцию, утверждая, что полемика против земельной собственности — «первое слово в лассалевском исповедании веры», как писал Маркс.

Бebelъ об'ехал Южную Германию, выступая за резолюцию конгресса. На нападки органа Народной партии «Демократическая корреспонденция» он ответил серией статей, которые были изданы в виде отдельной брошюры под названием «Наши цели» (в этой брошюре наряду с правильными мыслями было еще немало лассальянских утверждений). И Либкнехт, наконец, отрекся от Народной партии. В речи перед штутгартскими рабочими 13 января 1870 г. он резко критиковал Народную партию. Его лекция об аграрном вопросе, в которой он поддерживал резолюцию Базельского конгресса, была издана отдельной брошюрой. На Штутгартском конгрессе эйзенахцев в июне

¹ Маркс и Энгельс. Т. XXIV, стр. 210.

Штибер — прусский полицейский чиновник, один из организаторов кельнского процесса коммунистов — стоял во главе контрразведки во время войн 1866 и 1870 гг., организатор шпионажа за рабочими, поддерживал связи с полицией ряда государств Европы.

² Там же, стр. 208.

³ Там же, стр. 210. Подчеркнуто Энгельсом.

⁴ Любопытно, что Базельский конгресс происходил 5—11 сентября, а Швейцер вышел из тюрьмы 11 сентября; Брюссельский конгресс открылся 6 сентября 1862 г., а Швейцер, посаженный в тюрьму в начале декабря 1865 г., уже во второй половине декабря имел отпуск в связи с болезнью отца (подробности об этом смотри в речи Либкнехта).

⁵ Маркс и Энгельс. Т. XXIV, стр. 241.

1870 г. была принята резолюция об обобщении земельной собственности.

Так, под постоянным бдительным наблюдением Маркса, в результате его беспощадной критики Либкнехт и Бебель стали на правильный путь. Маркс не высказывался открыто за Либкнехта, пока Либкнехт и Бебель не создали самостоятельной рабочей партии, не доказали, что могут вести рабочих по правильному пути.

Швейцер был окончательно уничтожен в связи с его социал-патриотической позицией во франко-прусской войне 1870 г. Недоверие к нему внутри Союза все возрастало. Уже на Берлинском съезде Союза 5 января 1870 г. имели место выражения недоверия Швейцеру по поводу расходования им средств. 26 марта 1871 г. Швейцер заявил об отказе от руководства союзом. На съезде 19 мая 1871 г. его отставка была принята. На съезде Союза 22—25 мая 1872 г. Тельке, бывший первым помощником Швейцера, сообщил, что Швейцер сам расходовал деньги, поступавшие в кассу Союза, что он поддерживал постоянные связи с берлинской полицией.

Один из делегатов поставил вопрос о том,

что, поскольку Швейцер уже не платит членских взносов, он не является членом Союза. Если он также не является полицейским чиновником, командированным для наблюдения за съездом, он должен оставить собрание. Швейцеру пришлось уйти со съезда.

17 декабря 1869 г. Маркс писал: «Швейцер и его банда не принадлежат к Интернационалу». В наши дни с несомненностью подтвердились предположения Маркса и Энгельса о том, что «Бисмарк... хотел бы, к своей выгоде, оттеснить рабочее движение в швейцеровское русло»¹.

Рабочий класс Германии под руководством вождей международного пролетариата — Маркса и Энгельса разделался с заигрываниями «железного канцлера» так же, как впоследствии он уничтожил его исключительный закон.

Маркс и Энгельс вывели рабочее движение Германии на правильный путь в беспощадной борьбе с лассальянством.

Преклоняясь перед лассальянством, создав культ Лассаля, II интернационал отрекся от Маркса, превратившись в штаб международной контрреволюции.

¹ «Архив». Т. I (VI), стр. 24.

РЕЧЬ ЛИБКНЕХТА НА БАЗЕЛЬСКОМ КОНГРЕССЕ

Либкнехт из Лейпцига делает отчет о Германии. Оратор, считая необходимым дать сначала исторический обзор, начинает с Лассаля, заслугой которого явилось то, что он первый после реакции, последовавшей за событиями 1848 и 1849 гг., развернул знамя социал-демократии.

«Было бы, однако, безрассудно утверждать, что он создал или установил что-либо новое. Лассаль был учеником Маркса², стоявшего после февральской революции вместе со своими друзьями, Энгельсом, Вольфом и др. (сотрудниками «Новой

рейнской газеты)», во главе немецкого рабочего движения, идейным вождем которого он является и поныне.

В 1863 г. Лассаль основал свой Всеобщий немецкий рабочий союз, программа которого имела много недостатков и содержала целый ряд уступок государству. Его устав, основанный на принципе личной диктатуры, не оставлял рабочим ни малейшей свободы мышления и действия. Лассалевская «система» грешила внутренними ошибками. Это явствует уже из того, что она была одобрена правительством Бисмарка. Прусское государство охотно соглашалось удовлетворить оба основных требования Лассаля для рабочих: «всеобщего избирательного права» (опыт Франции) и «государственной помощи». Здесь обнаружился весь вред такой программы партии, пробелы которой дают повод к враждебным толкованиям — роковым последствиям употребления двусмысленных слов. «Государственная помощь!» Что это значит? В глубине души Лассаль имел в виду помощь демократического государства, следовательно, с а м о п о м о щ ь

² Энгельс писал Марксу от 16 мая 1873 г.: «Лассаль тебя обокрал, не понял и извратил» (см. «Архив». Т. I (VI), стр. 73). В письме к Бебелю от 23 февраля 1891 г. Энгельс писал: «Все величие Лассаля основано на том, что Маркс позволял ему в течение долгих лет украшать себя плодами научных исследований Маркса, как своими собственными, извращая их вдобавок благодаря его недостаточному экономическому образованию» («Критика Готской программы», 1932 г., стр. 72 (примечание редакции). Партиздат.

1870 г. была принята резолюция об обобщении земельной собственности.

Так, под постоянным бдительным наблюдением Маркса, в результате его беспощадной критики Либкнехт и Бебель стали на правильный путь. Маркс не высказывался открыто за Либкнехта, пока Либкнехт и Бебель не создали самостоятельной рабочей партии, не доказали, что могут вести рабочих по правильному пути.

Швейцер был окончательно уничтожен в связи с его социал-патриотической позицией во франко-прусской войне 1870 г. Недоверие к нему внутри Союза все возрастало. Уже на Берлинском съезде Союза 5 января 1870 г. имели место выражения недоверия Швейцеру по поводу расходования им средств. 26 марта 1871 г. Швейцер заявил об отказе от руководства союзом. На съезде 19 мая 1871 г. его отставка была принята. На съезде Союза 22—25 мая 1872 г. Тельке, бывший первым помощником Швейцера, сообщил, что Швейцер сам расходовал деньги, поступавшие в кассу Союза, что он поддерживал постоянные связи с берлинской полицией.

Один из делегатов поставил вопрос о том,

что, поскольку Швейцер уже не платит членских взносов, он не является членом Союза. Если он также не является полицейским чиновником, командированным для наблюдения за съездом, он должен оставить собрание. Швейцеру пришлось уйти со съезда.

17 декабря 1869 г. Маркс писал: «Швейцер и его банда не принадлежат к Интернационалу». В наши дни с несомненностью подтвердились предположения Маркса и Энгельса о том, что «Бисмарк... хотел бы, к своей выгоде, оттеснить рабочее движение в швейцеровское русло»¹.

Рабочий класс Германии под руководством вождей международного пролетариата — Маркса и Энгельса разделался с заигрываниями «железного канцлера» так же, как впоследствии он уничтожил его исключительный закон.

Маркс и Энгельс вывели рабочее движение Германии на правильный путь в беспощадной борьбе с лассальянством.

Преклоняясь перед лассальянством, создав культ Лассаля, II интернационал отрекся от Маркса, превратившись в штаб международной контрреволюции.

¹ «Архив». Т. I (VI), стр. 24.

РЕЧЬ ЛИБКНЕХТА НА БАЗЕЛЬСКОМ КОНГРЕССЕ

Либкнехт из Лейпцига делает отчет о Германии. Оратор, считая необходимым дать сначала исторический обзор, начинает с Лассаля, заслугой которого явилось то, что он первый после реакции, последовавшей за событиями 1848 и 1849 гг., развернул знамя социал-демократии.

«Было бы, однако, безрассудно утверждать, что он создал или установил что-либо новое. Лассаль был учеником Маркса², стоявшего после февральской революции вместе со своими друзьями, Энгельсом, Вольфом и др. (сотрудниками «Новой

рейнской газеты)», во главе немецкого рабочего движения, идейным вождем которого он является и поныне.

В 1863 г. Лассаль основал свой Всеобщий немецкий рабочий союз, программа которого имела много недостатков и содержала целый ряд уступок государству. Его устав, основанный на принципе личной диктатуры, не оставлял рабочим ни малейшей свободы мышления и действия. Лассалевская «система» грешила внутренними ошибками. Это явствует уже из того, что она была одобрена правительством Бисмарка. Прусское государство охотно соглашалось удовлетворить оба основных требования Лассаля для рабочих: «всеобщего избирательного права» (опыт Франции) и «государственной помощи». Здесь обнаружился весь вред такой программы партии, пробелы которой дают повод к враждебным толкованиям — роковым последствиям употребления двусмысленных слов. «Государственная помощь!» Что это значит? В глубине души Лассаль имел в виду помощь демократического государства, следовательно, с а м о п о м о щ ь

² Энгельс писал Марксу от 16 мая 1873 г.: «Лассаль тебя обокрал, не понял и извратил» (см. «Архив». Т. I (VI), стр. 73). В письме к Бебелю от 23 февраля 1891 г. Энгельс писал: «Все величие Лассаля основано на том, что Маркс позволял ему в течение долгих лет украшать себя плодами научных исследований Маркса, как своими собственными, извращая их вдобавок благодаря его недостаточному экономическому образованию» («Критика Готской программы», 1932 г., стр. 72 (примечание редакции). Партиздат.

народа, внутри демократического¹ государства и посредством его. Прусское правительство имело в виду помощь прусского юнкерского и полицейского государства: оно покровительствовало и покровительствует и по сей день социалистическим устремлениям с целью отвлечь рабочих от политики.

Когда Лассаль, честность которого не подлежит сомнению, подвергся в результате своего выступления позорнейшей клевете и яростным нападкам почти всей немецкой прессы, я счел делом чести примкнуть к нему и стал членом его союза в твердой уверенности, что Лассаль отойдет от своих заблуждений. Он, однако, этого сделать не успел: внезапная смерть унесла его через несколько месяцев».

Далее, оратор сообщает о спорах, возникших после смерти Лассаля во Всеобщем немецком рабочем союзе, рассказывает, как сам он (Либкнехт) был выслан из Берлина и Пруссии за то, что настаивал на необходимости связать политическую борьбу за свободу с борьбой социальной, как Всеобщий немецкий рабочий союз очутился в руках бездарных и бессовестных авантюристов, пока, наконец, Швейцер, талантливый, но совершенно деморализованный человек, не взял диктатуры в свои руки, после того как уже в начале 1865 г. он из-за своего кокетничанья с Бисмарком лишил всех честных социал-демократов возможности сотрудничать в редактировавшемся им органе «Sozial-Demokrat».

С Швейцером у социал-демократии нет ничего общего. Это агент прусского правительства, которому он старается подчинить социальное движение и направить его на путь, выгодный правительству. «Я вскоре понял, что внутри Всеобщего немецкого рабочего союза сделать ничего нельзя. Такая «крепкая», централизованная, возглавляемая одним лицом организация не допускает реформ, как и — если сравнить великое с малым — империя Бонапарта, Пруссия Бисмарка. Здесь нужна не реформа, а только революция. Такие организации перестроить невозможно: их надо ломать».

Осенью 1864 г. в Лондоне основано было Международное товарищество

¹ В. Либкнехт сам не понимал сути государства, о чем свидетельствуют его рассуждения о «демократическом государстве». Впрочем, классовой природы государства Либкнехт не понял никогда (примечание редакции).

Вильгельм Либкнехт.

рабочих. У меня и у моих друзей тотчас же созрело твердое решение — перевести немецкое рабочее движение на почву Интернационала, программа и организация которого исключают всякую возможность злоупотреблений в политических или личных целях.

В то время в Германии вне Всеобщего немецкого рабочего союза существовал целый ряд рабочих союзов, которые отчасти находились еще под влиянием Шульце-Делича, но начали все же эмансипироваться. Нашей ближайшей целью было завоевать эти союзы. Шульце-Делич, путано перепевавший английских манчестерцев, которых, впрочем, он даже и не понимал, проповедывал: «Противоречие между капиталом и трудом — басня социалистов, буржуазный мир — лучший из миров». Эти речи уже ни на кого не производили впечатления: быстрое экономическое развитие Германии все сильнее подчеркивало классовые противоречия, и вскоре Шульце-Делич потерял опору в массе своих приверженцев.

В прошлом году мы добились уже того, что могли предложить этим рабочим союзам, насчитывающим около 14 тыс. членов (больше чем Всеобщий немецкий рабочий союз), принять программу Интернационала. Прежде чем мы сделали это официально, у меня состоялась в Берлине беседа со Швейцером, на которой в интересах единства настаивали друзья.

В этой беседе я сообщил ему наш план и предложил присоединиться со своим союзом к Интернационалу. Таким образом была бы закончена старая распря, и обе организации — наши союзы и его союз — могли бы существовать параллельно, до тех пор пока стало бы возможно слияние. Швейцер обещал, дал мне честное слово, но нарушил его. На нашем рабочем съезде в Нюрнберге (прошлой осенью) была принята программа Интернационала. А Швейцер? То, что мы приняли программу Интернационала, послужило ему сигналом для борьбы с нами, для того чтобы оклеветать нас как орудие буржуазии. Мир стал невозможен, Швейцера надо было устранить во что бы то ни стало. Я не могу здесь распространяться о деталях последовавшей за тем борьбы. После того как мое предложение сделать Генеральный совет Международного товарищества рабочих третьей стороной между нами было Швейцером отвергнуто, я с Бебелем... в марте этого года отправился на съезд Всеобщего немецкого рабочего союза.

Там в присутствии делегатов собственного союза Швейцера мы зачитали свое обвинение, гласившее, что Швейцер систематически пытается внести раскол в среду немецких рабочих и работает в интересах прусского юнкерства. Мы предложили ему обосновать его утверждение о том, что мы служили буржуазии. Швейцер молчал: он знал, что его обвинение против нас — лишь жалкая ложь, а у нас в руках все доказательства против него.

На том же съезде речь зашла об одном обстоятельстве, показавшем, что личные качества Швейцера так же ничтожны, как и политические. Я имею в виду его взаимоотношения с господином фон-Гофштеттенем, который дал нужные для основания «Sozial-Demokrat» деньги и которого друг его Швейцер впоследствии пустил по миру.

Наше выступление в Бармен-Эльберфельде, где происходил съезд Всеобщего немецкого рабочего союза, и история с Гофштеттенем подорвали авторитет Швейцера в среде его приверженцев. Несколько месяцев спустя наиболее дельные из них: Браке, Фогт, Шпир, присутствующий здесь сейчас с нами, — участвовали вместе с нами в съезде Эйзенахского конгресса в целях единения и организации немецкой социал-демократии».

Далее оратор рассказывает о ходе конгресса. Сначала Швейцер игнорировал его, но затем, пригрозив скандалом, пытался

спровоцировать запрещение полиции. Когда это не удалось, он, послав «делегатов» с императивным мандатом — «вступление в швейцарский союз», пытался сорвать конгресс. Однако конгресс был ко всему подготовлен и, рассматривая «делегатов» просто как нарушителей порядка, соответственно с ними обращался (делегаты Швейцера представляли якобы 100 тыс. рабочих, но мандаты в большинстве своем были фальшивые: от Лейпцига, где у них не больше 90 чел., они состряпали 15 тыс. номеров). Работа конгресса достигла своей цели: почти 300 делегатов, представлявшие 150 тыс. рабочих, приняли программу Интернационала и основали партийную организацию, объединяющую силы всех членов для совместного действия. Так как немецкие законы воспрещают союзам присоединяться к Международному товариществу рабочих, было решено, что каждый член социал-демократической партии должен войти в Международное товарищество рабочих.

Либкнехт вкратце остановился на политической позиции немецкой социал-демократии и отношении к ней прусского правительства и так закончил свою речь: «Я с презрением обхожу нападки и клевету врагов. Я ставлю их себе в заслугу. И в том, что вся феодальная, клерикальная и буржуазная пресса обливает нас грязью, я вижу доказательство того, что мы на правильном пути, что наши удары попали в цель. Но нас превратно понимают друзья, в частности бельгийские товарищи. Брюссельская «Internationale»¹ и «Werker»² заявили недавно, что моя борьба со Швейцером — чисто личный спор.

Надеюсь, что после изложенного выше бельгийские товарищи поймут, насколько несправедливы их суждения. Борюсь со Швейцером, я борюсь с принципом личной диктатуры и с политической развращенностью. Словом «диктатура» часто злоупотребляют. Конечно, во время революции диктатура необходима, но не диктатура одного лица, а диктатура собрания, народа, рабочих, как во Франции в 1793 г. Я как-то сказал Лассалю, что тот, кто хочет провозгласить самого себя диктатором, в спокойные времена заслуживает просто насмешки: в революционное же время ему пускают пулю в лоб. Личность Швей-

¹ «Internationale» — еженедельная газета, центральный орган бельгийской секции I интернационала, выходила в Брюсселе с 1869 по 1873 г. под редакцией бакуниста Гинса.

² «Werker» — орган I интернационала — выходил в Антверпене.

цера и раньше и теперь мне совершенно безразлична. Борьба, которая велась против него и его сообщников, была не личной борьбой, а борьбой социал-демократии против имперского социализма, против бисмарковского цезаризма».

В ответ на высказанное одним из делегатов желание услышать еще что-нибудь о «мученичестве» Швейцера, которое ввело в заблуждение многих рабочих, Либкнехт сообщил, что Швейцер действительно два раза был приговорен к тюремному заключению («судьи не посвящены в бисмарковские планы, возможно, что это была просто комедия»), но каждый раз это заключение было лишь видимостью.

«В 1866 г. его посадили за оскорбление величества. Бисмарк пустил в ход свою машину: ему важно было привлечь на свою сторону народ, не желавший гнусной братоубийственной войны. Швейцера выпустили из тюрьмы якобы по болезни. Однако больной Швейцер с благоволения начальства совершил путешествие через всю Пруссию и Германию и агитировал за Б и с м а р к а, он разглагольствовал перед рабочими о том, что война между Австрией и Пруссией их не касается и что они, не тревожась, могут покупать заем, выпущенный правительством вопреки воле палаты, для того чтобы облегчить проведение братоубийственной политики, и т. д. Хорошо подготовленная Пруссия одержала победу над неподготовленной Австрией: была объявлена амнистия, и Швей-

цера не понадобилось больше возвращаться в тюрьму.

В прошлом году его снова приговорили к трем месяцам. В декабре он сел в тюрьму; едва только он там очутился, как написал одному из своих друзей, что на рождество возьмет отпуск. Незадолго до рождественских праздников внезапно заболел его отец, и он смог получить отпуск, не вызвав ни у кого подозрений. Однако установлено, что Швейцер заявил об отпуске, не зная еще о болезни отца. Свой «отпуск» он снова употребил на агитацию, и против кого же? Против нас, Интернационала. Когда он, насколько это было возможно, осуществил свое намерение, и рейхстаг, к которому он принадлежит так же как и я, вскоре должен был быть созван, он возвратился в тюрьму.

Через несколько недель с начала сессии его как члена рейхстага принуждены были освободить.

После закрытия сессии он в течение нескольких недель оставался еще на свободе, потому что намеревался предпринять кое-какие меры против Эйсенахского конгресса, затем, отдав все нужные распоряжения, он отправился в тюрьму так, как отправляются в хорошую гостиницу. Теперь он проводит летние каникулы в Руммельсбурге, близ Берлина. Он гуляет, пьет шампанское — словом, живет по-княжески. Вот в чем заключается «мученичество» Швейцера».

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О МАРКСЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Ансельмо Лоренцо — деятель I интернационала в Испании, бакунист. В своих мемуарах Лоренцо уделяет немало места обычной бакунинской фальсификации истории Интернационала и клевете, направленной против Маркса. Наряду с этим в мемуарах Лоренцо встречаются любопытные страницы, посвященные фактам из истории первой международной партии пролетариата.

Ниже мы публикуем несколько таких отрывков, относящихся к периоду Лондонской конференции Интернационала, происходившей в 1871 г. Эта конференция состоялась, как известно, после поражения Парижской коммуны и с особой остротой поставила вопрос о политической борьбе и о значении партии как руководителя рабочего класса в его борьбе за диктатуру пролетариата. Работой конференции непосредственно руководили Маркс и Энгельс. Лоренцо был делегатом конференции от Испании. Протоколы Лондонской конференции 1871 г., подготовленные Институтом Маркса—Энгельса—Ленина, в настоящее время находятся в печати.

Публикуемые отрывки взяты из I тома воспоминаний А. Лоренцо (*El proletariado militante*) и даны в переводе с испанского языка в сокращенном виде.

Я избран делегатом

Известие об избрании меня делегатом на Лондонскую конференцию Интернационала я получил совершенно неожиданно. После обеда, перед последним вечерним заседанием Валенсийской конференции, делегаты собрались в зале Рабочего центра. Несколько товарищей подошло к нам, завязалась беседа. С одним из этих товарищей я имел несчастье вступить в длинный и скучнейший разговор. Наконец, мы вышли с ним погулять, товарищ оставил меня на улице, предполагая, что я легко смогу вернуться в центр, но я заблудился и долго бродил по улицам, пока не решился спросить дорогу у прохожего, хотя из предосторожности хотел бы этого избежать.

Когда я явился на конференцию, заседание уже закрывалось. Товарищ сообщил мне, что я избран делегатом на Лондонскую конференцию и должен выехать завтра...

Париж после Коммуны

В эти дни, когда Коммуна подвергалась жестоким преследованиям и когда военные суды безостановочно выносили смертные приговоры и постановления о ссылке, пересечь всю Францию и проехать в Париж было опасно и требовало известных предосторожностей.

В Париже мы стояли два часа. Париж произвел на меня сильнейшее впечатление. Направляясь с Орлеанского вокзала на вокзал Сен-Лазар, я увидел ратушу в развалинах, сожженную часть Лувра, подножие

свергнутой Вандомской колонны, различные здания и частные дома, хранившие следы кровавой недели.

Выехав из Парижа, я увидел пруссаков, расположившихся лагерем между Аньером и Коломбом.

Ночью я вступил на английскую землю и через полтора часа прибыл в Лондон.

У Маркса

Вскоре мой извозчик остановился перед домом, в котором жил Маркс. В дверях появился старик. Он был похож на величественного патриарха.

Подойдя робко и почтительно, я представился как делегат испанской областной федерации Интернационала. Старик обнял меня, поцеловал в лоб и, заговорив по-испански, повел меня в дом. Это был Карл Маркс.

Собралась его семья, и он сам с пленительной любезностью подал мне ужин. Потом мы пили чай и пространно беседовали о революционных идеях, о пропаганде, организации, причем Маркс выразил свое удовлетворение достижениями в Испании.

Исчерпали ли мы тему разговора или мой почтенный собеседник хотел следовать особой склонности, но он заговорил об испанской литературе, которую, оказалось, отлично знал. Я был поражен тем, что он сказал о нашем старинном театре, историю и развитие которого он постиг в совершенстве. Кальдерон, Лопе де-Вега, Тирс де-Молина—эти великие мастера, по его мнению, не только испанского, но и европейского

театра—были охарактеризованы им в сжатых и, на мой взгляд, безошибочных суждениях.

В присутствии этого великого человека я чувствовал себя ничтожным. Тем не менее, сделав почти героическое усилие, чтобы не показаться жалким невеждой, я сопоставил, как это принято, Кальдерона с Шекспиром и заговорил о Сервантесе. Обо всем этом Маркс говорил исключительно ярко и восхищался гениальным ламанчским гидальго.

Надо заметить, что разговор происходил на испанском языке, которым Маркс хорошо владел; но произношение у него было неправильное, большей частью по вине наших жестких *ко*, *хх* и *рр*.

На рассвете он проводил меня на предназначенную мне квартиру.

На следующее утро я был представлен дочерям Маркса, а потом разным делегатам и другим лицам.

Старшая дочь Маркса, исключительно красивая девушка, не была похожа ни на один виденный мной образец женской красоты. Она знала испанский язык, но как и ее отец произносила слова не совсем правильно. Чтобы послушать правильное произношение, она попросила меня прочесть что-нибудь вслух. Я подошел к большой библиотеке и вынул «Дон-Кихота» и собрание драм Кальдерона. Из первой книги я прочел речь Дон-Кихота к пастухам, из второй — возвышенные звучные стихи из драмы «Жизнь есть сон», признанные перлами испанского языка и блистательнейшим выражением человеческой мысли. Я стал было пояснять их, но это оказалось излишним: моя юная собеседница обладала достаточным образованием и тонкостью чувств; она обнаружила это, прибавив к моему изложению множество метких замечаний, каких мне никогда не приходилось слышать.

Когда я выразил желание отправить телеграмму в Валенсию о моем благополучном приезде в Лондон, мне дали в проводники младшую дочь Маркса. Легкость, с которой эта услуга неизвестному иностранцу была поручена девушке, совершенно не соответствовала обычаям испанской буржуазии, чем я был чрезвычайно восхищен.

Эта девушка, вернее, девочка, настоящая красавица, веселая и смеющаяся, воплощение юности и очарования, не знала испанского языка. Она прекрасно говорила по-английски и по-немецки, но французский, на котором я кое-как мог объясняться, знала плохо. И вот каждый раз, когда она или

К. Маркс со своей дочерью Жени

я отвечали невпопад и говорили вздор, мы хохотали так непосредственно, так искренно, как будто бы мы давно и хорошо с ней были знакомы.

В Генеральном совете

До начала конференции должно было состояться заседание Генерального совета, на которое были приглашены делегаты.

Маркс проводил меня в помещение Совета. У дверей вместе с другими членами Совета стоял Бастелика, француз, председательствовавший на первом заседании Барселонского конгресса. Он радостно встретил меня и представил товарищам, из которых многие были известны в истории Интернационала. Среди тех, кого я помню, были: Эккариус, Юнг, Джон Хейлс, Серрайе, Вайян (эмигрант Парижской коммуны) и др. Маркс познакомил меня с Энгельсом, который любезно предложил дать мне приют на время моего пребывания в Лондоне.

В зале заседаний я увидел бельгийских делегатов, среди них—Цезаря де-Папа, нескольких французов, швейцарца Анри Перре и русского Утина.

В тот же вечер открылась конференция.

ПИСЬМО АНГЛИЙСКИХ РАБОЧИХ ЛИНКОЛЬНУ

В конце 1860—начале 1861 гг. южные рабовладельческие штаты Северной Америки подняли вооруженный мятеж против республиканского федерального правительства и откололись от Союза¹.

20 декабря 1860 г. отделился от Союза первый штат—Южная Каролина, а к 1 февраля 1861 г.—еще 5 штатов. 4 февраля в южном городе Монтгамери собрался конгресс рабовладельцев, и на североамериканском континенте оказалось два «Белых дома», два конгресса, два правительства². Через 8 дней, 12 февраля 1861 г., между севером и югом начались военные действия.

Как известно, в первый период войны, до осени 1862 г., север терпел поражения.

В распоряжении южан были большая часть кадрового состава прежней федеральной армии, почти весь ее командный состав и большие запасы оружия и военного снаряжения.

Явные и тайные агенты контрреволюционного юга нагло действовали на севере, устраивали снабжение армии северян, дезорганизовали финансы. Контрреволюционные газеты, защищавшие плантаторов, открыто выходили в Северных штатах, а правительство Линкольна, боясь решительных мер, действовало «по-конституционному» (Маркс), а не по-революционному и терпело одно поражение за другим.

Особенно тяжелым стало положение се-

¹ По конституции 1787 г. Североамериканское государство состоит из Союза, или федерации, штатов. Каждый штат имеет свой конгресс, состоящий из сената и палаты представителей. Термин «федеральный» применяется для того, чтобы отличить учреждения общегосударственные, учреждения Союза—от учреждений штата.

² Рабовладельческий юг основал свою конфедерацию, избрав президентом Джефферсона Девиса.

верян в конце 1861 г., когда к внутренним неудачам прибавилась угроза интервенции со стороны Англии. Поводом к обострению отношений между правительством Линкольна и английским правительством Расселя—Пальмерстона³ послужило следующее обстоятельство.

В первых числах ноября 1861 г., во время крейсирования вдоль побережья территории южной конфедерации в целях его блокады «Сан Хасинто» (одного из крейсеров северного правительства), капитан Уилькс получил в Тринидаде телеграмму о том, что на английском корабле «Нешвиль» следуют в Европу два агента—посла конфедерации—Мезон и Слайдель.

Крупные рабовладельцы Мезон и Слайдель были посланы своим правительством: первый—в Англию, второй—во Францию—с дипломатической миссией. Целью их было—склонить правительство Англии и Франции к вмешательству в гражданскую войну на стороне юга.

8 ноября 1861 г. крейсер «Сан Хасинто» настиг английский почтовый пароход «Нешвиль» и после обстрела арестовал Мезона и Слайделя.

Этот эпизод был истолкован в Англии как «оскорбление флага». Английская буржуазия, желавшая поражения севера и ослабления опасного конкурента—молодой, но быстро развивавшейся американской промышленности, требовала немедленного открытия военных действий против Соединенных штатов.

«Times», «Post», «Herald», «Economist», «Saturday Review» и другие продажные органы буржуазной прессы начали бешеную травлю против правительства севера.

Лондонский «Таймс» требовал, чтобы английская эскадра адмирала Милна, находившаяся в северном районе Атлантического океана и на Вестиндских островах с артиллерией в 1000 пушек, немедленно блокировала берег Атлантического океана, принадлежавший федеральному правительству⁴.

Север тоже был воинственно настроен.

Некоторые американские северные газеты захлебывались от прилива националистических чувств. «Радость наша безмерна,—

³ Рассель (Руссель) — министр иностранных дел в кабинете Пальмерстона в период 1858—1865 гг.

Генри Пальмерстон—консерватор, председатель кабинета в 1858—1865 гг., был сторонником агрессивной внешней политики, активно проводил завоевательную колониальную политику.

⁴ London Times, January 7, 1862, Mc. Master «A History of the People at the U. S. during Lincoln's Administration N. Y.—LD. 1927, p. 148.

писал «Ньюйоркский Таймс»,—весь народ янки¹ окончательно пробудился. Почти должным образом командира Уилькса и его команду: поднесем ему в дар серебряный сервиз и меч самой изящной и богатой работы»².

Кроме этого «Ньюйоркский Таймс» предлагал сделать день ареста Мезона и Слайделя национальным праздником. В то время как в буржуазных газетах обеих стран раздавались воинственные призывы, английские войска уже были посланы в Канаду, что, по существующему в Англии положению, можно было сделать только в случае войны.

В самой Канаде английская артиллерия была передвинута из Квебека в Торонто, поближе к границе США. Началось спешное укрепление английских фортов в Канаде, корпус колониальной милиции из жителей Канады был призван под ружье.

В конце 1861 г. позорная война Англии в защиту рабовладельцев казалась неизбежной. Однако эта война была предотвращена выступлениями английских рабочих, организовавших внушительные митинги во многих городах Англии, Шотландии и Ирландии.

Рабочий класс Англии переносил в это время жесточайшие лишения вследствие кризиса, вызванного хлопковым голодом.

«Нужда рабочих в северных промышленных округах, вызванная закрытием фабрик и сокращением рабочего времени под предлогом блокады рабовладельческих штатов, невероятно велика и возрастает с каждым днем»³,— писал Маркс.

При таких условиях рабочий класс Англии проявил удивительную выдержку и не только не поддержал войны, которая могла бы быстро ликвидировать хлопковый кризис, но в ответ на шовинистическую агитацию правительственной прессы и организуемые буржуазией митинги выступил с решительным требованием сохранения мира.

На рабочем митинге в Брайтоне в конце декабря 1861 г. один из участников митинга, Кеннингем, говорил:

«В настоящий момент в недрах Союза развивается ярко выраженная политика освобождения⁴ (аплодисменты), и я высказываю твердую надежду, что никакая интервенция со стороны английского правительства не будет допущена (аплодисмен-

ты)... Я призываю английских рабочих, которые особенно заинтересованы в сохранении мира, поднять свой голос, а в случае надобности и руку для предотвращения столь преступного дела (громкие аплодисменты)⁵.

О том, что английские рабочие предотвратили вмешательство английской буржуазии в войну на стороне южных рабовладельцев, имеется упоминание в написанном Марксом учредительном обращении Международного товарищества рабочих:

«Не мудрость господствующих классов, но героическое сопротивление рабочего класса Англии их преступному безумию спасло Западную Европу от авантюры позорного крестового похода в целях увековечения и распространения рабства по ту сторону Атлантического океана»,— писал Маркс об этом подвиге английских рабочих⁶.

В ноябре 1862 г. Наполеон III выступил с проектом вооруженного вмешательства в американскую гражданскую войну и предлагал создать коалицию для поддержки рабовладельцев юга в составе Франции, Англии и России, но Англия и Россия от этого предложения отказались.

Ниже мы приводим печатаемую впервые на русском языке резолюцию рабочего митинга в Манчестере, собравшегося 31 декабря 1862 г., чтобы приветствовать освобождение негров южных штатов Америки. Документ взят из Н. Schlüter. «Lincoln, Labor and slavery» № 4. 1913, pp. 160—168. Этот документ интересен тем, что он дает материал об интернациональной солидарности английского рабочего класса, о его активной помощи рабам-неграм в заокеанской стране.

Вместе с тем этот документ показывает, как сильно было влияние буржуазной идеологии на английских рабочих. Ряд моментов: идеализация Америки как «счастливой страны для трудящихся», иллюзии о всеобщем братстве и всеобщей гуманности в рамках капиталистического строя, и т. п.—свидетельствует о том, какие большие трудности стояли перед Марксом и его соратниками, когда они основывали I интернационал и вели борьбу за организацию широких масс пролетариата разных стран под знаменем научного социализма.

¹ Прозвище американцев.

² Фистгер «История американской войны». СПб. 1867, стр. 221.

³ Маркс «Рабочий митинг в Лондоне 28 января 1862 г.». Маркс—Энгельс. Соч. Т. XII. Ч. 2-я, стр. 308.

⁴ Т. е. освобождение негров-рабов.

⁵ К. Маркс «Американофильский митинг». Лондон. 1 января (1862). Маркс—Энгельс. Соч. Т. XII. Ч. 2-я, стр. 301.

⁶ Учредительный манифест I интернационала. Маркс. Избранные произведения. Т. II, стр. 341.

ОБРАЩЕНИЕ РАБОЧИХ МАНЧЕСТЕРА

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ АВРААМУ ЛИНКОЛЬНУ, ПРЕЗИДЕНТУ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Мы, граждане Манчестера, собравшиеся в Фритредерской палате (Free Trade Hall), выражаем наши братские чувства вам и вашей стране.

Мы радуемся величию вашей страны, являющейся отпрыском Англии. У нас общая кровь и общий язык. Вы применили облеченную в законные формы английскую свободу в новых условиях и в стране, неизмеримо большей чем наша.

Мы уважаем ваши свободные штаты, как особенно счастливое прибежище (место) для миллионов трудящихся, где труд в почете. Одно обстоятельство в прошлом уменьшало наши симпатии к вашей стране и наше доверие к ней: мы имеем в виду политическое преобладание рабовладельцев¹, которые не только поддерживали негритянское рабство, но всячески желали его укрепить и распространить. Однако вы привлекли наши самые теплые и искренние симпатии с тех пор, как мы разобрались в том, что победа свободного севера в войне, которая причинила нам тяжкие страдания и явилась причиной ваших бедствий, сбросит оковы с рабов.

Мы с радостью приветствуем вас как президента и вместе с вами конгресс за многие решительные шаги, которые вы сделали для того, чтобы осуществить на практике слова великих основателей вашей страны: «Все люди сотворены свободными и равными»².

Вы дали свободу рабам в округе, прилегающем к Вашингтону, и таким образом демонстративно сделали свободным центр вашей федерации³. Вы решительно провели законы против торговли рабами⁴ и содержали (особый)

¹ До прихода к власти республиканской партии (избрание президентом Линкольна в 1860 г.) правительство в США находилось в руках рабовладельцев, и американская демократия этого периода была не чем иным, как диктатурой рабовладельцев.

² Слова эти взяты из «Декларации независимости», принятой Континентальным конгрессом 4 июня 1776 г.

³ Округ Колумбия — небольшой округ, выделенный из штата Вирджиния, подчинен не штату, а непосредственно федеральному правительству. Рабы в этом округе были освобождены актом конгресса 16 апреля 1862 г., причем рабовладельцам было уплачено по 300 долларов за раба. Уничтожение рабства на ничтожной по размеру территории округа Колумбии имело чисто демонстративное значение.

⁴ Речь идет о привозе рабов из Африки, запрещенном еще в 1808 г. До гражданской войны этот закон постоянно нарушался. Контрабандная торговля рабами процветала. В конце 50-х годов до 15 тысяч рабов ежегодно ввозилось в Америку таким путем. Республиканское правительство Линкольна — Сьюард приняло меры к пресечению морской контрабанды. В то же время внутри страны торговля рабами не была запрещена.

флот для борьбы с ней, даже в то время, когда каждый корабль был нужен в вашей ожесточенной войне. Вы благородно решили принять послов от негритянских республик Гаити⁵ и Либерии⁶, таким образом навсегда покончив с несправедливым предрассудком, который из-за цвета кожи лишает людей их человеческих прав.

Для того чтобы сделать невозможной торговлю рабами, вы заключили с нашей королевой договор, который ваш сенат утвердил, о праве взаимного обыска (судов). Ваш конгресс объявил навсегда свободными от рабства огромные незанятые или полужаселенные территории⁷, на которые распространяется действие законов вашего государства⁸. Конгресс предложил денежную помощь всем штатам, которые освободят рабов внутри своих пределов, и запретил вашим генералам возвращать (хозяевам) беглых рабов, искавших их защиты.

Вы умоляли рабовладельцев принять эти умеренные предложения и после долгого терпеливого выжидания вы как главнокомандующий армией назначили завтрашний день, 1 января 1863 г., сроком безусловного освобождения рабов мятежных штатов⁹. Мы сердечно

⁵ Гаити, или Сан-Доминго,—один из больших Антильских островов. На западной, бывшей французской части острова, с 1791 г. (восстание Туссена Лювертюра) образовалось независимое государство — негритянская республика. Несмотря на позднейшие попытки Испании превратить Гаити в свою колонию Гаити сохранил независимость.

⁶ Либерия — негритянская республика на Перцовом берегу Верхней Гвинеи (Африка) — была колонией, основанной в 1822 г. североамериканцами для свободных негров; с 1847 г. — самостоятельное государство.

⁷ «Территориями» в США назывались западные районы, население которых еще не достигло 25 тысяч и которые управлялись на основании особых законов. Когда численность населения достигала 25 тысяч, «территория» принималась конгрессом в состав союза в качестве штата.

⁸ Рабство в западных «территориях» было запрещено Конгрессом «Союза» 19 июня 1862 г.

⁹ Проект прокламации об освобождении рабов был зачитан кабинету Линкольном 22 июня 1862 г., но по предложению Сьюарда (премьер-министр и статссекретарь, т. е. министр иностранных дел, фактический руководитель политики республиканского правительства), этот документ был отложен до того времени, когда Союз одержит какую-нибудь победу. После победы над южанами при Антиэтэме 16—17 сентября была опубликована предварительная прокламация (22 сентября). В ней было сказано, что если восставшие штаты не прекратят мятежа, то с 1 января 1863 г. все рабы в восставших штатах будут освобождены «в порядке военной меры». 1 января эта прокламация вступила в силу, но рабство в тех штатах, которые не участвовали в восстании, было сохранено (до 1865 г.).

поздравляем вас и вашу страну с этой гуманной и справедливой политикой.

Мы берем на себя смелость предположить, что вы не можете теперь остановиться на полдороге в деле искоренения рабства. Нам не подобало бы указывать какие-либо детали, но есть широкие принципы человечности, которые должны руководить вами. Если полное освобождение в некоторых штатах будет отсрочено хотя и на определенно установленный срок, все же и до истечения этого срока человеческие существа не должны считаться «движимым имуществом». Женщины должны иметь права материнства, мужчины — права отцов¹, хозяева — право отпускать рабов на свободу. Справедливость требует защиты закона для черного не менее чем для белого. Нужно, чтобы голос черных мог быть услышан в ваших судах². Нельзя так же терпеть такого отвратительного явления, как разведение рабов в некоторых штатах³ и продажу рабов на рынках, если только вы хотите заслужить высшую награду — всеобщее братское одобрение и одобрение божественного отца. Вашей свободной стране надлежит решить, может ли что-либо иное, кроме немедленного и полного освобождения рабов, обеспечить самые неотъемлемые человеческие права (рабов) и дать им защиту против глубоко вкоренившейся порочности местных законов и местной исполнительной власти.

Мы умоляем вас ради вашей собственной чести и вашего благополучия не ослаблять рвения в выполнении вашей миссии, данной вам свыше. Пусть это будет сделано, пока вы горите энтузиазмом и волны событий вздымаются высоко. Не давайте появиться капле горечи и не допустите, чтобы она причинила новые страдания вашим детям⁴. Реорганизовать труд не только четырех миллионов цветной расы, но и пяти миллионов белых⁵ — огромная задача. Тем не менее громадный прогресс, которого вы достигли в короткий промежуток двадцати месяцев, наполняет нас надеждой, что всякое пятно на вашей свободе скоро будет стерто и что уничтожение рабства — этого отвратительного пятна позора на цивилизации и христианстве — во время вашего пребывания президентом, сделает чтимым и уважаемым имя Ав-

¹ Речь идет о праве рабовладельца продавать детей отдельно от родителей.

² По американским законам, раб не имел права выступать на суде в качестве истца, а в ряде случаев и в качестве свидетеля.

³ В ряде так называемых пограничных (между севером и югом) штатов: Миссури, Тенесси, Денвер, Вирджиния и др., где земли были истощены хищнической обработкой, и плантационное хозяйство становилось невыгодным, плантаторы переходили к выращиванию (разведению) рабов для продажи на плантации в югозападные штаты и «территории». «Рабоводство» было одной из форм разложения американской плантационной системы.

⁴ Здесь содержится намек на возможность повторения гражданской войны в случае, если рабство будет сохранено в ряде штатов.

⁵ Общее число жителей отделившихся южных штатов было равно девяти миллионам.

раама Линкольна. Мы уверены, что такое славное завершение дела свяжет Великобританию и Соединенные штаты более тесными и прочными узами. Более того, наши интересы тождественны с вашими. Мы поистине один народ, хотя территориально разделены. И если у вас есть какие-либо недоброжелатели здесь⁶, будьте уверены, что ими являются главным образом враги свободы, и что они будут бесцельны возбудить ссору между нашими странами с того самого дня, как ваша страна станет бесспорной родиной свободных без исключения.

Примите наше горячее восхищение вашей твердостью в поддержке вами освобождения (рабов). В пространным письме, датированном 19 января 1863 г., Линкольн признавал огромное значение борьбы английских рабочих против интервенции английской буржуазии в гражданскую войну.

«Вашингтон, 19 января 1863 г.
Рабочим Манчестера, Англия:

Имею честь сообщить о получении обращения и резолюций, которые вы послали мне накануне нового года.

Когда 4 марта 1861 г. путем свободных и конституционных выборов я вступил в должность президента правительства Соединенных штатов, страна находилась на краю гражданской войны. Какова бы ни была ее причина, моей самой главной обязанностью являлось тотчас же поддержать и сохранить конституцию и целостность федеральной республики.

Линкольн признавался таким образом, что он уклонился от обязательства довести дело освобождения рабов хотя бы до формального освобождения их во всей стране, и принцип государственного единства ставил выше борьбы за освобождение рабов.

«Прилагалось много стараний, — писал дальше Линкольн, — представить, что попытка сбросить данное правительство, основным принципом которого было признание прав человека, и заменить его правительством, которое должно было опираться на рабство, имеет шансы встретить сочувственный прием Европы.

Благодаря действиям наших нежелательных граждан⁷, рабочие Европы подвергались суровым испытаниям. Воспользовавшись этим, у них хотели вынудить согласие на интервенцию. При этих обстоятельствах я не могу не рассматривать ваше решительное выступление по этому вопросу как пример высокого христианского героизма, который не был превзойден ни в какую эпоху, ни в какой стране...

Авраам Линкольн»⁸.

⁶ Т. е. в Англии.

⁷ Т. е. рабовладельцев юга.

⁸ Сенатские документы 1863 г. Senate Documents. 1863 г. Цит. по Н. Schlüter, Lincoln, Labor and Slavery, 1913, pp. 160—169.

21 февраля 1863 г. американский федеральный сенат затребовал переписку между Линкольном и английскими рабочими. 2 марта переписка была заслушана сенатом и было вынесено постановление о том, чтобы ее напечатать в сенатских документах.

ЧЛЕНСКИЕ ВЗНОСЫ В I ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

„РАЗРАБОТКА ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ВОПРОСОВ ЕСТЬ ОТТАЧИВАНИЕ ИНСТРУМЕНТА ДЛЯ УСПЕШНОГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАДАЧ“
(КАГАНОВИЧ)

Маркс и Энгельс были не только теоретиками, но и великими организаторами международного рабочего движения. Придавая большое значение практической партийной работе, Маркс и Энгельс уделяли много внимания организационным вопросам, в частности вопросу о членских взносах.

Для организаторов первой международной рабочей партии, как впоследствии и для Ленина, было совершенно бесспорно, что одной из обязанностей члена партии (Интернационала) является поддержание материальными средствами своей организации. В одном из писем к В. Либкнехту, который довольно «прохладно» относился к вопросу о сборе денежных средств для Интернационала, Энгельс высмеивал его позицию: «Твое мнение, что германским членам Интернационала не надо платить взносов и что вообще безразлично, имеет ли Интернационал в Германии много или мало членов,—прямая противоположность нашему взгляду. Если вы не взыскали взносов по 1 зильбергрошу с человека в год или сами их истратили, то вам придется подумать о том, как вам выйти из положения. Как вы можете предполагать, что другие нации будут нести за вас расходы, между тем как вы «духовно» пребываете среди них подобно Иисусу христу, но спасаете свою плоть и свои деньги,—для меня непостижимо. Во всяком случае, нужно положить конец этим платоническим отношениям; немецкие рабочие должны на-

ходиться либо в Интернационале либо вне его...

Если ты лично относишься к этому безразлично, то мы должны будем обратиться к другим, но будь уверен: так или иначе мы добьемся в этом деле ясности»¹.

Уже на первом заседании Генерального совета, 5 октября 1864 г., было принято предложение — «установить на первых порах» для членов Генерального совета членские взносы в размере 1 шилл. в квартал.

Формулировка «на первых порах» означала, что размер взноса должен быть впоследствии пересмотрен.

8 октября вопрос был снова поставлен на обсуждение и было решено «установить членские взносы для отдельных лиц в размере 1 шилл. в год. Каждому члену (Товариществу), внесшему указанную сумму, выдать членскую карточку. Размеры взносов для организаций установить возможно более низкие».

Через несколько дней, на заседании 11 октября, единогласно было принято вторичное, более широкое решение о вступающих в члены Товарищества: «Лица, вступающие в члены Товарищества, уплачивают не менее 1 шилл. в год. Размер взносов для организаций установить впоследствии». Постановление от 8 октября позже и было включено Марксом в составленный им Временный устав (1864 г.) в виде примечания: «Лица, живущие в Англии, могут вступать в Товарищество, уплачивая 1 шилл. в год, причем им вручается членская карточка». Проект членского билета, удостоверяющего принадлежность к Интернационалу, был передан на рассмотрение комиссии 15 ноября 1864 г. и утвержден на заседании 29 ноября 1864 г. При этом было решено отпечатать билеты в количестве 1 тыс. шт. и взимать за стоимость каждого билета отдельно по 1 пенсу (около 4 коп.). Отпечатанные в типографии членские билеты рассматривались на заседании 29 декабря 1864 г., причем качество их исполнения было настолько неудовлетворительно, что все пришли к выводу о необходимости вернуть их в типографию. Первоначальный членский билет, выпущенный Генеральным советом в количестве около 2 тыс. шт., подписывался 8 должностными лицами Генерального совета: председателем, казначеем, генеральным секретарем и секретарями-корреспондентами для Франции, Германии, Италии, Польши и Швейцарии.

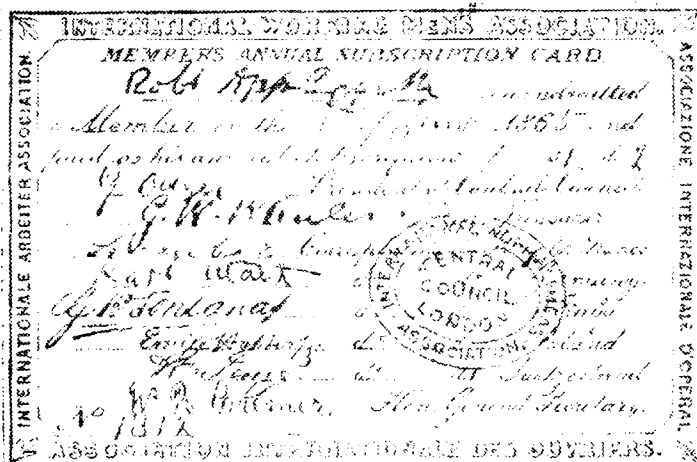
¹ «Архив Маркса и Энгельса». Т. I (VI), стр. 32.

Маркс в письме к Энгельсу от 13 марта 1865 г. писал о первом выпуске билетов: «28 февраля приехали из Парижа Толен и Фрибур. Происходит заседание Центрального совета, перед которым они дают свои объяснения и грызутся с Ле-Любе до 12 часов ночи. После этого еще экстренное заседание в таверне Боллетера, где мне пришлось подписать около 200 билетов (я теперь изменил этот идиотский порядок таким образом, чтобы наши подписи вошли в самое клише, так что лишь генеральному секретарю приходится подписывать от руки. Но имеющиеся еще 1000 карточек, остаток прежнего издания, приходится подписывать старым порядком)»¹.

Вопрос о размерах членских взносов для организаций неоднократно поднимался в октябре и в начале ноября 1864 г. на заседаниях Генерального совета и был разрешен только 22 ноября 1864 г., когда по предложению Маркса была принята резолюция: «Обратиться к рабочим организациям с приглашением в коллективном порядке присоединиться к Товариществу, причем размеры своих взносов они определяют в зависимости от своих средств и по своему усмотрению». Окончательная редакция резолюции об условиях вступления в Интернационал рабочих организаций была сформулирована в середине 1865 г. в обращении Генерального совета к рабочим организациям с готовой формой заявления о присоединении к Интернационалу. Взамен этого выдавалось удостоверение о принадлежности данной организации к Интернационалу. Удостоверение это наклеивалось на холст, покрывалось лаком, прикреплялось к подвеске и вывешивалось на видном месте в правлении организации. Стоимость такого удостоверения, независимо от количества членов данной организации, определялась в размере 5 шиллингов (так например коventрийский союз ткачей по производству лент, насчитывавший 1 тыс. членов, присоединился к Интернационалу в апреле 1866 г. и внес свой взнос в размере 5 шилл.). Кроме этой вступительной суммы от присоединяющихся организаций не требовалось никаких взносов, отчисления могли производиться в добровольном порядке в зависимости от их средств.

Расходы, связанные с созывом первой Лондонской конференции (1865 г.), были покрыты в значительной степени взносами, сделанными членами Генерального совета.

¹ Маркс и Энгельс. Соч. Т. XXIII, стр. 267.

Первоначальный членский билет, выданный Генсоветом.

Расширение деятельности Генерального совета в 1865—1866 гг., почтовые расходы по связи с рабочими организациями различных стран, выпуск листовок к предстоящему конгрессу 1866 г. и тому подобные рас-

FORM OF APPLICATION
FOR SOCIETIES WISHING TO JOIN THE
International Working Men's Association.

We the Members of the _____
_____ assembled
at the _____
declare our entire concurrence with the principles and
aims of the International Working Men's Associa-
tion, and pledge ourselves to disseminate and reduce
them to practice, and as an earnest of our sincerity we
hereby apply to the Central Council to be admitted
into the fraternal bond as an affiliated Branch of the
Association.

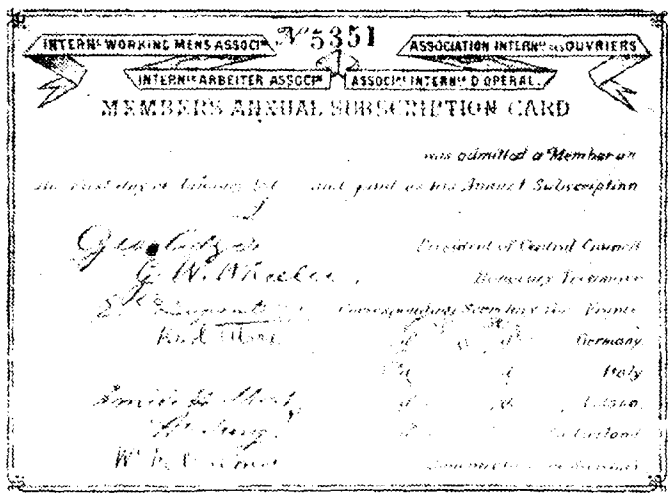
Signed on behalf of the Members, _____ in number.

Secretary.

President.

186

Обращение к рабочим организациям вступить в члены Интернационала.

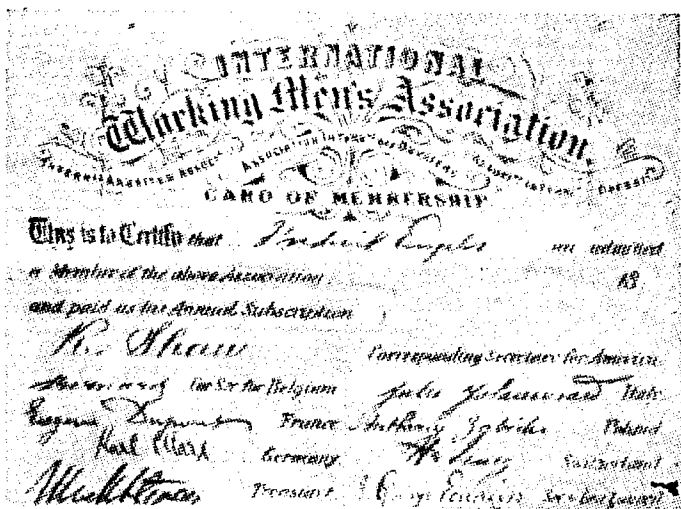
Новый билет.

ходы заставили пересмотреть вопрос о членских взносах с присоединившихся организаций. 24 июля 1866 г. на заседании Генерального совета была предложена секретарем для обсуждения следующая резолюция: «Примкнувшие к Товариществу общества обязаны отчислять в Центральный совет на пропаганду и покрытие административных расходов по полпенни в год с каждого члена общества». После продолжительных прений вопрос был перенесен на следующее заседание, на котором Маркс выступил с предложением: «Примкнувшие общества обязаны отчислять (в Совет) по полпенни с каждого члена в год, причем стоимость членских карточек или книжек необходимо взимать дополнительно. Секретарю предоставляется право устанавливать более легкие условия для нуждающихся обществ». Это предложение было принято единогласно. Но этих средств, поступавших нерегулярно, было недостаточно для проведения первого конгресса Интернационала, который должен был состояться в сентябре 1866 г. в Женеве.

В июле и августе 1866 г. ряд делегаций в составе 2 — 3 членов Генерального совета направился к рабочим организациям Лондона: каретникам, мебельщикам, газопроводчикам, бондарям, наборщикам, переплетчикам, щеточникам, механикам, портным, ящечникам, полировщикам медных изделий, обойщикам мебели и т. д. — и выдвинул необходимость сбора средств для предстоящего Женевского конгресса. Вопрос обсуждался затем внутри этих организаций. В результате общество взаимопомощи бондарей, например, внесло 6 ф. ст. на покрытие расходов по созыву Женевского конгресса, союз мебельщиков на общем собрании рекомендовал своим членам провести сбор по 6 пенсов и т. д. Отчет о заседании Генерального совета, состоявшемся за несколько дней до конгресса, 28 августа 1866 г., опубликованный в «Commonwealth» от 1 сентября 1866 г., дает сводку поступлений средств в фонд Женевского конгресса за последнюю неделю от рабочих организаций, откликнувшихся на призыв Интернационала:

Союз мебельщиков	10 ф. ст.
» » из Уэст-Энда	5 » »
Товарищество сигарщиков	5 » »
Объединенное общество седельщиков и шорников	4 » »
Немецкий рабочий просвет. союз	2 » »
Рабочие фабрики жестяных изделий Спока	11 шилл. 9 пенсов

Возложенные Женевским конгрессом на Генеральный совет обязанности по опубликованию материалов конгресса, изучению статистики труда, печатанию воззваний ставили вопрос о необходимости еще большего укрепления материальной базы, о более регулярном сборе средств. По предложению Генерального совета, Женевский конгресс установил единый членский взнос в размере 30 сантимов, или 3 пенсов (около 12 коп.), но после возражений со стороны английских тредюнионов, на которые по этому постановлению приходились довольно значительные суммы (так, объединенное общество плотников должно было внести 96 ф. ст. 15 шилл., лондонский совет портных — 87 ф. ст. 6 шилл. 6 пенсов), Генеральный совет на своем заседании 9 октября 1866 г. понизил годовой взнос до 5 сантимов, или полпенса с человека (около 2 коп.). В 1867, 1868 и 1869 гг. к I интернационалу присоединились многочисленные организации. Генеральный совет развернул большую работу по оказанию помощи бастовавшим корзин-

Билет последнего образца.

щикам, плотникам, парикмахерам, бронзовщикам, углекопам, хлопчатобумажникам и т. д. в Швейцарии, Франции, Бельгии, Англии, Дании. Базельский конгресс (1869 г.) установил на 1869—1870 гг. членский взнос в размере 10 сантимов, или 1 пенса (около 4 коп.) в год с человека. Этот же размер членского взноса был подтвержден Лондонской конференцией 1871 г. и существовал весь последующий период до 1872 г.

Новый билет с подписями в клише был заменен в конце 60-х годов билетом другого образца. Лондонская конференция изменила старый порядок оплаты и проверки членских взносов, введя марочную систему. Эта система позволяла более точно и своевременно контролировать федеральные советы и проверять оплату членских взносов. Генеральный совет рассылал марки федеральным советам в начале года, а те в свою очередь должны были посылать местным комитетам или секциям количество марок, соответствующее числу их членов. Ежегодно к 1 марта федеральные советы или комитеты разных стран должны были представлять Генеральному совету отчет и деньги на сумму использованных марок и возвращать обратно оставшиеся на руках.

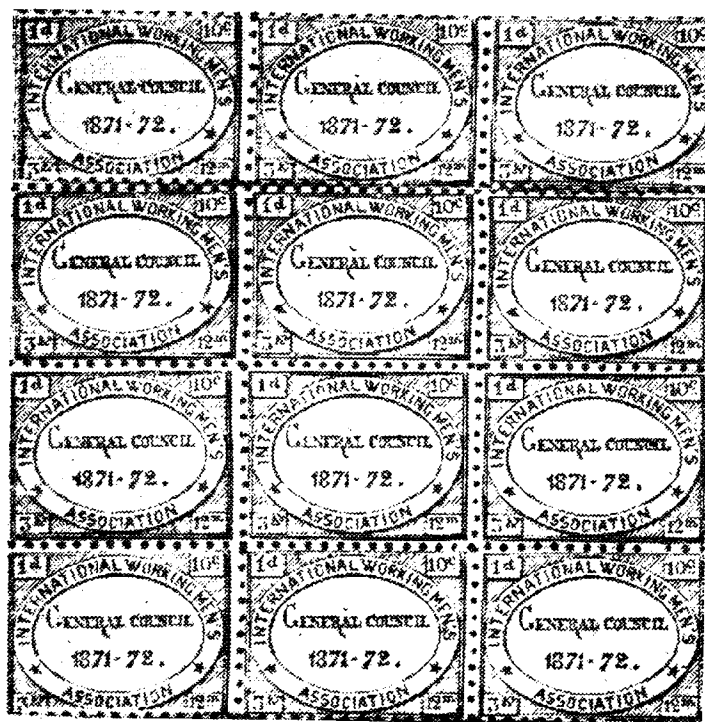
Проект марки был разработан членами Генерального совета, рабочим-рисовальщи-

ком ле-Муссю, Франкелем и Юнгом. Марки выпускались достоинством в 1 пенс с датой текущего года и должны были наклеиваться на особый листок в членской книжке либо в устав, экземпляр которого обязан был иметь каждый член Интернационала.

В воображении буржуазных современников I интернационал представлялся организацией, располагавшей миллионами фунтов стерлингов, «за счет которых Лондон систематически финансировал все отделы Товарищества на континенте». На самом деле финансы I интернационала были в неудовлетворительном состоянии, что объяснялось конечно, уровнем развития рабочего движения того времени.

Установленные Марксом и Энгельсом принципы создания материальной базы рабочей партии, в частности предложенная ими организация сбора членских взносов, легли в основу организационных статуты пролетарской партии. В уставе, предложенном Лениным на II съезде РСДРП в 1903 г., в качестве одного из важнейших признаков членства в партии была установлена уплата членских взносов.

Этот важнейший пункт имеется, конечно, и в уставе Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) и в уставе всех секций Коммунистического интернационала.

Членские марки Генсовета.

А. Мишулин

БОГИ И ЛЮДИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Египет расположен в северо-восточной части Африки, в долине Нила, который тянется блестящей лентой на протяжении более 800 км через горы и пустыни—от тропической Центральной Африки до Средиземного моря.

Древние египтяне называли свою страну «Кемпт», что значит черная, плодородная земля в отличие от «красной земли» — бесплодного, голого камня и песка, окружавших долину.

В Египте почти не бывает дождей; единственным источником жизни является Нил, наносящий ежегодными разливами плодородный слой ила. «Нил есть дар Египта»,— говорил древнегреческий историк Геродот в своих заметках по истории древнего Египта.

За много тысячелетий до нашей эры в долину Нила, с доисторических времен населенную неграми (эфиопами), переселились

выходцы из Азии, которые и положили начало истории Египта. Расселившись мелкими группами — номами, они оттеснили в глубь материка эфиопов. Эти новые племена вели кочевую жизнь.

Дальнейшая эволюция египетских общин вызвала значительные хозяйственно-политические сдвиги. Развитие интенсивного земледелия, возведение сложных ирригационных сооружений, наконец, переход к металлической технике стали тем решающим фактором, который еще в пятом тысячелетии до нашей эры привел к образованию частной собственности, классов и созданию Египетского царства, история которого делится на три периода.

Первый период «Древнего царства», или Мемфисский период, продолжался примерно до начала третьего тысячелетия до нашей эры.

Второй период под названием «Среднего царства», или Фиванского периода, Егип-

та длился от конца Древнего царства и до 1580 г. до нашей эры.

И третий период «Нового царства» (1580—1100 гг. до нашей эры) был последним этапом в развитии египетской державы, после чего начался постепенный ее распад.

Настоящий очерк мы посвящаем характеристике религиозных представлений древних египтян.

В старой литературе по истории Египта очень много места отводилось религии, причем развитие религии рассматривалось оторванно от развития человеческого общества.

Мы ставим своей задачей—показать, что религия выступала как аппарат духовного порабощения угнетенных масс, что боги древнего Египта формировались в сознании египтян не по «наитию святого духа», а в связи с социальным развитием людей, в связи с борьбой классов.

Дошедшие до нас религиозные тексты и изображения богов дают нам интересные сведения не только о богах древнего Египта, но и об отношениях людей и борьбе классов в ту эпоху.

Обожествление животных (тотемизм)

Для религиозных представлений первобытных египетских номов характерен тотемизм.

«Тотемы» — священные животные, первоначально для каждого нома, или клана, были различны. Лишь позднее, с переходом к земледелию и ростом общественной организации людей, эти боги получили общее значение.

Из рисунков, обнаруженных на могильных плитах и фресках храмовых сооружений, видно, что древнеегипетские божества изображались звероподобными или, по крайней мере, со звериной головой. Важнейшим и стоявшим по своему значению на первом месте был священный бык Апис, который считался у номов Мемфисского округа воплощением божественной силы бога Пта. Апис должен был быть черного цвета, с белой звездочкой на лбу, изображением орла на спине и жука на языке. У номов же в округе города Гелиополиса воплощением божества был священный бык бога Ра, так же как и Апис, имевший особые признаки. Только жрец клана или нома мог на основании этих признаков определить в быке присутствие божественной силы. Обожествлялись и другие животные (например змея, крокодил, шакал и т. д.). Эти животные

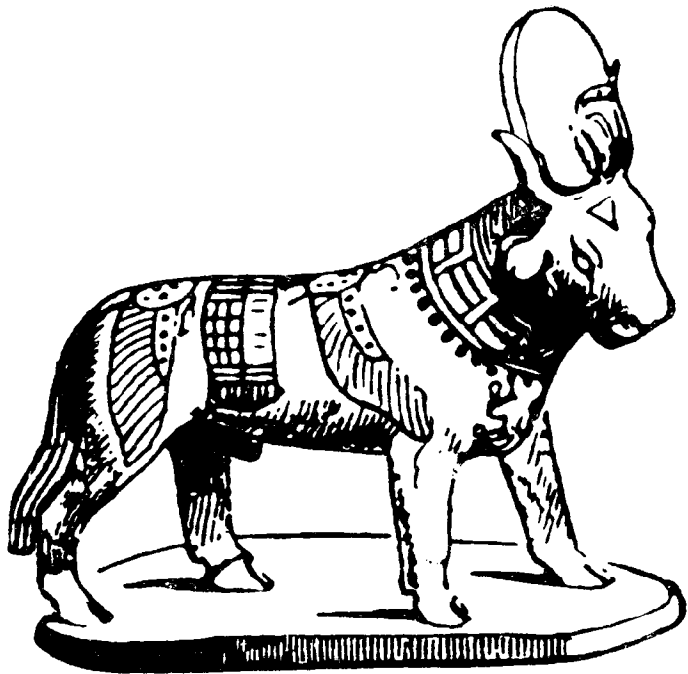
Древнеегипетское изображение. Хави (Шил).

были не только воплощением божества, но являлись также и «табу», т. е. священными. Их запрещалось убивать: они были предметами поклонения и особого ухода. Так например за быками Аписа Мемфийского и бога Ра Гелиополисского ухаживали в храмах, кормили их изысканными блюдами и даже приготавливали для них мягкое ложе. А после смерти из них делали мумии. Современные археологические экспедиции находят мумии кошек, ястребов и т. д.

Наряду с животными почитались и растения: цветы лотоса, некоторые пальмы и полевые цветы.

Вопрос о социально-экономических условиях, приведших к обожествлению животных, еще окончательно не решен этнолого-исторической наукой.

Но уже можно сделать следующее предположение. Клань (египетские номы) являлись в основном самодовлеющими хозяйственными единицами. До перехода к земледелию и до их объединения характер хозяйственной жизни каждого нома был различен. Их охотничье-пастушеская деятельность варьировалась в зависимости от характера той местности, в которой они оседали. Номы плодородных и изобилующих

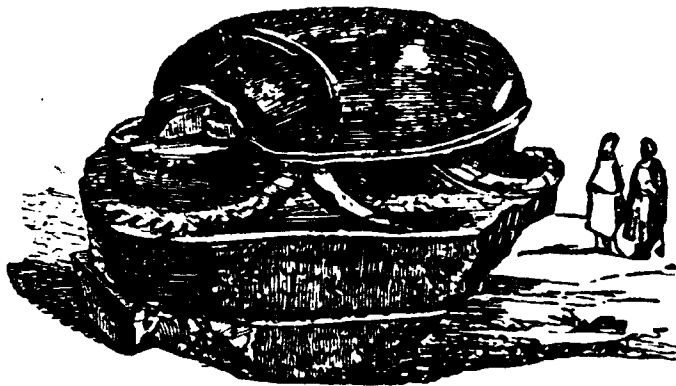

Бык Хапи (Ашис).

растительностью северных оазисов преимущественно занимались разведением молочного скота, отсюда культ быка — бога Пта и Ра. Для номов южных, более скудных областей Египта, очевидно, долго основным занятием оставалась охота на диких зверей, поэтому священными считались гиппопотам, шакал и другие животные. Жизнь этих автономных, замкнутых номов и продуктообмен их с другими номами целиком зависели именно от наличия этих животных. В глазах клана это превращало животных в священную силу, в источник жизненных благ. В периоды, когда они исчезали или в силу стихийных бедствий или в силу перехода к новому способу хозяйственной деятельности, стало появляться «табу», т. е. запрет убивать этих животных.

Натурализм в верованиях древних египтян

До перехода к интенсивному земледелию номы лишь временно объединялись в борьбе

Исполинский скарабей из черного гранита. Хранится в Британском музее.

с врагами; эти объединения имели военный характер и не представляли чего-либо прочного и устойчивого. Как только исчезала в них необходимость, — они просто распадалась.

Более прочную основу военно-теократические объединения получили на почве перехода номов к интенсивному земледелию в связи с возведением сложных ирригационных сооружений.

Переход к земледелию вызвал необходимость использования разливов Нила. Проведение системы каналов, плотин, водоемов и сосредоточение управления ими в одних руках требовали объединения общин между собой. Если вначале эти объединения были добровольными, создавались на основе договоров, то с развитием частной собственности, классов и государства эти объединения осуществлялись главным образом путем завоевания и порабощения общин.

Этот громадный факт в развитии египетских общин определил и соответствующие изменения в области культурно-политических надстроек и в области религии.

Начался переход от тотемизма к натуралистической религии.

Так как не все номы одновременно перешли к земледелию, то несмотря на происшедшее объединение номов у египтян не создалось сразу единой системы религиозных взглядов. Если и произошел переход к олицетворению сил природы, то представления о них и культ их в различных местностях были различны.

С дальнейшим историческим развитием древних египтян, с осложнением их общественной жизни все большее место в их религиозных системах занимают отношения между богами, отражавшие отношения между людьми.

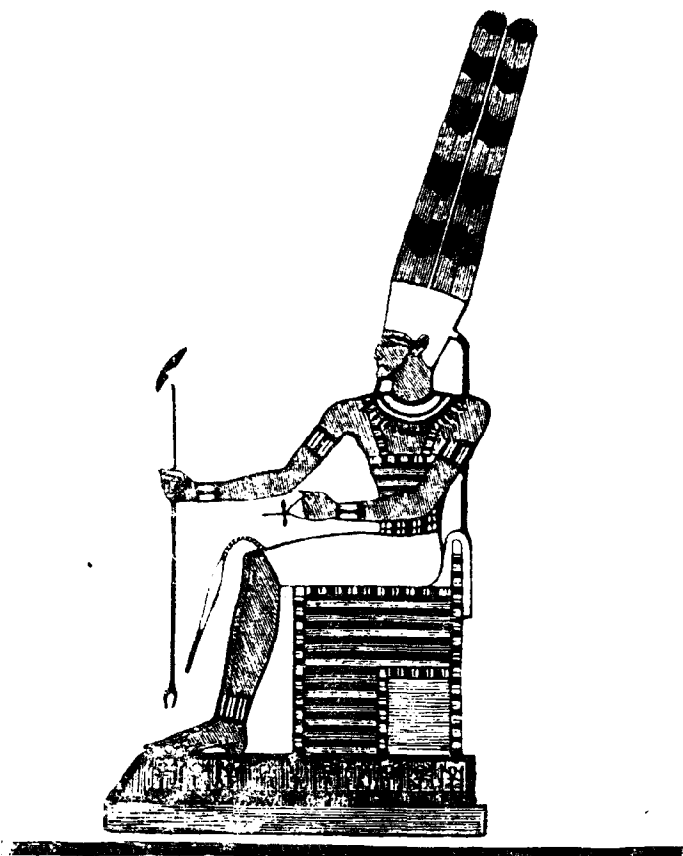
С возникновением деспотического государства как формы государственной жизни, социальные отношения переносились на все явления природы, на небо, на весь мир богов. Влияние социального фактора сказалось и в смене культа богов. В зависимости от политического возвышения или падения какой-либо области и ее городов приобретал или терял свое значение культ богов этой местности. Например культ бога Пта Мемфисского округа имел в Египте всеобщее значение до тех пор, пока Мемфис являлся политическим центром египетского государства (эпоха Древнего царства). С возвышением же города Фив в эпоху Среднего и Нового царства культ

Пта потерял свое значение, и его место занял фиванский культ бога Аммона.

Из божеств, которые в новых исторических условиях входили в систему натуралистических верований египтян, необходимо отметить прежде всего те, которые были позднее твердо включены в египетский пантеон богов. На первом месте были божества неба, земли, солнца и ночи. В египетской мифологии солнце представлялось в различном окружении: под короной, которая своими ногами опиралась на землю, шла жизнь на земле, а над ней проезжал корабль с богом солнца. В этом представлении еще давал о себе знать зооморфизм как пережиток обожествления животных. Небо иногда представлялось в виде океана, окружавшего землю. Основой для подобного представления послужило, очевидно, то, что Нильская долина была окружена водой. По этому небу — океану — плыл корабль — солнце. Наиболее распространенным было представление о небе как о женщине, которая руками и ногами опиралась на землю. Так например богинь неба — Нут и Нейт — изображали в виде женщин. Даже богиня неба Гатор, которая раньше представлялась в виде коровы, позднее изображалась в образе женщины. Нужно заметить, что эти культы менялись и иногда выступали с другим значением, но под влиянием социальных факторов антропоморфический момент в представлениях древних египтян все более усиливался.

Культ земли был представлен богами Кеб и Пта, а позднее Озирисом и Изидой. Известный миф рассказывает, что завистливый брат Озириса — Сет — бросил Озириса в Нил. Но Изиды спасла своего мужа. Их сын Горус мстил Сету за злодеяние. В этом мифе символически изображена природа Нильской долины. В Озирисе видели Нил, в Изиде — Египет, в Сете — солнечный зной и засушливый ветер пустыни. Борьба злого Сета с Озирисом и Изидой олицетворяла таким образом в представлении древнего египтянина то возрождающуюся, то умирающую природу Египта.

Центром культа солнца, культа бога Ра являлся Гелиополис (город солнца). Культ солнца был также культ Аммона в Фивах. В более позднее время, в эпоху Нового царства, культы были объединены в единый культ бога Аммона—Ра. Нужно еще отметить и другой культ солнца: египтяне представляли его также в виде громадного шара, шар катил блестящий жук Хепер. По-

Аммон на древнеегипетских памятниках.

этому солнцу в Египте называлось Хепером, отсюда и культ Хепера.

Из других богов Египта отметим Шу и Тефнета, которые происходили от бога солнца и являлись держателями неба, а в другом представлении — богами воздуха и влаги. К второстепенным богам относились бог луны и месяца — Тот, бог злого гения — Анубис, изображавшийся с головой шакала, и покровитель мертвых — Нефтис или Нефтида.

Все эти боги с многообразными их значениями и различным культом долгое время не были «представителями» какой-нибудь цельной системы религиозных вероисповеданий. Разнообразие вариантов мифологии объясняется тем, что в отдельных местах Египта, в зависимости от географических, экономических и других условий, роль того или иного явления природы, а следовательно, и бога представлялись египтянам по-разному¹.

После объединения Египта, укрепления центральной власти и распространения единой системы политической власти (Среднее царство) ярко сказалась тенденция к внесению единообразия в культы египет-

¹ Более подробно с вопросом об условиях формирования различных мифов читатель может ознакомиться по специальным исследованиям Эрмана, Брэстэда и Фрезера.

ских богов. На этой почве возникает мифология, связывавшая всех богов единством их роли и значения в жизни людей. И в этой связи не может остаться неотмеченной система «девяти богов» — этот пантеон богов Египта.

Верховным богом «пантеона девяти» был бог солнца — Ра, от него произошли боги Шу и Тефнет. От последних — Кеб и Нут — боги земли и неба, которые имели четверых детей: Озириса, Изиду, Сета и Нефтиса. В позднейший период египетской истории из этого пантеона выделились два верховных бога — Озирис и Изиды. Среди земледельческого населения наиболее распространен был культ Озириса (олицетворение плодородия) и Изиды (олицетворение матери-земли). В условиях земледельческого Египта боги отражали аграрный характер страны.

Как соляризм (почитание Ра—Аммона—богов солнца) был присущ многим религиям, так и более ярко выраженный аграрный культ (Озириса и Изиды) более позднего времени был характерен и для ряда

Озирис.

других земледельческих религий: культ Таммузы в вавилонской религии, Адониса — в сирийской и Аттиса — в малоазиатской.

Так, через натурализм и антропоморфизм боги древнего Египта приобрели ясный аграрный характер.

Они начали выступать в образе людей, и отношения между ними рисовались древним египтянам такими же, каковы были отношения между людьми того времени.

Социальные условия религиозной реформы Аменофиса IV

Знаменитая реформа Аменофиса, или Аменемготеп IV, в XIV в. до нашей эры наиболее наглядно подтверждает то положение, что религиозные системы ярко отражают социальные условия, официальную религию с ее новыми богами и используют господствующими классами в своих интересах.

Характерной особенностью развития официальной религии в Среднем и Новом царствах была, как уже сказано, тенденция слить культы и систематизировать их в единой монотеистической системе. Эта тенденция выявилась с особой определенностью как только вместо Мемфиса политическим центром Египта стал город Фивы. Как раз с этого момента фиванский культ бога Аммона выдвинулся на первое место и оттеснил культ мемфисского Ра. Вернее, именно тогда произошло вышеупомянутое слияние Аммона и Ра в единый культ Аммона—Ра. Социальные корни стремления к монотеизму и пантеизму, к унификации культов в том, что фиванские фараоны ликвидировали отдельных фиванских князей и выступили после изгнаний чужеземных пришельцев — гиксосов — объединителями всего Египта. Эти перемены были связаны со сдвигами в социально-экономической жизни. Рост торгового ростовщичества в Новом царстве, усиление хозяйственной роли фиванского храма Аммона, сосредоточивавшего большие земли, военную добычу и дары фараона, наконец, ликвидация местной автономии землевладельческой и рабовладельческой знати — вот что определяло характер политической организации Египта того времени. Усилилось господство фараона, еще ярче проявились военно-бюрократические черты монархии, увеличились притеснения массы производителей — рабов и крестьян. Именно в этот период и произошло окончательное закрепление политического центра Египта за городом Фивами.

Религия приобрела в этот момент особое политическое значение. Она обосновывала господство фараонов, давала священную регламентацию всего сложившегося порядка вещей.

Аменофис IV — фараон 18-й династии (XIV в. до нашей эры) — тяготился опекой жрецов, каста которых держала в своих руках движимое и недвижимое богатство храмов. Земельные фонды отдельных храмов становились мощнее земельных фондов фараона и его двора. Особенно сильны были жрецы храма Аммона, забиравшего себе львиную долю добычи военных походов фараонов. Огромные земли при храмах вызвали возжелания у военных. Опираясь на военную аристократию, Аменофис IV решил предпринять отчуждение храмовых земель и разгром аммонова жречества при помощи так называемой «солярной реформы».

Воспользовавшись враждой обиженных жреческих каст, отодвинутых на второй план храмов богов солнца Ра, Пта и Гора со всемогущими жрецами храма Аммона, Аменофис провозгласил ликвидацию всех местных божеств и предложил по всему Египту осуществлять единый культ солнечного диска, который получил имя Атона. В этом боге сливались все представления о различных богах Египта. В то же время идея единого бога освобождалась от всяких материальных атрибутов. Аменофис, таким образом, провозгласил идею отвлеченного монотеизма. Вместе с провозглашением нового божества уничтожалась старая церковно-жреческая иерархия, уничтожались ряд храмов. Земли их отчуждались в пользу двора фараона. Государство и церковь выступали в единстве, и фараон становился теперь главою этого единства. Сам он считался посланником или духом Атона и переменил свое имя на имя Эхнатон, что значит «дух солнечного диска». Столицу же из Фив он перенес в город Тель-Эль-Амарну, получивший название Ахетатон.

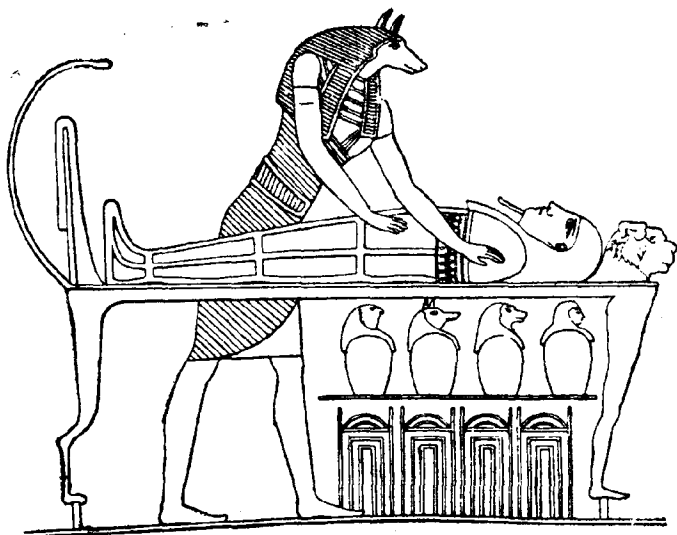
Так, военная аристократия во главе с фараоном, под знаменем религиозной реформы осуществила экспроприацию храмовых земель и богатств жрецов. Именем нового бога военная аристократия организовала сбор новых налогов с трудящихся. Солярная реформа, однако, кончилась крахом, потому что против нее выступили и жрецы и основные массы трудящихся — рабы и крестьянство. Жречество, не желавшее расставаться со своими вольностями и правами, которые были очень ограничены реформой Аменофиса, объединилось для рез-

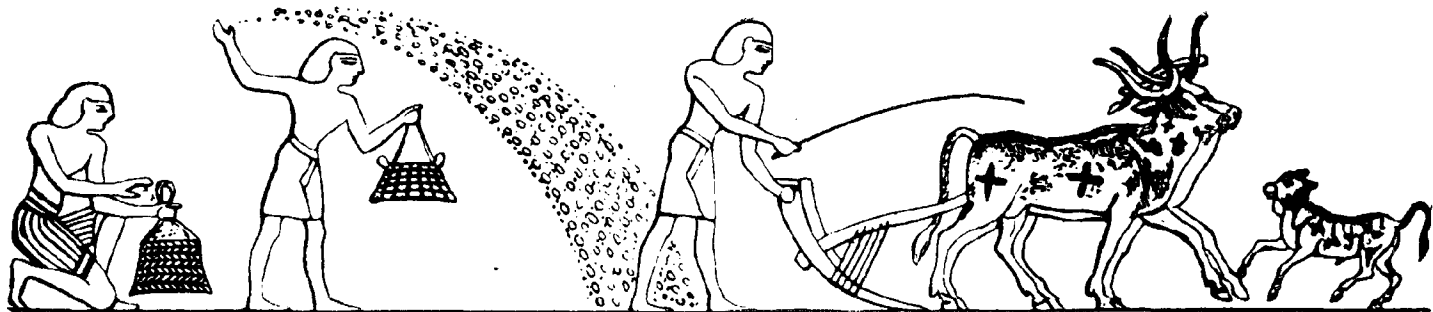
Хатор.

кого отпора Аменофису, на время забыв внутреннюю вражду.

Если, выступая против солярной реформы, жречество стремилось воскресить порядки ничуть не лучше порядков Аменофиса, то масса рабов и крестьянства боролась против существующей системы господства и эксплуатации. Крестьянская масса активно выступила против нового культа Атона, смутно понимая, что под эгидой нового бога выступает фараон, его новая военная бюрократия, предчувствуя, что эта реформа несет новые поборы, налоги и тяготы.

Бог Анубис расправляет мумию.

Сев у египтян. Древнеегипетское изображение.

Выступления масс против реформы Аменофиса как и все выступления угнетенных в докапиталистическую эпоху шли под покровом религиозных идей. Культу, выдвинутому Аменофисом, были противопоставлены все старые культы. Снова воскресали культы животных Древнего царства, например культ кошки (богиня Бастет), крокодила (бог Собек), а также птиц и растений.

Трудящиеся массы того времени не рассчитывали на свои силы, которых было тогда, действительно, весьма недостаточно. Они ждали освобождения от силы богов, от чудес. «Бессилие всегда,—говорил Маркс,—спасает себя верой в чудеса»¹.

С падением религиозной системы Атона наступила некоторая демократизация египетской религии.

Борьба классов и заупокойный культ

Интересные данные о борьбе трудящихся против поработителей, о выступлениях людей против богов в древнем Египте дает материал о заупокойном культе.

Египтяне верили в бессмертие, в загробное существование. Согласно этой вере, человек состоит из двух частей—Ба (души) и его двойника—Ка. Ба отлетает от человека на время сна, а после смерти—«в страну мертвых». Самая важная часть человека—Ка. После смерти Ка продолжает существовать, если сохранить тело умершего. Отсюда стремление бальзамировать трупы, иначе двойник умершего может исчезнуть, и таким образом человек перестанет существовать.

Процесс бальзамирования осуществляли жрецы. Бальзамирование было весьма доходной статьей. Богатым были доступны это дорогостоящее «удовольствие» и все связанные с ними сложные обрядовые процессы; таким образом богатым было обес-

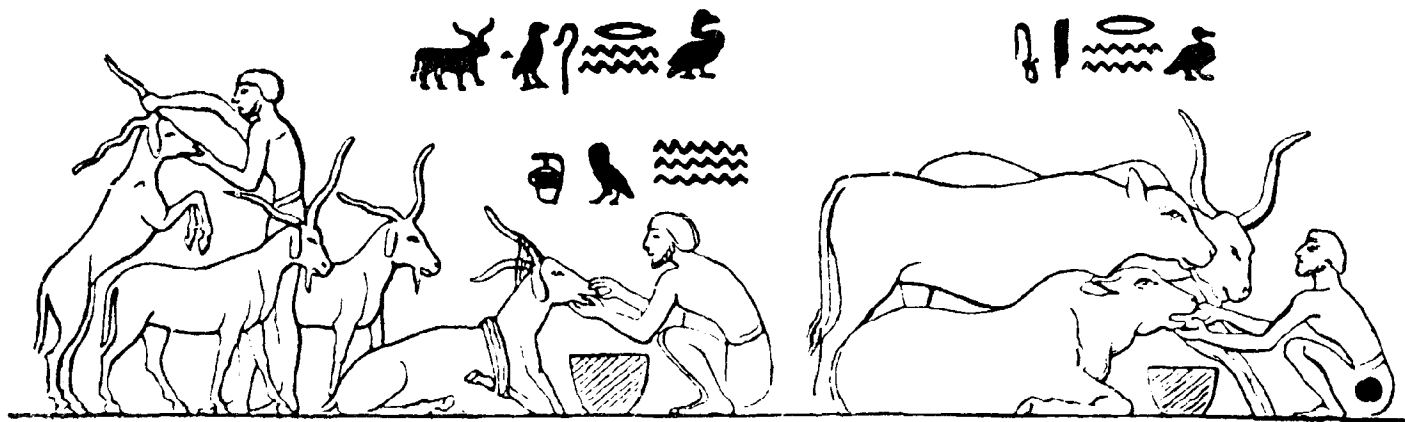
печено бессмертие в «жилище вечности». Тела фараонов бальзамировались на основе всех данных тогдашней науки и техники и заключались в особые палаты громадных усыпальниц—пирамид. Так же бальзамировались и тела сановников, знатных и вообще богатых. Им легко доставались сохранение Ка и получение бессмертия. Но оно было почти недоступно беднякам, тела которых часто клались просто в раствор натра, завертывались в полотно и зарывались в землю. Это совершенно не предохраняло их от гниения.

Представления о загробной жизни у египтян дополнились впоследствии моральным моментом. Вопрос о том, попадет ли человек в царство мертвых для вечной жизни, решался уже не только тем, мумифицирован ли труп умершего, но и тем, вел ли человек «праведную» жизнь. Вместе с этим формировалась и вера в загробное возмездие. Только фараон стоял вне загробного возмездия и выше всяких моральных рамок. Вся остальная масса населения должна была пройти посмертный суд Озириса. Трибунал «девяти богов» под главенством Озириса должен был или оправдать или осудить умершего. Оправданный направлялся в страну мертвых, «в сады Иалю», где пользовался всеми благами жизни. Осужденный же чаще всего оставался в своей могиле, где голодал, испытывал жажду, не видел солнца и прозябал; а если и попадал в страну мертвых, то его там мучили змеи, крокодилы и страшное чудовище Бебон.

Достаточный материал о том, каковы в то время были критерии праведной жизни, дают «тексты пирамид», относящиеся еще к эпохе Древнего царства, и «Книги мертвых», принадлежащие к эпохе Нового царства. Наибольший интерес в этом отношении представляет исповедь умершего на суде Озириса, составляющая одну из главных частей «Книги мертвых».

В ней говорится: «Я не отдавал приказаний ежедневно работать для меня боль-

¹ К. Маркс «18-е брюмера», стр. 139. ГИЗ, изд. 1921 г.

Пастухи и их стада. Древнеегипетское изображение.

ше, чем должно быть сделано для меня... не заставлял я рабов моих голодать... не осуждал никого перед начальством... я не уменьшал меры зерна, не убавлял меры длины, не нарушал меры полей, не увеличивал весовых гирь, не поддельвал стрелки весов... Я не задерживал воду в подобающее время, не преграждал плотиной воды текущей...» и т. д.

Эти чрезвычайно характерные слова, несомненно, отражают определенные общественно-экономические отношения, выражавшиеся в чрезмерной эксплуатации рабов, обречении их на голод, в торговле, обычным спутником которой являлся обман, в борьбе за воду для полей и т. п.

В других местах той же исповеди довольно определенно формулируется грех нарушения храмовой собственности: «Я не уменьшал хлебов в храмах, не убавлял пищи богов, не исторгал заупокойных даров у покойников... не выводил скот, не ловил птиц богов, не ловил рыбы в прудах... не наносил ущерба храму...» Защита храмовой собственности жрецов была, очевидно, поставлена на достаточную высоту, и жрецы всем аппаратом церковной организации внушали верующей массе страх перед нарушением этой собственности. Наряду с этим достаточно оберегался и авторитет фараона и его бюрократии, что видно из следующих мест «Книги мертвых»: «Я не произносил хулы на бога... я не произносил хулы на царя... я не сделал ничего дурного против начальства...» Как видно из этого отрывка, бог, фараон и начальство стоят в одном ряду. И только после того как умерший доказывал перед трибуналом «девяти богов» исполнение всей этой морали, т. е. соответствующего своего поведения по отношению к господствующему порядку, он получал загробную жизнь или бессмертие «в садах Иалу».

Крестьянские движения в Египте, борьба

против господствующих классов, особенно развернувшаяся в период Среднего царства, не могла не отразиться на заупокойном культе.

В одном из важнейших памятников Среднего царства — «Разговоре несчастного со своей душой» — обнаруживаются сомнения в бессмертии, сомнения в загробной жизни. Мы не можем за неимением места привести этот документ полностью. Отметим только, что упоминаемый в документе «несчастный» отчаивается в земной жизни, где «каждый грабит ближнего», где «нет справедливых», ибо «земля — притон злодеев».

Тяжелые социальные условия заставляют несчастного покончить с собой, но бедняк не уверен, что его двойник последует за ним. С другой стороны, у несчастного гаснет вера и в бессмертие, в загробную жизнь. Ведь «никто не приходит оттуда (из загробного царства.— А. М.), — поется в песне в храме царя Иниотефа, — чтобы рассказать о них (находящихся на том свете.— А. М.), поведать об их пребывании, чтобы укрепить наше сердце». В условиях древнего теократического Египта вышеприведенные характеристики земной жизни не только выражали протест против гнета теократизма, но и звучали атеистическим призывом.

Если на первом этапе крестьянского движения в Египте борьба против господствующего класса (фараон, его заместители, жрецы, чиновничья бюрократия) велась под покровом религиозных идей, в форме выступлений против заупокойного культа и веры в бессмертие как единственной возможности получить счастье после всех зол и несчастий земной жизни, то позднее, к концу Среднего царства, эта борьба приобрела открытый характер революционного выступления почти без всякой религиозной завесы.

Из большого Лейденского папируса¹ до нас дошли сведения о грандиозном движении рабов и крестьян в древнем Египте. В этом папирусе мудрец Ипувер говорит царю: «Ты должен быть носителем мудрости и правды, а производишь на земле беспорядок и смуту. Насилуют друг друга, руководствуясь твоими распоряжениями... люди убивают на крышах домов... У каналов преграждены пути, грабят, бьют палками и убивают. Испытай, пожалуйста, ты сам кое-что из этого, тогда ты скажешь». В этом отрывке не только выражен протест против власти фараона, против чинимых им насилий, но отчетливо вырисовывается характерная картина проявления борьбы классов в древнем Египте. Еще ярче говорят об этом следующие слова из того же папируса: «Простолюдины получают драгоценности, не имеющие сандалий делаются обладателями закровов. Земли и драгоценности — на шее рабынь, знатные же женщины рассеяны по стране; жены восклицают: «О, если бы нам можно было поесть!», «...не имевший упряжки делается облада-

¹ Папирус хранится в Лейдене (Голландия) за № 1—344.

телем стада... не имевший слуг становится владельцем рабов, а кто ими владел, принужден идти в рассыльные... Земля перевернута подобно гончарному кругу».

Социальные низы выступали против деспотического строя и официальной религии господствовавших классов. Это видно из следующих плохо сохранившихся строк упомянутого папируса: «Истина в стране превратилась в ложь», «Если бы кто знал, где находится бог, то я принес бы ему жертву».

Это явно атеистические слова; взята под сомнение и «правда» господствующих классов.

Восстававшие в древнем Египте обычно терпели поражения. И в последнем большом выступлении крестьянства против реформы Аменофиса IV крестьяне свергли новых богов, но оказались во власти старых богов, во власти жрецов и господствующих классов.

Изучение религии древнего Египта дает нам таким образом много интересных данных о социальной борьбе. За тенью богов в отдельные периоды египетской истории четко вырисовываются люди, их жизнь, классовая борьба, одной из форм которой является и борьба с самими богами.

Охотник с собаками несет антилопу. Древнеегипетское изображение.

В. Сергеев

„ЗОЛОТОЙ ВЕК“ ПЕРИКЛА

Радикалы и консерваторы

Одной из наиболее ярких страниц античной истории, по справедливости, считается «золотой век» Перикла (середина V в. до нашей эры). В социально-политическом и культурном отношении эпоха Перикла является характерной для периода расцвета и внутренней мощи античного мира.

«Золотой век» Перикла был золотым веком афинской демократии, сложившейся в период между двумя крупными войнами: Персидской и Пелопоннесской, — в результате долгой и упорной борьбы двух главных партий Афин: радикалов и консерваторов. Консерваторов поддерживала значительная часть сельского населения. На стороне радикалов было городское население: купцы, судовладельцы, богатые демиурги (ремесленники), рабовладельцы и увлекаемая ими «корабельная чернь». Главными пунктами расхождения партий в то время были вопросы внешней политики.

Консерваторы — представители родовой знати, экономически страдавшей от привоза хлеба, который поступал в виде дани от подчиненных Афинам городов-государств, так называемых союзников, отстаивали автономию этих городов и мир со Спартой. Радикалы требовали подчинения союзников Афинам и занимали враждебную позицию по отношению к Спарте и всему Пелопоннесскому союзу.

Между аристократами (консерваторами) и демократами (радикалами) уже давно, говорит греческий историк Плутарх, существовала глубокая рознь.

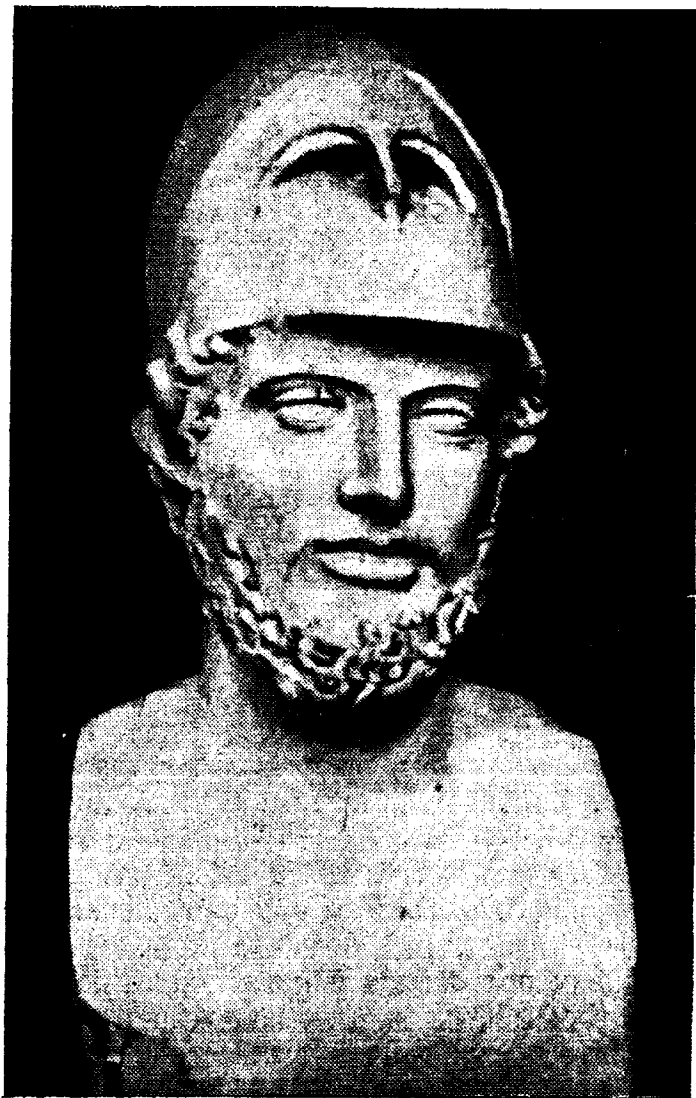
Когда вождем радикалов с середины V в. (до нашей эры) сделался Перикл и его влия-

ние среди афинских граждан быстро возросло, консерваторы, по словам Плутарха, решили противопоставить ему кого-либо из граждан, чтобы не дать возможности Периклу стать диктатором Афин (тираном). Достойного соперника ему они нашли в лице Фукидида, родственника популярного в Афинах полководца и политика Кимона.

Борьба между консерваторами и радикалами была чрезвычайно ожесточенной. Обе стороны пускали в ход подкупы, клевету и судебные преследования. В конце концов, после многих лет упорной борьбы, победа осталась за радикалами. Перикл победил Фукидида, опираясь на более организованные элементы города, привлекая их на свою сторону всевозможными подарками, угощениями, устройством празднеств и торжественных процессий.

С этого времени раздача общественных должностей и оплата их начала развиваться в целую систему, имевшую огромное значение в последний период полисов¹. Система раздач и угощений не была изобретением самого Перикла. В этом отношении, как и во многом другом, Перикл являлся учеником своего противника — консерватора Кимона, который в целях привлечения на свою сторону городской бедноты (из афинских граждан) устраивал даровые обеды, раздавал одежды и предоставлял желающим бесплатно пользоваться овощами и фруктами его огородов и садов. Средства для всех этих раздач Кимон получал из захватываемой им военной добычи. Примеру Кимона последовал Перикл, стремясь по-

¹ Полис — небольшое государство-город, противопоставляемое большому государству (царству).

Бюст Перикла. Британский музей.

лучить большинство в экклесии (народном собрании). Перикл добился своей цели. Состав экклесии постепенно изменялся. Представители сельского населения все более оттеснялись «корабельной чернью», руководимой представителями торгового капитала и рабовладения. В борьбе между Периклом и Фукидидом большинство экклесии перешло на сторону Перикла, и тогда Фукидид вынужден был уйти. Одновременно с изгнанием вождя консерваторов был разрушен и главный оплот афинской аристократии — ареопаг (верховный совет), низведенный на степень суда по религиозным делам (462 г.).

«После этого, — повествует Плутарх, — партийная борьба прекратилась. Среди граждан царили единодушие и полное согласие. Перикл сделался хозяином как над Афинами, так и над всей собственностью афинского государства: доходами, сухопутными и морскими силами, островами и морями. Он был олицетворением того огромного значения, каким пользовались Афины среди греков и иностранцев, и того владычества над покоренными племенами, кото-

рое было утверждено союзами с различными царями и династиями».

Со времени разгрома консервативной партии влияние Перикла все время возрастало. Перикл стоял во главе государства в продолжение 40 лет и в течение 15 лет бессменно председательствовал в коллегии десяти стратегов, командовавших афинским ополчением и флотом.

Афинское государство при Перикле

Политика Перикла имела успех потому, что она соответствовала историческому развитию Афин, знаменуя победу рабовладельческих элементов города над рабовладельческими элементами деревни. С этого времени ведущую роль во внешней и внутренней политике Афин начинает играть военная партия во главе с первым стратегом Периклом. Как и в предшествующий период афинской истории формальное гражданское равенство было формой прикрытия господства немногих. Политическими правами в афинском государстве пользовались только афинские граждане, хотя большинство населения составляли рабы и проживавшие в городе иностранцы (метойки) — большей частью ремесленники и торговцы. Руководство всеми делами в государстве оставалось в руках немногих богатых граждан (плутократов), связанных друг с другом родством и занимавших высшие политические и военные посты.

Интересную оценку этой стороны афинской демократии мы находим в памфлете «Афинское государство», приписываемом Ксенофону. «При нашем строе, — говорит он, — было бы вполне последовательно, чтобы все одинаково могли занимать должности, замещаемые жребием или выборами, а также, чтобы всем и каждому из граждан была предоставлена свобода слова...

На деле же мы видим, что народ не желает (т. е. не может) занимать высших должностей (стратегов, гиппархов и пр.), от которых зависит судьба целого государства. Вследствие этого в Афинах при широких политических правах на высшие военные должности выбирают только людей богатых классов. Народ ведь очень хорошо понимает, что ему гораздо больше пользы не занимать этих должностей, а предоставлять их крупным лицам».

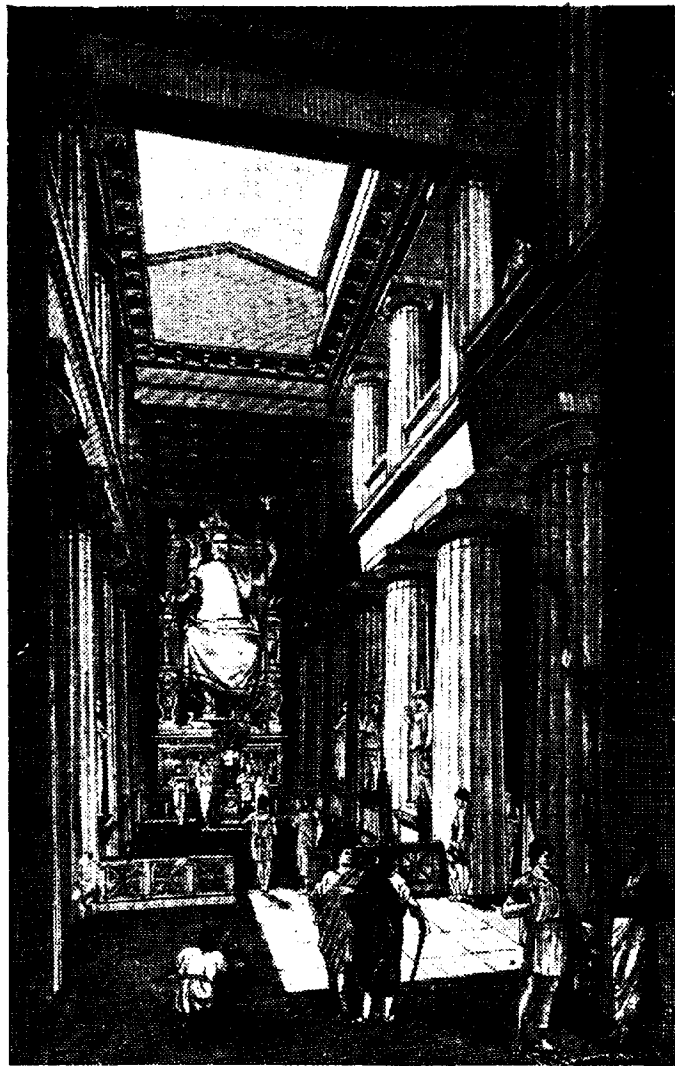
Но несмотря на этот условный характер афинской демократии надо подчеркнуть, что в «век Перикла» был проведен ряд важных мер для демократизации (в указанных выше рамках) государственного управления.

Права эκκλeσιeς, этого главного политического органа Афин, были расширены: из экстраординарного органа, каковым она была прежде, она превратилась в постоянный государственный орган, собиравшийся от 2 до 4 раз в месяц в Афинах, на пригородном холме Пниксе. Эκκλeσιeς решала все важнейшие государственные дела, прежде всего вопросы войны и мира, имела высший государственный контроль, принимала отчеты от должностных лиц и рассматривала судебные дела в последней инстанции.

Активными правами, т. е. правами участия в эκκλeσιeς и в гeλιeε (народный суд), пользовались все полноправные афинские граждане. Система оплаты за выполнение государственных обязанностей, введенная Периклом, также была рассчитана на расширение аппарата государственного управления, на его демократизацию.

Демократия была той политической формой, которая на определенной стадии развития афинского города наиболее соответствовала интересам торгово-промышленных слоев, шедших за радикалами. Широкие круги демократии служили надежным оплотом против постоянных попыток родовой аристократии (эвпатридов) захватить государственную власть. Технически устаревшее и опасное для радикалов в политическом отношении войско эвпатридов должно было быть заменено городским ополчением из средних классов, вооружавшихся на свой собственный счет и составлявших тяжело-вооруженную пехоту (гоплитов). Сила гоплитов и превосходство железной техники были причинами греческих побед в последующей войне с персами в начале V в., утвердившей гегемонию греческого торгового капитала в Эгейском море. С другой стороны, и широкая масса граждан была до поры до времени заинтересована в расширении афинской гегемонии, имея прямые выгоды от завоевательной политики в виде всякого рода раздач и угощений. При всем различии интересов внутри античного полиса он представлял единое государство эксплуататоров в отношении рабов и побежденных народов. Со времени Фемистокла (80-е годы V в.) основным видом афинской военной мощи стал флот.

Выступление на политическую арену моряков, вербовавшихся главным образом из фетов (беднейшего гражданства), привело к дальнейшему расширению прав эκκλeσιeς. Это был кульминационный пункт афинской демократии. В дальнейшем же, со времени появления наемничества (IV в.) и введе-

Внутренность Зевсова храма в Олимпии со статуей Зевса работы Фидии.

ния более сложной техники военного боя, народное ополчение отошло на второй план. С конца IV в. сузились права демократии, наступил период тирании.

В одной из своих программных речей Перикл противопоставил «идеальный строй» афинской демократии консервативному строю спартанцев. «Наш строй, — говорил Перикл, — называется демократией потому, что он сообразуется не с меньшинством, а с интересами большинства. По нашим законам, все пользуются одинаковыми правами, причем уважение в общественных делах у нас обуславливается не какой-либо поддержкой, а исключительно личными способностями. У нас не бывает, чтобы человек, способный принести пользу государству, лишен был к тому возможности вследствие своей бедности. Афиняне живут свободными гражданами как в государственной жизни, так и во взаимных отношениях. Они не высказывают недоверия друг к другу в повседневных делах и не возмущаются против другого, если им в его поступках что-либо не нра-

вится, и не высказывают при этом досады, хотя бы и безвредной, но тем не менее все же тягостной. Красивая жизнь составляет идеал афинян. Они стремятся к красоте, соблюдая простоту, и любят образованность, не впадая в изнеженность. Богатством же они пользуются скорее как условием для работы чем как предметом для хвастовства. Что же касается бедности, то они полагают, что не сознание ее позорно для человека, но несравненно позорнее не прилагать труда к тому, чтобы выйти из нее. Афиняне умеют объединять заботу о домашних делах с государственными делами. Человека, уклоняющегося от участия в общественных делах, афиняне считают пустым человеком, так как они считают вредным, не обсудивши дела во всесторонних прениях, перейти прямо к выполнению того, что нужно.

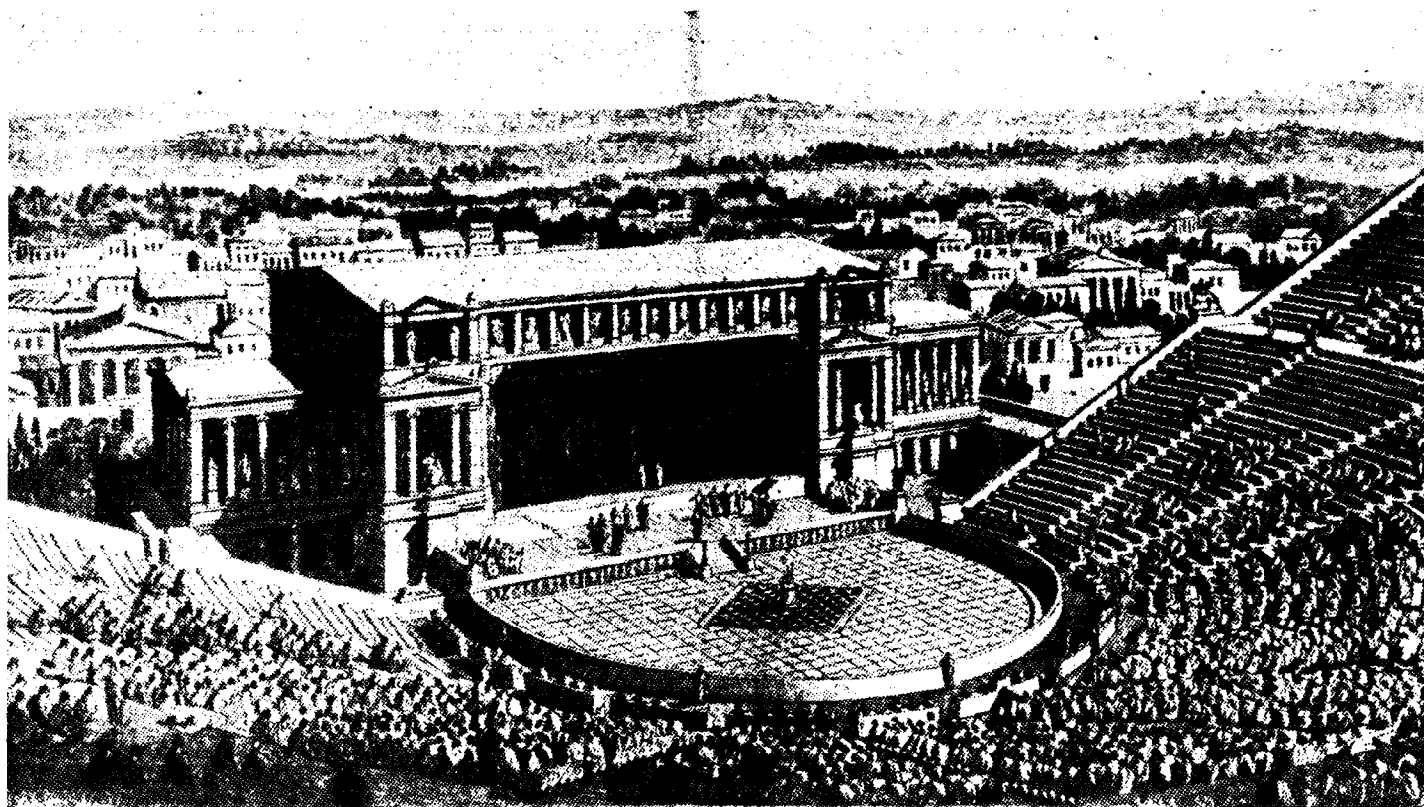
Мы отличаемся еще и той особенностью, что имеем способность совмещать в себе необыкновенную смелость с умением обдумывать то, за что намерены приняться. Любя красоту и образованность, афиняне не уступают ни одному из эллинских государств, в том числе и спартамцам, также и в военном искусстве. Разница между афинянами и спартамцами состоит только в том, что афиняне не скрывают своих военных секретов от посещающих их город иностранцев. В Афинах открыт доступ всем желающим, и афиняне не закрывают ворот

своего города для его осмотра всем. Могут они это делать потому, что их военная сила состоит не в военной муштре и хитрости, но в гражданском энтузиазме и патриотическом рвении к общему делу. В то время как спартамцы достигают военных качеств, закаляя себя с самого раннего детства, афиняне, живя беззаботно, благодаря всему их строю жизни в решительный момент выступают как равные бойцы.

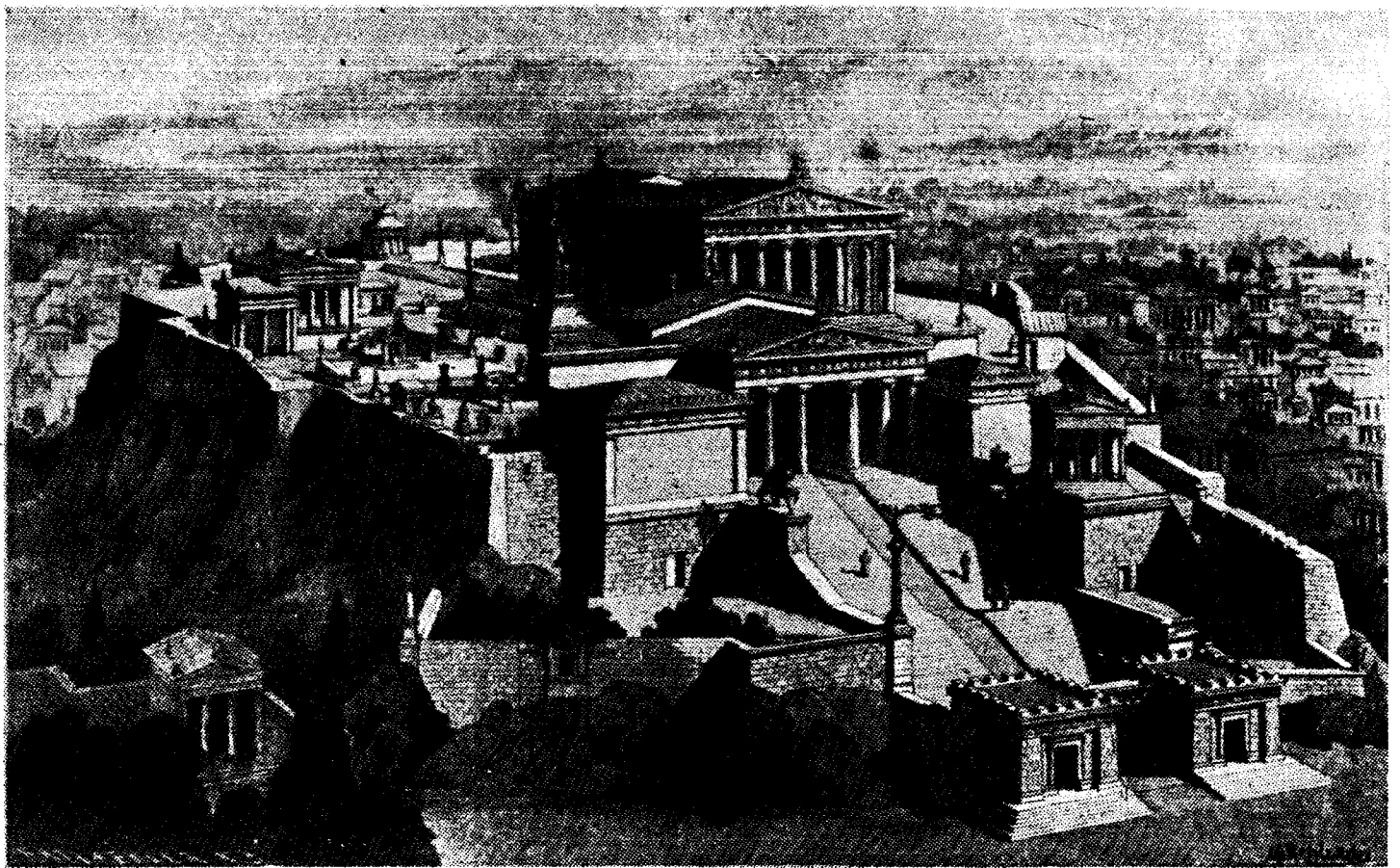
Наш город весь вообще является школой Эллады, и, мне кажется, у нас каждый человек в отдельности может проявлять себя самодовлеющей личностью в самых разнообразных сторонах жизни с наибольшим изяществом и ловкостью. А что это не одни только пышные слова, а настоящая действительность, это показывает нам уже самая сила нашего государства, которую мы приобрели такими путями»¹.

Так выглядел в описании Перикла, великого мастера слова, общественный строй Афин. При оценке речи Перикла нельзя, конечно, упустить из виду того обстоятельства, что Перикл высказывал точку зрения определенных классов — верхов афинского полиса, характеризуя лишь внешний блеск афинского рабовладельческого строя и не вскрывая его внутренних антагонизмов. В этом смысле он имел все основания отда-

¹ Фукидид «История Пелопоннесской войны». Т. II, стр. 64.

Общий вид древнего театра Диониса в Афинах (по проекту восстановления развалин Г. Ралендера).

Общий вид древнеафинского Акрополя (по проекту восстановления развалин Г. Рэландера).

вать предпочтение афинскому строю перед спартанским или ему подобным. В условиях рабовладельческой формации афинская демократия, демократия дельцов города, была, действительно, самым свободным государственным строем античной истории. Выдвигая «самодержавие народа», Перикл главный свой удар направлял против еще достаточно сильной родовой аристократии и против косного спартанского строя. Век Перикла совпал с величайшим расцветом Греции. При Перикле регрессивное влияние рабства еще не достигло своего апогея. Резервы деклассированного люмпенпролетариата в то время были еще не так велики, и классовый антагонизм в среде свободного гражданства не выступал с такой большой силой, как в последующие столетия, в период кризиса рабовладельческих полисов. Известна высокая оценка «золотого века» Перикла, данная Марксом. «Высочайший внутренний расцвет Греции, — говорит Маркс, — совпадает с эпохой Перикла, а высочайший внешний расцвет — с эпохой Александра»¹.

В условиях активной политической жизни в Афинах особенно высоко ценилось красноречие.

Исключительные ораторские способности Перикла, которого называли «Олимпийским Зевсом», признавали даже его враги. Плутарх сообщает, что Перикл считал красноречие своего рода музыкальным инструментом и постоянно совершенствовал свой дар красноречия. «Способный от природы, он извлек из своего красноречия огромную пользу, оставляя в этом отношении всех далеко позади себя. Потому-то, говорят, и дано ему известное прозвище «Зевса Олимпийского». Стоя на трибуне, он мечет гром и молнии, во время речи у него на языке страшная молния»².

«Вот мастер говорить был как никто. Бывало, выйдет речь сказать к народу, Так точно в беге славные бойцы, Он десять дав шагов вперед, любого Побьет оратора».

Так отзывался о Перикле древнегреческий писатель Эвполид, современник Перикла.

Во внешней и внутренней политике Перикл продолжал дело своих предшественников: Пизистрата, Фемистокла и Кимона. Главное его внимание было направлено на укрепление и расширение афинской архэ

¹ Маркс и Энгельс. Т. I, стр. 194.

² Плутарх «Перикл». Т. XVIII.

(афинской державы), что определялось интересами торгового капитала и растущего рабовладения.

Перикл был талантливым и осторожным полководцем. Из многочисленных походов и завоеваний Перикла следует отметить поход на Херсонес, освободивший город от нападения пограничных фракийских племен, вторжение в Пелопоннес, окончившееся разгромом пелопоннесцев и заключением выгодного для Афин союза и, самое главное, триумфальную экспедицию в Пэнт, долженствовавшую показать царям и

Афина Парфенонская. Предполагаемая копия статуи работы Фидия.

князьям «всю силу афинского могущества, их смелость и бесстрашие, когда они свободно плавают по всем морям, считая себя владыками мира». При осаде о. Самоса Перикл впервые применил осадные машины, изобретенные Артемоном. После восьмимесячной осады самосцы, наконец, сдались победителям, поступившим с ними, по словам некоторых древних историков, крайне жестоко. Успешная внешняя политика, приносившая богатую добычу, новые земельные территории и рабов, определяла мощь радикальной партии Афин, возглавлявшейся Периклом. За кризисом внешней политики, наступившим в связи с жестоким разгромом афинского флота персами (454 г.), последовали немедленно кризис радикальной партии и падение Перикла. Это было началом конца афинской державы.

Внутренние противоречия афинской демократии

Во всех греческих рабовладельческих полисах, в том числе и в Афинах, основным противоречием было противоречие между рабами и свободными, и уже на почве этого основного противоречия вырастали всевозможные антагонизмы второго порядка: между афинянами и их союзниками, внутри самого афинского гражданства и т. д.

В рабовладельческом обществе антагонизм между рабами и свободными составляет стеновой хребет этого общества. «Античное государство было преимущественно государством рабовладельцев для подчинения рабов»¹.

Но если основным противоречием внутри античного общества было противоречие между рабами и свободными, то внешне классовая борьба развертывалась главным образом между свободными богачами (плутократией) и свободными бедняками (собственно демократией). Огромная же масса рабов служила, по меткому выражению К. Маркса, только пассивным пьедесталом для борцов². Этим объясняется тот, на первый взгляд странный факт, что от классического (перикловского) периода греческой истории сохранилось сравнительно немного документов, иллюстрирующих движе-

¹ Энгельс «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Партиздат. 1931, стр. 174.

² Маркс. Предисловие к «18-му брюмера», изд. 1933 г., стр. 5.

ния рабов. Эти движения в широком, масштабе начались позже, в последние столетия эллинских (греческих) подисов, сливаясь в один мощный поток с движениями свободных, деклассированных элементов, античных люмпенпролетариев. О более раннем периоде сохранились материалы, характеризующие преимущественно борьбу в среде свободного гражданства. Одновременный рост рабского производства и торгового капитала все больше раслаивал политически равноправных граждан на две неравных категории: богатых и бедных. Социально-экономические причины этого расслоения достаточно полно проанализированы Энгельсом в «Происхождении семьи, частной собственности и государства».

С развитием торговли и промышленности в руках немногих богачей накапливались и концентрировались богатства. Вместе с тем нищала масса свободных граждан, которым оставалось или, занявшись ремеслом, вступать в конкуренцию с рабским трудом, что признавалось постыдным да и было невыгодным, или же перейти в ряды люмпенпролетариев. Масса граждан была вынуждена идти по последнему пути. В конечном итоге это привело к гибели как их самих, так и все афинское государство.

Рабское производство, относительно незначительное в предшествующий период, значительно расширилось, хотя еще и не достигло своего кульминационного пункта именно при Перикле. Рост рабского производства определяли три обстоятельства: расширение рынка, увеличение подвоза «живых машин» и скопление денежных и материальных средств в руках одной части граждан. Рабов же, как правильно указывал Энгельс, могли приобрести и использовать только состоятельные люди. Простой а гр ой к (земледелец) и бедный демиург в лучшем случае могли иметь в качестве своих помощников одного — двух рабов.

Раньше всего тяжесть рабства почувствовали ремесленники, а затем мелкие и средние собственники, бедневшие и опускавшиеся до положения городской черни. Нужда, сказано в комедии Аристофана «Плутос» («Богатство»), вечно пребывает и сидит на плече ремесленника как хозяйка, побуждая его к труду, заставляя его добывать средства к жизни под давлением тяжелой нужды. В конце концов сами ремесленники начинали презирать физический труд, рассматривая его как удел рабов. Если бы исчезла бедность и богатство было распределено поровну между всеми,

Софокл. Мраморная статуя в Ватикане.

тогда, конечно, никто не стал бы заниматься ремеслами — таков вывод греческого поэта, выросшего в условиях рабского производства.

«Ведь если богатство снова прозрит и разделит себя поровну на всех,

Никто из людей не захочет заниматься ни искусствами, ни наукой,

А раз то и другое исчезнет благодаря вам из жизни людей, то кто же захочет

тогда

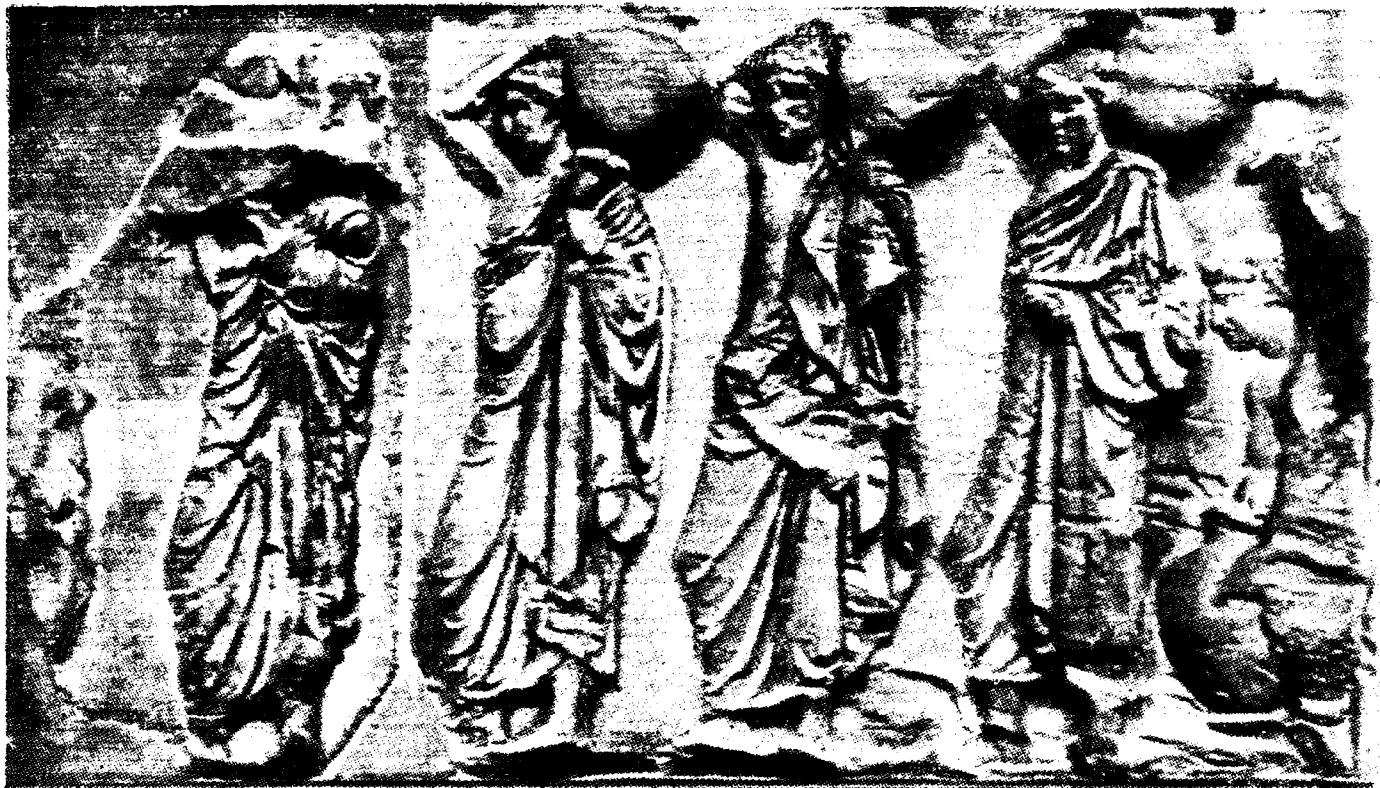
Ковать железо, строить корабли, изготавливать экипажи, шить башмаки и платья,

Дубить кожу, красить, тесать камень, плотничать и стирать

Или же, рассекая плугом землю, добывать полевые плоды?

Тогда ведь всякий может жить праздно и не думать обо всем этом».

Все перечисленные функции, по мнению даже самых скромных персонажей аристофановских комедий, надлежит выполнять рабам. Презрительное отношение к ремесленному труду и к ремесленникам глубоко внедрилось в мировоззрение антично-

Часть парфенонского рельефного фриза. Юноши, несущие жертвенные сосуды на панафинейском торжественном шествии.

го общества. По теории философа Аристотеля, в идеальном государстве права ремесленников ограничены, ибо добродетель, на которой зиждется эти государства, подходит только тем, кто избавлен от работ, необходимых для существования. И все же по сравнению с совершенно бесправными рабами-вещами свободные ремесленники занимали в Афинах более высокое социальное положение. Даже неквалифицированные, но свободные ремесленники, выполнявшие самые «низкие» работы, стояли, по мнению Аристотеля, выше рабов и превосходили их в добродетели.

Может возникнуть вопрос, рассуждал по этому поводу Аристотель, обладают ли ремесленники добродетелью или же они, подобно рабам, таковой не имеют. Аристотель давал на этот вопрос положительный ответ. Свободные ремесленники, по мнению греческого философа, отличны от рабов, потому что рабы составляют часть своего господина и, не имея собственной воли, живут с ним общей жизнью, между тем как ремесленники, живя самостоятельно и независимо от господина, имеют собственную волю, и потому они в отношении добродетели настолько превосходят рабов, насколько свободный труд превосходит рабский. Даже чернорабочие, т. е. ремесленники, занимающиеся низкими («черными») ремеслами, не рабы, ибо раб является тако-

вым по природе или же по праву войны; сапожники же, портные, слесаря, строители, как и все остальные категории свободных ремесленников, совсем иные люди. Свои мысли по этому поводу Аристотель заключает категорическим утверждением об абсолютной необходимости рабства, как бы оно ни было отвратительно с точки зрения общечеловеческой морали.

«Как бы то ни было, но совершенно очевидно, что одни люди по своей природе свободны, а другие — рабы и быть им рабами полезно и справедливо».

Смягчить имущественные противоречия в среде свободного гражданства пытались раздачами государственных должностей и оплатой их. Но как ни были значительны эти раздачи, они не могли покрыть всех нужд афинского гражданства. Приходилось изыскивать новые средства социальной помощи.

Одной из наиболее радикальных мер в этом направлении являлось выселение афинских граждан (по преимуществу военнообязанных) в колонии, по-гречески «клерухии». Множество бедных граждан, отправлявшихся в клерухии при поддержке государства, превращались в крестьян-солдат, военных пленников афинской архэ.

Дальнейшей мерой смягчения социальных противоречий была организация общественных работ. После того как госу-

Часть парфенонского рельефного фриза. Процессия всадников на панафинейском торжественном шествии.

дарство было в достаточной мере снабжено всем необходимым для войны, рассказывает Плутарх, Перикл выдвинул грандиозный план построек с целью, во-первых, доставить бессмертную славу государству и, во-вторых, улучшить материальное положение свободного гражданства. Перикл считал, что предпринимаемые им крупные постройки займут массу рабочих самых различных специальностей: плотников, литейщиков, ткачей, резчиков, каменщиков, рудокопов, красильщиков, золотых дел мастеров, граверов, орнаментовщиков, скульпторов, хозяев судов, купцов и т. д. и таким образом весь город окажется на жаловании у государства. Число рабов на общественных постройках ограничивалось определенным процентом. Каждое ремесло составляло как бы особую самостоятельную корпорацию, подобно военной фаланге, управляемой своим стратегом. Работы организовывались таким образом, что в них принимали участие люди всех возрастов и званий.

Но ни клерухии, ни общественные работы ни в коей мере не могли задержать развития внутренних противоречий афинского общества, которые в конечном счете и привели его к гибели.

Культура Афин „века Перикла“

Эпоха Перикла была также и «золотым веком» античной культуры. Результаты

строительной деятельности Перикла были блестящи.

Большая часть лучших произведений античного строительного и изобразительного искусств принадлежит «золотому веку» Перикла. К числу наиболее замечательных в художественном отношении построек этого века относится Парфенон (храм Афины), построенный выдающимися художниками Греции Каликратом и Иктином, Эрехфейон (храм национального героя Эрехфея), Фессейон (колоссальный храм героя Фезея) и изумительная по красоте дорога на Акрополь — Пропилеи, украшенная великолепной колоннадой с массой статуй и надписей. Скульптурные работы производились под руководством художника Фидия, первого скульптора Греции, ближайшего советника Перикла. Совершенно заново отстроен был Пирей, из скромной гавани афинской общины превратившийся в огромный порт Афинской республики. От Афин к Пирею и Фелерону (другой гавани Афин) тянулись колоссальные «Длинные стены», защищавшие город от нападения с моря.

В «золотой век» Перикла, говорит Плутарх, стали подниматься колоссальные здания, не превзойденные по изяществу и художественному вкусу. Все были как бы заражены широкими замыслами Перикла. Ремесленники старались довести свое ремесло до степени искусства. Все работы,

Парфенон в афинском Акрополе в его настоящем виде.

из которых каждую могли, казалось, кончить лишь в продолжение нескольких столетий, были закончены в период управления Перикла.

«Создания Перикла заслуживают величайшего удивления. Они воздвигнуты в короткое время, но для долгого времени. По своей прочности они кажутся оконченными только в настоящее время. Извечная новизна спасала их от прикосновения времени, как будто творец дал своим произведениям вечную юность и вдохнул в них нестареющую душу» (Плутарх).

Из старого, полусельского города, каким были Афины до Персидской войны, при Перикле они превратились в город мирового значения, своим блеском затмивший все остальные города Греции. «Так ты чурбан, — писал один современник Перикла, — если не видал Афин; осел, если видел их и не восторгался, а если по своей охоте их оставил, то ты верблюд!».

Развернувшееся в Афинах строительство в известной мере захватило также и провинцию. В частности большое строительство было предпринято в Великой Греции (Южная Италия), где была начата постройка города Фурий на совершенно новых началах, по всем правилам тогдашней науки и художественного вкуса. Постройка Фурий была делом общенационального значения, имевшим в виду захват Южной Италии и Сицилии. В числе других знаменитостей в создании Фурий приняли ближайшее участие выдающиеся греческие философы Эмпедокл и Протагор, редактировавшие гражданское право Фурий, знаменитый архитектор Гипподам, составивший план будущего города, историк Геродот, энтузиаст и поклонник Перикла и

афинской демократии, и многие другие. В разработке и проведении планов Перикла принимал участие весь «просвещенный круг» Перикла, в который были втянуты все интеллигентные силы Эллады.

Кроме вышеназванных лиц в век Перикла жили и подвизались философ Анаксагор, знаменитый драматург Софокл, автор «Антигоны» и «Царя Эдипа». При Перикле начинал свою деятельность и блестящий афинский писатель, автор остроумных комедий на политические темы, Аристофан и целый ряд других знаменитостей древнего мира. Из наук особенно развилась математика, ближе всего стоявшая к философии, основной научной дисциплине древнего мира. Из многочисленных математических школ наибольшим влиянием при Перикле пользовалась пифагорейская школа, основателем которой считался знаменитый математик, философ Пифагор, уроженец острова Самоса. В медицинском мире большой славой пользовался врач Гиппократ, «отец медицины». В век Перикла жили крупные греческие историки Геродот и Фукидид, горячие приверженцы афинского строя и почитатели Перикла.

Начало кризиса Афин

Внешняя и внутренняя политика Перикла стоила очень дорого и требовала больших средств, которые могли быть покрыты развитием производительных сил, так как для этого требовалось более мощное производство и более высокая его техника. В условиях же античного строя дополнительные средства приходилось добывать главным образом путем прогрессивного повышения фороса (дани), т. е. путем эксплуатации союзников и рабов.

При основании афинской архэ общая сумма фороса равнялась 800 талантам. Перикл увеличил эту сумму на одну треть, а преемники Перикла, постепенно увеличивая взносы, довели форос до полуторы тысячи талантов. При этом получаемые с союзников деньги шли не столько на общесоюзные и военные нужды, сколько на всевозможные раздачи, театральные представления, сооружения храмов, статуй и т. д. На постройку одного только Парфенона было затрачено 7 тыс. золотых талантов. Золотая статуя богини Афины, покровительницы городов (Афина-Парфенос), стоила 800 талантов, постройка Пропилей — 2100 талантов и т. д.

Повышение φόρος крайне раздражало союзников, старавшихся при первой возможности отделаться от Афин. Но до тех пор, пока крепка была военная мощь афинской архэ, о массовом отделении союзников не могло быть и речи. Афинские карательные экспедиции с невероятной жестокостью подавляли всякие попытки восстаний и проявления непокорности.

Первый серьезный удар афинской архэ нанесен был поражением афинской армии в Египте в 454 г. Афиняне стремились закрепиться в устьях Нила, но натолкнулись на сильное сопротивление персов и вынуждены были отказаться от дальнейших попыток в этом направлении. Большая часть афинского десанта, состоявшего из 35 000 пехоты, поддерживаемой флотом из 200 триер, погибла в бою и частично попала в плен. Египетская катастрофа придавала бодрость персам и спартанцам. Афинам пришлось идти на уступки. В 449 г. с персами был заключен невыгодный для Афин Каллиев мир.

Через три года после Каллиева мира Перикл вынужден был подписать еще более невыгодный Тридцатилетний мир со Спартой в 445 г. По этому договору Афины отказывались от всех своих завоеваний на пелопоннесской территории. Трезен и Мегара отходили к Спарте, Истм очищался от афинских гарнизонов.

Все учащавшиеся восстания союзников в связи с нарастанием классового антагонизма внутри самой афинской республики приводили к фактическому устранению демократического режима и замене его диктатурой одного «государственного гения» — вождя радикальной партии. На словах это была демократия, а на деле власть одного лица, так историк Фукидид характеризовал последние годы правления Перикла.

Таково было состояние Афин накануне Пелопоннесской войны — великого кризиса, всего эллинского мира, о котором речь будет в следующей статье.

Орфей. Рисунок на древнегреческой вазе.

Ц. Фридлянд

БЫЛ ЛИ

ЛАВУАЗЬЕ РЕВОЛЮЦИОНЕРОМ

В № 10 «Борьбы классов» за 1933 г. была помещена заметка «Лавуазье — антиклерикал и революционер». Заметка составлена по этюду Д. Гильома «Лавуазье—антиклерикал и революционер», напечатанному в журнале «La Revolution Francaise» за 1907 г. Анархист Гильом весь свой материал почерпнул из книги Эд. Гримо, вышедшей еще в 1886 г., где, на основании первоисточников, была сделана попытка политической реабилитации великого химика, казненного по решению революционного Конвента весной 1794 г. В этой заметке использованы, однако, только всего один — два документа из всей массы материалов Гримо в изложении Гильома.

Мы в нашей статье не думаем разбирать вопроса о значении Лавуазье в истории науки. Энгельс в достаточной степени четко определил его место как одного из основоположников современной химии. Правда, он и здесь сделал некоторые ограничения. Как мы знаем, для Энгельса не Лавуазье, а Дальтон — отец современной химии. В предисловии ко второму тому «Капитала» мы читаем, что Лавуазье — великий химик, «если даже он не открыл кислорода одновременно с другими и независимо от них, как он утверждал впоследствии». Значение Лавуазье в истории химии не подлежит сомнению, открытие кислорода и познание его качеств принадлежат ему, а не его предшественникам. Но дает ли это основание утверждать, что «революция в области химических воззрений и революция политическая», т. е. Лавуазье как химик и политик, не разошлись друг с другом? Если считать Лавуазье революционером только на том основании,

что он был великим ученым, то придется проделать эту работу и с целым рядом других материалистов и философов XVIII в., которые, будучи антиклерикалами и революционно настроенными мыслителями, как правило, занимали место Жиронды или среди фейянов, а позже, в годы революционной диктатуры, были безжалостно отправлены на эшафот.

Каковы политические взгляды Лавуазье в годы революции? Лавуазье был не только ученым. Свои научные занятия он вел параллельно с выгодными коммерческими предприятиями. Это был делец крупного масштаба. Еще задолго до революции он не только занимался опытами в своей лаборатории, а весьма успешно работал как один из руководителей государственного откупа, куда он вложил свой весьма значительный капитал, добавив к нему капитал, полученный как приданое от жены, дочери крупного откупщика, и этим путем значительно увеличил свое состояние. Он был одним из крупнейших богачей предреволюционной Франции. Впрочем, Лавуазье был не только одним из руководителей государственного откупа налогов, ему принадлежала монополия порохового дела, на котором он в свою очередь наживал немало. Лавуазье не принадлежал, таким образом, к передовой группе промышленной буржуазии Франции, — он был представителем той ее финансовой аристократии, которая была теснейшим образом связана со старым порядком. Буржуазной революции пришлось для осуществления своих исторических задач, для уничтожения абсолютистско-феодального строя, свергнуть не только власть дворянства, но и господство финансовой аристократии, одной из могущественных опор этого порядка. Настоящие буржуазные революционеры вынуждены были вести ожесточенную борьбу с «буржуазными революционерами», финансистами и откупщиками.

В 1778 г. Лавуазье купил за 229 тыс. ливров поместье, недалеко от Блуа. К нему он присоединил сеньорию Жан-Рено, проданную графом Рошамбо в момент своего отъезда в Америку. К этому он присоединил ряд других земель и таким образом создал себе поместье, которое, по словам того же Гримо, оценивалось примерно в 600 тыс. ливров. В своем поместье он продолжал эксплуатировать крестьян, не только как

феодалный сеньор, но и как культурный капиталист-предприниматель. Либерал Гримо, утверждает, что мудрое ведение хозяйства дало ему возможность разбогатеть. Впрочем, тот же автор скромно в примечании отмечает, что, согласно некоторым документам 1790 и 1791 гг., можно утверждать, что химик занялся скупкой и продажей национальных земель, «напоминающими спекулятивные операции». Таково утверждение словаря Ларусса. Гримо готов отрицать этот факт, утверждая, что, собственно, дело сводилось к тому, что Лавуазье хотел «только» найти место для вложения в дело доходов, которые он получал от генерального откупа. Таково было, мы бы сказали теперь, социальное положение Лавуазье не только до революции, но и в годы революции, вплоть до 1791 г.

Присмотримся несколько ближе к занятиям Лавуазье, стоявшего во главе генерального откупа, для того чтобы понять позже, каков политический смысл обвинений, выдвинутых против Лавуазье в годы Конвента. Чем был генеральный откуп? Какое место он занимал в государственном строе абсолютной монархии? Абсолютная монархия не способна была организовать сбор налогов с населения. Желая все бремя налогов возложить на широкие трудящиеся массы города и деревни и тем самым сохранить привилегии дворянства, свободного от платежа налогов, она сдавала сбор налогов на откуп частной финансовой компании за определенную, авансом внесенную сумму. Сюда входили не только прямые налоги, но и косвенные: знаменитый габелль — налог на соль, на табак, на вино, сбор таможенных налогов внутри Франции и т. п. С 1726 по 1780 г. генеральный откуп не подвергался изменениям. Государство заключало с компанией откупщиков-финансистов договор примерно на шесть лет. Согласно этому договору в момент, когда Лавуазье вступил в число членов компании (1768—1774 гг.), финансисты внесли 90 млн. ливров, по полтора миллиона каждый, и получали, как годовая прибыль, примерно 145 тыс. ливров на каждого откупщика в год. Если верить данным «мемуара» Лавуазье, то доходы генерального откупа накануне революции значительно возросли. На долю каждого откупщика за период с 1756 г. по канун революции эти доходы возросли с 40 тыс. ливров до 139 тыс.

Со времени Кольбера, когда откупщики приобрели особую силу, откуп налогов был всегда источником преступлений, одним из

самых мощных орудий феодального режима в деле эксплуатации масс. Чтобы увеличить свои доходы, откупщики собирали налоги в сумме гораздо большей, чем это было установлено законом. Они обладали правами государственной власти, и на их преступные действия почти не было возможности жаловаться. Состояние крупных откупщиков в XVII в. достигало многих миллионов, их роскошь часто превосходила роскошь приближенных короля. Так, известный Мишель Бура растратил до 42 млн. ливров, пытаясь перещеголять короля. Лавуазье принадлежал к наиболее богатой верхушке среди откупщиков. Финансисты из генерального откупа на протяжении всего столетия вызывали к себе глубочайшую ненависть, и Вольтер писал: «В Персеволисе имеется 43 короля-плебея, которые получили по договору персидское государство и которые кое-что уделяют монарху», а Мерсье в своем «Tableau de Paris» говорит: «Я не могу пройти мимо здания генерального откупа, не испытывая глубоких страданий. Я хочу уничтожить эту страшную и мощную машину, которая схватила за глотку каждого гражданина». Ничего не изменилось и накануне самой революции, хотя генеральный откуп и был реорганизован. Правительство отныне получало часть доходов от откупа как его равноправный участник. Лавуазье, вступая в откуп, внес свой пай в 520 тыс. ливров. Он затем увеличил эту сумму взносов, и его ежегодный доход составлял во всяком случае не меньше 100 тыс. ливров. Сам он заведывал в финансовой компании комитетом по табаку, габеллю и таможенным сборам Парижа и его предместий, т. е. как раз теми участками работы, которые вызывали наибольшую ненависть в годы революции.

Это он внес проект об окружении Парижа стеной, для того чтобы было легче собирать налоги с товаров. В отдельных местах, у особых башен, откупщики ставили стражу, для того чтобы ни один гражданин не мог пронести ни на один ливр товара незаметно для таможи. Проект Лавуазье был «прославлен» народом, глубоко возненавидевшем его, в куплетах:

«Le mure murant Paris rend Paris murmurant».

В Париже весело распевали:

«Чтоб увеличить свою наличность
И закрыть нам горизонт,
Откуп признал необходимым
Нас всех отправить в тюрьму».

В 1786 г. был заключен новый договор с финансистами, в котором Лавуазье принимал самое активное участие. Доходы последнего года его деятельности как откупщика возросли. Его взнос составлял в это время 1200 тыс. ливров. Только 20 марта 1791 г., когда Национальное собрание ликвидировало откуп, Лавуазье лишился своих доходов. Впрочем, у него был еще другой источник доходов — монополия порохового дела, которая доставляла по крайней мере 30% на вложенный капитал.

Руководство производством пороха и селитры имело еще и то большое значение, что в руках финансовой компании находилась вся масса вооружений а, следовательно, одно из серьезнейших орудий самозащиты абсолютизма. За семь лет управления пороховым делом капитал откупа возрос с 1770 тыс. до 3600 тыс. ливров. Это было широкоразветвленное производство, в котором занято было около 2 тыс. рабочих. В 1788 г. в складах откупа хранилось больше чем на 5 млн. ливров пороха, и нет ничего удивительного в том, что, когда 6 августа 1789 г. вооруженный народ Парижа задержал у застав подводы с порохом, он обвинял Лавуазье в том, что вывозили порох, из столицы для разоружения граждан и вооружения войск короля. Только в декабре 1791 г. Лавуазье оставил это прибыльное дело и вместе с тем руководство столь политически важным учреждением.

Не забудем еще одно. Лавуазье был бесменным руководителем Академии наук феодального режима, той Академии, которая вызывала к себе глубокую ненависть со стороны революционной мелкобуржуазной интеллигенции. Марат, да и не только Марат, но и Бриссо, стремились добиться уничтожения Академии, замены ее подлинно-революционными научными институтами. И если Лавуазье оставил откуп после его ликвидации революцией в 1791 г., то руководство Академией им было оставлено только в августе 1793 г. Почти до самого своего ареста он сопротивлялся всеми легальными и нелегальными средствами попыткам Конвента уничтожить старую опору привилегированной касты ученых — Академию наук.

За два года до революции Лавуазье был членом провинциального собрания в Орлеане. Как член этого собрания он настаивал на ряде реформ, но очень быстро отказался от них, как отмечает Гримо, несмотря на все протесты своих друзей, по-

тому что «не надеялся собрать большинство». При выборах в Генеральные штаты он представлял дворянство бальяжа¹ Блуа и как представитель первого сословия настаивал на цензовых выборах, считая, что право гражданства может иметь только тот, кто является земельным собственником. И хотя наказ либерального дворянства Блуа, составленный Лавуазье, требовал индивидуальной свободы, как «первого и святого права человека», но в том же наказе ни одним словом не упомянуто о необходимости уничтожения крепостных отношений в стране.

Лавуазье не был избран членом Национального собрания, он считался резервным депутатом, но вскоре был избран дистриктом Culture S-te Catherine—членом Коммуны Парижа, оставаясь одновременно во главе генерального откупа и пороховой монополии. Как член Коммуны он примкнул к буржуа-либералам Лафайету, Байи и др. Ему было поручено руководство Учетной кассой — этой опорой монархии в 1789—1790 гг. Герцог Лианкур приветствовал его как финансиста, который не отвернулся от революции. Но, как мы видели, приветствие герцога Лианкура в июле 1789 г. не помешало народным массам в августе 1789 г. громить склады порохового откупа и искать Лавуазье, чтобы расправиться с ним. Интересная деталь: либерал-финансист обязался внести добровольное пожертвование в 30 тыс. ливров, но внес только 14 тыс., отказавшись внести остальные, так как эта сумма, по его словам, превосходила его состояние.

В начале 1790 г. Лавуазье отправил письмо Франклину, в котором излагал свое отношение к революционным событиям. Он откровенно писал: «После того, как мы побеседовали на тему о том, что сделано в области химии, было бы бесполезно поговорить о нашей политической революции. Мы ее рассматриваем как совершенную и как совершенную хорошо. Назад возврата нет». А затем идут следующие рассуждения: «Демократическая партия, в отличие от партии умеренных людей, пытается вооружить народ; непolitично дать оружие в руки тех, кто должен подчиняться; следует опасаться, чтобы новая конституция не столкнулась с сопротивлением тех, в интересах которых

¹ Бальяж (bailliage) — судебный трибунал и подчиненный его юрисдикции округ в дореволюционной Франции. При выборах в Генеральные штаты бальяжи были использованы как избирательные округа.

эта конституция издана». Лавуазье примыкал к клубу умеренных либералов, так называемому «обществу 1789 года», обществу, которое противостояло якобинцам как правая оппозиция Национального собрания. Летом того же года в письме Блэку он жаловался на то, что революционные события во Франции мешают прогрессу науки. Впрочем, он надеется, что вскоре установится мир, революция закончится и наука будет успешно развиваться. Лавуазье был секретарем «общества 1789 года» вплоть до 1791 г. Весной 1794 г., когда якобинцы подвергли свой клуб чистке, они исключили из его членов всех, кто раньше принадлежал к «обществу 1789 года», как контрреволюционеров.

Не только Марат, но и ряд других публицистов напал на Лавуазье как на откупщика, руководителя Учетной кассы и главу Академии наук. Они обвиняли его, между прочим, не только в том, что он получал 40 тыс. ливров ежегодного дохода, но и в том, что он нажился при постройке таможенной стены вокруг Парижа, которая стоила 33 млн. ливров. К этому революционная публицистика добавляла еще и следующее обвинение: пороховые склады под руководством Лавуазье доставили в Бастилию в ночь с 12 на 13 июля необходимое вооружение для сопротивления народу.

С 1789 по 1791 г. выступление масс имело не только политический, но и социально-экономический смысл. Программа плебейской революции расширялась и заполнялась все более глубоким содержанием. Б а б е ф был одним из тех, кто руководил народными массами в их попытке свергнуть тиранию генерального откупа. Не подлежит сомнению, что декрет Национального собрания 1791 г. был результатом этого движения народных низов.

В 1791 г., говоря словами Гримо, закончилась блестящая карьера Лавуазье-финансиста. Впрочем, это не совсем точно. После отмены генерального откупа он был назначен одним из руководителей вновь организованного национального казначейства (Trésorerie nationale). Как глава этого учреждения он был проводником финансовой политики Учредительного собрания. В своем отчете о положении финансов на 1 января 1792 г. он иронически отмечал, что революционеры не способны объективно видеть положение дел: они или преувеличивают или преуменьшают. Лавуазье претендует на то, что он как человек «беспартийный» может судить объективно о револю-

ции. Вместе с подъемом революционного народного движения умеренный либерал Лавуазье становится в позу «объективного ученого», который хочет обо всем рассуждать философски. В феврале 1792 г. он уходит в отставку, покидает пост руководителя финансов монархии, — как совершенно точно отмечает Гримо, — по соображениям политическим. Должность чересчур опасна, впрочем как и руководство монополией порохового дела. В июне 1792 г. Людовик XVI предлагает ему занять место министра финансов, и Лавуазье отвечает исключительно интересным письмом, которое выявляет его политические взгляды накануне революции 10 августа.

В этом верноподанническом письме королю Лавуазье утверждает, что, не будучи ни якобинцем, ни фейяном, он не принадлежит ни к одному из клубов или политических обществ. Он в глубине своего сердца преклоняется перед патриотическими чувствами короля и конституцией 1791 г., но знает, что он бессилен что-либо изменить, так как Законодательное собрание вышло за пределы предоставленных ему прав и конституционный министр в этих условиях бессилен что-нибудь предпринять. Ученый предпочитает поэтому выбрать для себя другую обязанность — «просвещать народ», чтобы внушить ему правильное понятие о его правах. Как мы видим, интерес к народному просвещению был своеобразным политическим протестом против торжества революции. Указание в автобиографической заметке на то, что 10 августа Лавуазье боролся с королевской властью, нужно считать недоразумением. Ему было поручено революционной секцией только одно: в числе других и под контролем патриотов охранять пороховые склады.

В 1792 и 1793 гг. Лавуазье был использован Конвентом как специалист в «комиссии мер и весов», при разработке технических вопросов выпуска ассигнатов и т. п. Его коллеги, защищая Лавуазье перед лицом революционного трибунала, отмечали только его заслуги как ученого, но ни одним словом не пытались реабилитировать его политически. Это было трудно сделать перед лицом страны, где Лавуазье был известен как крупный богач и глава финансовой аристократии. Вот что писал об этом периоде жизни Лавуазье Гримо: «Все рушилось вокруг Лавуазье. Людовик XVI, который предлагал ему стать королевским министром, погиб на эшафоте, богатое элитное общество, понимавшее блестящую

мысль, одобрявшее его работы, исчезло в буре; среди ужасов революции он остался единственным стражем высших интересов науки...» Этот «единственно сохранившийся страж науки» пытался не допустить реформы Академии наук.

28 ноября 1793 г. Лавуазье был арестован вместе со всеми остальными руководителями генерального откупа. Конвент решил предать суду наиболее крупных финансистов Франции, среди них Лавуазье, 22 года возглавлявшего генеральный откуп. Их обвиняли в том, что они не только эксплуатировали народные массы, но незаконно присваивали капиталы, принадлежащие государству, и пользовались ими для своей наживы, вкладывая эти капиталы в торговые промышленные предприятия. И если даже считать сумму в 300—400 млн., которая, по мнению депутатов Конвента, была незаконно присвоена откупщиками, несколько преувеличенной, то 150 млн., фигурировавшие в обвинительном акте, представляют собой сумму, близкую к истине. Буржуазная легенда изображает дело таким образом, будто невинный Лавуазье был посажен в тюрьму только за то, что не внес какой-то ничтожный с него причитающийся долг, что он абсолютно ни в чем не был повинен, что он — жертва террора. Присмотримся несколько ближе к материалам по делу откупщиков. Еще 26 февраля 1793 г. Карра — депутат Конвента — предложил создать комиссию для обследования злоупотреблений откупа и потребовал от откупщиков финансового отчета с 1740 г.; 5 июня был наложен арест на их бумаги и кассу. Та же самая секция Пик, которая, по словам Лавуазье, послала его 31 мая 1793 г., чтобы занять пост на Площади революции, подвергла обыску его дом, а позже его арестовала. Дело, однако, подвигалось в Конвенте весьма медленно. 14 ноября Бурдон из Уазы воскликнул: «Вот уже пятый раз, как говорят здесь об отчете откупщиков. Я требую, чтобы кровопийцы государства были арестованы, и если они не сдадут свои отчеты через месяц, Конвент предаст их суду». Впрочем, за 10 дней до этого — 4 ноября — в секциях и в так называемом Лицее, решено было удалить всех лиц, связанных с эмигрантами, и контрреволюционерами. Лавуазье был изгнан как враг революции. 24 ноября арестованный Лавуазье не встретил сочувствия в революционном Париже ни среди членов Конвента, ни среди народных масс. В своем письме Конвенту он вынужден был оправдываться и утверждал, что уже три

года не имеет отношения к генеральному откупу. Впрочем, в другом письме, накануне казни, он заявлял, что в свое время общал министру финансов о незаконных проделках откупа и что к одной из наиболее преступных проделок — фальсификации табака — он не имел никакого отношения.

Финансисты представили свой отчет комиссии Конвента. 4 фримера были преданы суду не только откупщики: решение распространялось и на интендантов, на старых финансистов, на руководителей делом распродажи национальных имуществ до 1792 года и т. д. Процесс откупщиков был процессом против всей администрации абсолютизма. Это было одним из мероприятий по чистке государственного аппарата, по «ломке» государства абсолютизма и являлось исторической заслугой Конвента. И не удивительно, что в заседании 28 ноября революционные члены Конвента протестовали против всяких попыток добиться исключения того или другого финансиста. «Они обокрали нацию, — говорил Монто, — пусть же они дадут отчет нации, а не другим ворам, ставленникам старого порядка». Камбон говорил о 300 млн., украденных финансистами у нации, которые следует у них отнять «как у воров». «Не подлежит сомнению, — заявил министр финансов Конвента, — что миллионные состояния могли быть созданы только теми, которые совершали крупные кражи. Генеральные откупщики и их слуги безжалостно грабили народное достояние».

Арест откупщиков в ноябре 1793 г. еще не предпринял вопроса о суде над ними. Суд был организован позже — в мае 1794 г. — в иной политической обстановке, в то время как обнаружилось все противоречия политики Робеспьера, — ее двойственный характер: защита буржуазной собственности (рабочее законодательство) и борьба с крупным капиталом, так называемая утопия «эгалитарной республики». «Равенство» мелких производителей, к чему стремился Робеспьер, говоря словами Ленина, могло, конечно, явиться только «условием самого широкого, полного, свободного и быстрого развития капиталистического хозяйства».

Для суда над врагами революции 29 вантоза Конвент создал шесть народных комиссий. 19 флореаля, в день казни Лавуазье, провинциальные революционные суды были уничтожены и так называемая Оранжевая комиссия должна была довести дело борьбы с контрреволюцией до конца. В инструкции,

составленной Робеспьером для комиссии в Оранже, сказано: «Врагами революции признаются люди, которые какими бы то ни было средствами и под какой бы то ни было личиной старались нарушить ход революции и воспрепятствовать упрочению республики».

Смертный приговор, вынесенный революционным трибуналом 8 мая (19 флореаля), обвинял откупщиков в том, что они незаконно получали от государства не 4, а от 6 до 10 процентов на авансированные ими суммы основного капитала: что они эти деньги пускали в оборот в свою пользу, что они отказывались вносить государству ежемесячно причитающиеся с них суммы; что они получили особое вознаграждение за отмену части сборов; что они незаконно выплачивали из государственных сумм деньги своим ставленникам; что они, как правило, удерживали в своих руках средства, поступавшие в качестве дохода от откупов, при этом откупщики покрывали долги по дебетным счетам откупного управления за счет доходов государства. Наконец, обвинительный акт выдвигал против них еще одно суровое обвинение: они прибавляли в готовый табак, предмет их монопольной торговли, воду в пропорции $1/7$ части, заставляя таким образом население оплачивать воду по цене табака.

В продолжение десятка лет до революции генеральный откуп совершил немало преступлений. Руководил табачной монополией Лавуазье, и хотя в отдельных случаях он и протестовал против излишней фальсификации табака, он все же оставался на посту заведующего этим управлением откупа, спокойно загребая обильную прибыль. Имел ли основание Конвент весной 1794 г. предать суду откупщиков и в том числе Лавуазье?

По нашему мнению, Конвент поступил правильно, когда в тех условиях несмотря на все научные заслуги Лавуазье и несмотря на использование его на определенном этапе как специалиста не амнистировал его.

Что же касается размышлений Лавуазье о народном просвещении, то всякий, знакомый с историей Французской революции, прежде всего обратит внимание на тот факт, что между проектами Лавуазье и Кондорсе нет принципиальной разницы. И тот и другой настаивали на осу-

ществлении принципов трудового воспитания; и тот и другой утверждали, что необходимо детям всех сословий дать полезные трудовые навыки. У Кондорсе в его докладе, прочитанном в Законодательном собрании 21 апреля 1792 г., требование «фактического равенства», как цели всеобщего образования, выражено при этом гораздо более резко чем у Лавуазье. Но будем ли мы на этом основании утверждать, что Кондорсе, этот теоретик Жиронды, был революционером, хотя не подлежит сомнению, что он был «антиклерикалом и буржуазным революционером». Но сравним проект о народном образовании Лавуазье и Лепелетье, и мы увидим, насколько последний более революционен чем первый. Лепелетье в своем плане национального воспитания исходит из следующей аксиомы: «Бедный ребенок! Вы ему предлагаете образование, но прежде дайте ему хлеб, иначе его трудящийся отец должен будет лишиться себя куска, чтобы прокормить своего ребенка, а потому является необходимость в том, чтобы ребенок сам зарабатывал свой хлеб».

Из всего этого мы делаем вывод, что Лавуазье принадлежал к тем представителям буржуазной аристократии предреволюционной Франции, которая в годы самой революции не переставала разными путями отстаивать привилегированное положение того класса, идеологом которого был Лавуазье. Революция в области химических воззрений исторически разошлась с политической революцией.

Бесспорно, пролетарская революция более мудра и в осуществлении своей программы социальных преобразований и в частных случаях классовой борьбы. Беспощадно борясь с контрреволюцией и с теми представителями ученого мира, которые ее поддерживают, пролетарская диктатура обладает великим искусством принуждать отдельных представителей буржуазной научной мысли работать для дела социалистического строительства и тогда, когда их политические воззрения расходятся с воззрениями пролетариата.

Пролетарская диктатура умеет убеждать представителей науки великой последовательностью и грандиозным размахом своих дел, перестраивая их идеологию и приобщая их к осуществлению великой задачи освобождения человечества.

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ „ЗАГОВОРА РАВНЫХ“

В майско-июньском номере «Исторических анналов Французской революции» за 1934 г. (журнал, основанный покойным историком Альбером Матъезом) помещено несколько писем, извлеченных из архива департамента Па-де-Кале, относящихся к истории «Заговора равных»¹.

В феврале 1795 г. Гракх Бабеф, будущий вождь «Заговора равных», был арестован за резкие выступления в своем журнале «Народный трибун» против политики термидорианцев.

25 вантоза (15 марта) вместе с Лебуа, редактором «Друга народа», он был препровожден в тюрьму Бодэ, города Арраса, где и пробыл до сентября 1795 г.

В аррасских тюрьмах (Бабеф уже раньше имел связь с Аррасом: в 1785—1788 гг. он переписывался с секретарем Аррасской академии Дюбуа Фоссе), в период жерминальского и прериального восстаний парижских рабочих². Бабеф нашел среди заключенных там якобинцев горячих приверженцев, которые впоследствии вошли в «Заговор равных». Здесь примкнули к нему отставной лейтенант Жермен, игравший впоследствии крупную роль в процессе бабувистов, и все искренние враги термидорианского режима, близкие к семьям знаменитого якобинца Жозефа Лебона и его брата Леонара Лебона: Коше, Таффуро, Фонтенье, Кобриер и др. Г-жа Лебон пишет, что «все друзья находятся в непрерывном общении с Бабефом».

¹ Для подробного ознакомления с «Заговором равных» и идеологией Гракха Бабефа рекомендуем читателю книгу тов. Щеголева «Бабеф» в серии «Жизнь замечательных людей».

² 12 жерминаля (1 апреля), 1 и 2 прериала (20—21 мая) III года (1795 г.) парижские рабочие подняли восстания, пытаясь принудить термидорианский Конвент осуществить демократическую конституцию 1793 г. и принять решительные меры против жестокого продовольственного кризиса. Оба восстания были подавлены.

Письма эти, адресованные Бабефу, знакомят с термидорианским террором и с малоизвестным начальным периодом истории «Заговора равных», освещающая агитационную и пропагандистскую работу первых бабувистов.

Коше, впоследствии смело выступавший на процессе «Заговора равных» (из его письма к жене мы знаем, что он был одно время председателем революционного комитета в г. Сент-Омере), сообщает своему другу Бабефу в письме, полном ядовитой иронии и ненависти к термидорианскому правительству, о своем процессе и высылке, об отправке товарищей в провинциальные тюрьмы, о своих планах побега, упоминается о передаче агитационной литературы.

Робэн и Брибон пишут из военного госпиталя Турне о своей высылке в Антверпен, о том, что они не смогли передать писем сидящему в лилльской тюрьме Таффуро³ и другим товарищам, и просят дальнейших указаний.

Особенно интересно письмо Гайяра, полицейского комиссара в Бетюне, мало развитого, но искреннего человека, завербованного Жерменом. Он обещает отдать все свои силы пропаганде нового учения. Впоследствии Гайяр вместе с Жерменом и другими был участником процесса по делу «Заговора равных».

Из этих писем видно, с какой осторожностью вербовали людей: некий Гонор не был принят по совету Жермена. Гонор написал Бабефу оскорбительное письмо, полное наивного хвастовства мнимыми или действительными заслугами перед революцией. Бабеф приложил к этому письму краткую заметку с убийственной характеристикой Гонора, очевидно, для передачи Жермену.

Письма написаны полуграмотно (для удобства читателей стиль их нами не сохранен), полны орфографических ошибок, но проникнуты беззаветной преданностью новому учению, кипучим революционным энтузиазмом, горячей любовью к великому революционному трибуну и дают яркую картину агитационной деятельности первых бабувистов.

³ Чулочник из Сент-Омера—один из самых стойких бабувистов; сидел в тюрьмах Сент-Омера, Лилля, Арраса, уличил на процессе «Заговора равных» общественного обвинителя Вайяра в подкупе свидетелей и энергично опровергал обвинение.

Переписка с Бабефом

1

Из тюрьмы в Сент-Омере. 20 флореаля, III год республики.

Коше своему другу Бабефу.

Патриоты могут так именовать друг друга. Ты должен немного знать меня понаслышке: мой друг Таффуро довольно часто говорил тебе обо мне.

Да здравствует правосудие, которое осуществляют принц Талльен¹ и высокие и могущественные графы, бароны, дюки... так же как и преемники короля Бюзо². Оно достойно быть выгравировано золотыми буквами в храме памяти.

Ты знаешь уже, как гуманно, мягко и честно обошлись здесь с нами. После нашего перевода из Арраса я и Таффуро были единственными, которых сочли достойными оставаться в секретном тюремном заключении; впрочем, это нам не помешало сообщать друг другу свои мысли, а также письма, которые он получал от тебя.

Суди о том, что мы такое, по тому, что ты узнаешь. Мы оказали такие услуги своему отечеству, что удостоились чести получить «lettres de cachet»³ из рук некоего жирондиста. Я еще не знаю его имени. Завтра, может быть, буду больше знать. Мой друг Таффуро отправился сегодня утром в Лилль с этим трусом Дюпенем. Это его единственное мученье; Тюрлюре со стариком Дюкло—в Дюнкирхен, а я с Дюплой—в Дулан или Дуэ.

Забавная история: в результате нашего распределения три посредственности оказались с тремя самыми сильными. Таффуро и я—мы хотели бы быть вместе; между тем, если бы жирондист даже последовал нашим советам, он не добился бы большего успеха, потому что благодаря этой перетасовке получатся шесть патриотов вместо трех. Если я отправлюсь в Дуэ, я проеду через Аррас, привезу тебе требуемое лекарство⁴, и мы побеседуем.

Приготовь мне адрес для Парижа, так как, уверяю тебя, если будет возможность, я уеду дорогой от святой хермандады⁵, что будет нелегко, я думаю, так как у каждого из нас свой страж. Получи я хорошую рекомендацию и знай я, что нас повезут с такими строгостями, Сент-Омер меня не увидел бы вновь.

Если я не проследую через Аррас, то доставлю тебе лекарство верным способом. Используй его как можно лучше.

Ты не сможешь теперь говорить, что нет больше правосудия, ты видишь, что оно хорошо применяется. Бросив вас на 8 месяцев в тюрьмы и не сообщая вам ничего по истечении этого срока, вас направляют декретом домой, к вашим местным судьям. Наконец, ко-

¹ Известный термидорианец. Ирония.

² Вождь жирондистов. Ирония.

³ Приказ об аресте за королевской печатью при старом режиме. Ирония.

⁴ Очевидно, намек на агитационную литературу.

⁵ Испанский термин—полиция.

гда видят, что принуждены будут освободить вас,—чтобы переполнить меру беззакония,— вас ссылают. Я с трудом понимаю, как жирондист в своей чрезмерной ярости не распорядился отправить в ссылку Таффуро и меня.

Как бы то ни было, я предпочитаю бурную свободу спокойному рабству. И на все это я смотрю как на украшения, которые можно прибавить к моему гражданскому венку.

Я постараюсь добыть постановление жирондиста, а также протокол нашего муниципалитета относительно нас; говорят, он необычен. Если я их достану, я тебе доставлю копию.

Если я не смогу раскланяться дорогой⁶, как бы мне этого ни хотелось, то, когда приеду в место моей ссылки, позондирую почву, найдется ли возможность безопасной переписки; а до тех пор, если я не проеду через Аррас, отвечай мне спустя несколько дней по следующему адресу: гражданину Буланже, неогцианту, торгующему около бывшего кафедрального собора в Сент-Омере, и сообщи мне адрес нескольких хороших малых в Париже. Так как я не толст, то мне нетрудно будет улизнуть, и было бы чертовски хорошо, если бы в какой-нибудь день мне пришел в голову остроумный план побега.

Твое заключение в тюрьму—следствие того, что ты изложил письменно свои взгляды, мое же—следствие того, что я высказал их в народном обществе⁷.

Аристократы, которые пришли толпой в трибунал, когда меня допрашивали, были очень удивлены тем, что было так мало доносов на меня. И они еще более удивились той твердой и победоносной манере, с которой я отвечал. Это удивление было доведено до такой высокой степени, что все встали и выстроились в ряд, чтобы увидеть меня, когда я выходил. Они говорили: «Дорогу!», «Дайте пройти этому честному человеку: он ничего не сделал» и т. д. Я не знаю, что заставило г. Жосса⁸ квалифицировать меня как обвиненного в растрате, притеснениях, злоупотреблениях и т. д. Если ты его увидишь, прошу тебя передать ему по этому поводу нашу искреннюю благодарность. Наш поклон Лебуа, привет и дружба. Коше.

Имя жирондиста Эмар.

2

Гражданину Бабефу в Бодэ.
9 прериала, год III.

Робэн и Брибон
своему другу Бабефу.

Согражданин!

Беззаконие наших повелителей, наконец, раскрылось перед нами воочию: после трех дней тюрьмы в Сансе нас великодушно, в течение

⁶ Т. е. убежать.

⁷ Коше был членом революционного общества в Сент-Омере. Процесс в трибунале предшествовал его пересылке из аррасской тюрьмы в Дулан или Дуэ.

⁸ Иронический упрек легковерному Жоссу, через которого велась переписка с Бабефом (см. следующее письмо), за неверную информацию о предъявленном Коше обвинении.

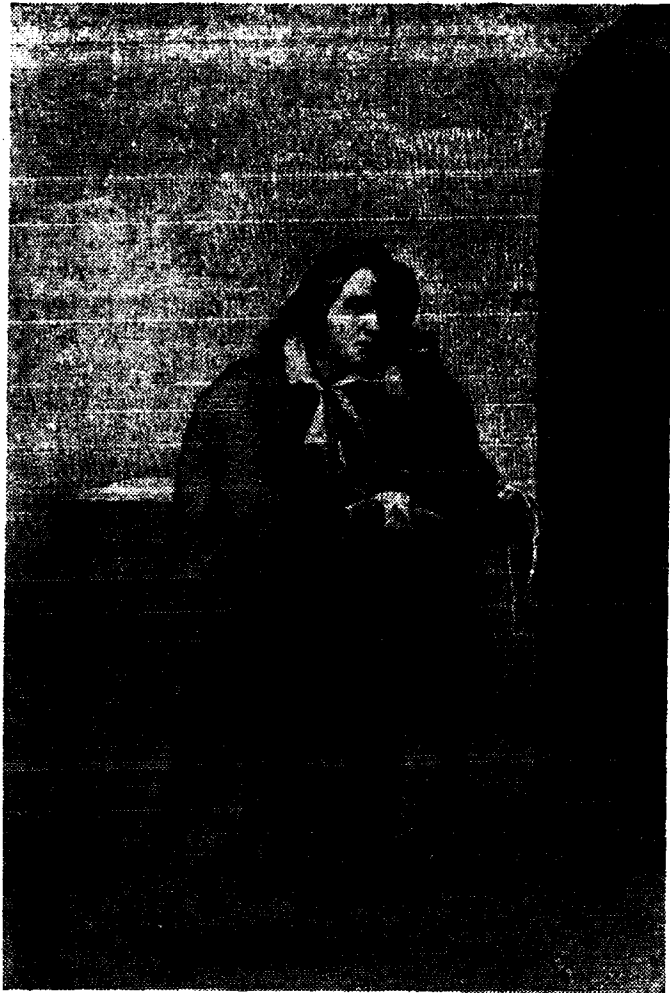
48 часов, выслали в тюрьму Равенства в Лилль. За это время постарались получить от местных властей приказ об отсылке нас обратно в Антверпен, в низшую инстанцию, чтобы она окончательно вынесла решение насчет нашей судьбы.

Мы не сомневаемся, что они очень настоятельно предложат принять нас в дальнюю тюрьму, дабы мы не смогли переписываться с нашими друзьями, униженными их бессмысленной и нелепой властью. Короче говоря, как республиканцы мы плюем на них, мы обрекаем их всех на проклятие, взывая к угнетенному патриотизму, к оскорбленной добродетели, к свободе и равенству. Ходят слухи, что Фре-роп¹ искупил свое преступление на эшафоте во время недавнего восстания, которое имело место в Париже. Мы очень хотели бы знать его результаты; одни говорят, что восторжествовал народ, другие — что Конвент и его агенты, так что до сих пор это для нас загадка².

Проезжая через Лилль, мы не имели удовольствия посетить ни друга Таффуро, ни патриота Сено и, следовательно, не смогли им передать писем.

¹ Известный термидорианец.

² Имеется в виду восстание парижских рабочих 1 прериала.

Бабэф в тюрьме.

Со старинной гравюры.

Этими письмами мы, не зная их содержания, распорядимся согласно вашему желанию. Будем ожидать ваших указаний.

Возвращаясь к нашему положению, сообщаем вам, что мы находимся в госпитале в Турне, где надеемся получить сведения о нашей судьбе после тех шагов, которые мы собираемся предпринять.

Вспомните друга Сено и всех патриотов, наших друзей, в особенности Таффуро, если вы будете иметь возможность ему написать. Не забудьте также и нас у гражданки Карлье³.

Прощайте, наш непреклонный друг, будьте настойчивы — и вы победите ваших врагов скорей чем мы.

Привет и братство.

9 прериала, III год республики.

Брибон. Робэн.

Поклоны привратнику и его дорогой половине.

Извините за сумбурность письма. Мы ждем от вас известий с самым живым нетерпением по указанному адресу:

Военный госпиталь Турне, палата Брута.

Гражданину Жоссу, заведующему общественными работами в Аррасе, бывшая улица Сан-Жери в Аррасе, департамент Па-де-Кале.

3

Аррас, 27 термидора, год III.

П. Гайяр к Бабэфу.

Ты хочешь переписываться со мной, мой дорогой трибун, пусть будет так, я согласен, так как сам давно этого желаю, но тебе надо вооружиться терпением, чтобы не скучать или, по крайней мере, не пожать с сожалением плечами, увидев мою чепуху. В самом деле, мои небольшие способности, все время бывшие в забросе, позволяют мне занять лишь очень низкое место, ниже посредственности. Но вот ты предупрежден и будешь ко мне снисходительней за мою искренность. К тому же твои ответы научат меня, а я чувствую лучше, чем пишу, — этого мне, кажется, довольно.

Я нашел, что твой проект очень хорошо задуман и как нельзя лучше разработан. Я уверяю тебя, что готов отдать ему все свои силы, и надеюсь, что докажу это когда-нибудь. Множество энергичных друзей в стране, где священный огонь патриотизма поддерживается с такой же радостью как огонь Весты в Риме, некоторые средства и наше сильное влияние на хороших санкюлотов, — я разумею этих сильных пиканосцев, — обещают нам блестящий успех. Да, свобода восторжествует, или лучше говоря, она вернется более прекрасной чем когда-либо, так как будет украшена своим самым красивым цветком — полным равенством. Когда я себе говорю о жителях Бетюна как об искренних демократах, то я имею этому определенные доказательства. Еще вчера трое из них обедали со мной, патриотизм одушевляет их до такой степени, что 10 августа

³ Намек, может быть, на прежнее место передачи переписки. Неясно.

ни один злодей-заговорщик не мог показаться на улице без того, чтобы крики «Верните заключенных патриотов!», «Долой шуанов!» не заставили его вернуться в свою берлогу. Итак, если судить по мелким и крупным фактам, то можно думать, что дело пойдет. Я жду этого счастливого момента и постараюсь его ускорить, если смогу.

Прощай, дай о себе знать. Тебе длинный ответ не будет стоить большего труда чем мне это короткое послание. Братски обнимаю тебя, и только тогда, когда получу твое братское объятие, поверю, что я действительно посвящен в рыцари.

П. Гайяр.

4

В Аррас. 2-й день фруктидора, год III республики демократической и вечной.

Гонор младший Бабефу.

Счастливым случаем дал мне возможность встретить сегодня утром, выходя из госпиталя, мирового судью Трибулэ, сообщившего мне о записке, которую ты написал ему 4-го числа этого месяца¹ касательно меня. В ней ты употребляешь следующие слова: «Я узнал, что некий Гонор бегаёт ко всем существующим властям, чтоб получить разрешение на вход в тюрьму, в которой я содержусь, но предупреждаю вас, что, не исповедуя принципов, какие исповедует он, и не имея никакой связи с ним, прошу вас не разрешать ему входа».

Знай, Бабеф, что я не нуждаюсь в твоей похвале, чтобы доказать то, что я сделал для революции, и что с того памятного времени мое поведение, не хвалясь, было поведением настоящего революционера, и безупречного человека.

Я никогда не получал платы ни от какой партии и сражался лишь за священное дело народа, защищая свою страну. Я не из числа тех людей, которые пишут одно, а говорят другое.

Знай также, что если ты подумал, что я выпил, когда я мог тебя видеть третьего дня, то я думал, что я никого этим не компрометирую. Я убежден, что не только одни трезвенники вроде Бабефа сделали революцию и что приди внешние враги, нужно было бы много таких, как ты, чтобы им помешать! Тому доказательство то, что ты со всем твоим умом не смог укротить внутренних врагов...

Но довольно комплиментов, ты вспомни, что я до сих пор не имел нужды писать против конституции 1793 г., чтобы получить свою свободу².

¹ Неясная датировка.

² Злобная, клеветническая инсинуация против Бабефа, якобы получившего свободу в 1794 г., после Термидора, за выступление в печати против конституции 1793 г.

Гайяр.

Гонор младший, победитель при взятии Бастилии и раненый 10 августа.

Для гражданина Бабефа, заключенного в Бодэ, в Аррасе.

5

[Следующая заметка принадлежит Бабефу: она написана его тонким почерком, который так легко узнать].

Я не стану отвечать Гонору оскорблениями. Его нескромное поведение, его дурные знакомства, его мнимое доброжелательство оправдывают мое поведение по отношению к нему. Я нисколько не оспариваю его революционных титулов, еще менее нападаю на его намерения, но я говорю, что его поступки неблагоприятны и что он неосторожен. Он говорит, что не думал кого-либо компрометировать третьего дня, а я думаю, что он рисковал скомпрометировать не только отдельных лиц. Мне жаль, что он, повидимому, не расположен отнестись доверчиво к братским советам и видеть в настоящем свете намерения и мотивы тех, которые действуют. Таким путем ему бы удалось не утратить целиком доверия. Все, что я говорю, не имеет никакой, ни прямой, ни косвенной, связи с его обвинениями, на которые я не обязан отвечать. Я не побоюсь ответить перед лицом самого требовательного патриотизма за все мои действия и моменты жизни с первого дня революции.

БРИТАНСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ И РАБСТВО В КЕНИИ

В 1498 г. европейцы, прокладывая окружные торговые пути в Индию, впервые познакомились с побережьем Восточной Африки. Первые полуразбойничьи-полуторговые экспедиции португальцев столкнулись на территории современных Кении и Танганайки с господством арабских купцов, укрепившихся там еще в VIII в. нашей эры. Господство арабов не простиралось в глубь материка; ими был основан ряд городов по побережью Индийского океана: Килва, Момбас и др., в которых была сильно развита торговля рабами. Рабы вывозились во все главные порты Востока, особенно в Аравию и Персию.

Португальцы были соперниками арабов в торговле рабами. Они заставили силой оружия признать свои «портовые права» в Восточной Африке. Лишь из двух портов, Квилимане и Мозамбика, в 1836 г. португальцами было вывезено в Бразилию и Кубу около 12 тыс. рабов. Основным центром работорговли являлся остров Занзибар, султан которого получал до 75 тыс. долларов дохода от вывозных пошлин на рабов.

Торговля рабами обезлюдилась все побережье Восточной Африки. Тогда караваны работорговцев стали устремляться внутрь материка. Охота на людей принимала невероятные размеры. Дороги, по которым проходили торговцы людьми, устилались трупами. Из десяти негров, захваченных в глубине материка, лишь один доходил живым до побережья. Огромный процент погибал при перевозке морем, а выжившие попадали в кабалу к плантатору. Каких

размеров достигала работорговля, ясно видно из того, что в 1860 г. из девяти миллионов населения Южных штатов Америки три миллиона составляли негры-рабы, вывезенные из Западной и Восточной Африки.

Но развивающийся капитализм Старого и Нового света требовал свободной рабочей силы. Это было одной из причин войны Северных штатов Америки против полуфеодалных плантаторов — рабовладельцев юга.

В 1807 г. Англия, а в 1848 г. Франция объявили торговлю рабами вне закона и начали блокаду восточного и западного побережий Африки. В июле 1879 г. султан острова Занзибар был вынужден подписать договор о запрещении работорговли, которую он фактически не мог остановить. Это дало повод правительствам Англии и Германии, стремившимся образовать колонии в Восточной Африке, в ближайшие 15 лет произвести раздел, по которому Германия получила Танганайку, а Англия — Кению, Уганду и остров Занзибар.

Буржуазные историки и публицисты заносят уничтожение работорговли в список благодетельных европейских господствующих классов. Но если взглянуть на положение негритянского населения африканских колоний сейчас, то можно убедиться, что рабство существует до сих пор, несмотря на все желание империалистов замазать этот факт.

С 1890 г. Кения существует под британским протекторатом. Вместе с германской колонией Танганайкой, перешедшей после мировой войны по мандату Лиги наций к Англии, Кения представляет собой центральное звено непрерывной цепи английских колоний. Эти колонии тянутся через весь африканский материк, от дельты реки Нила на севере до мыса Доброй Надежды к Кэпской колонии на юге. Заветные мечты видного проводника британского империализма в Африке, знаменитого авантюриста Сесилия Родса, близки к осуществлению. В настоящий момент недостает лишь незначительных звеньев железнодорожного пути Каир—Кэптаун.

До недавнего времени в Кении доминировало сельское хозяйство. Основными культурами являлись кукуруза, пшеница, ячмень, земляной орех, картофель, сахарный тростник, кокосовый орех, хлопок и др. Крупное значение также имело скотоводство, дававшее на экспорт шкуры и кожу. В экспортной продукции значительное место занимали и ценные породы деревьев.

Горная промышленность играла весьма незначительную роль.

Население Кении состоит из 3 млн. основного негритянского населения, 17 тыс. европейцев и 51 600 иммигрантов из Индии. Английский империализм экспроприровал землю у ее законных собственников, составляющих основную массу населения. Более 10 тыс. кв. миль плодородной земли отдано 12 тыс. европейских поселенцев, в то время как 5 тыс. кв. миль отведено под «резервы» для 2 млн. негров—земледельцев и скотоводов.

Учреждение «резервов» является старой испытанной системой грабежа и угнетения трудящихся масс колониальных стран кучкой эксплуататоров. Суть этой системы заключается в захвате силой основной массы плодородной земли страны и передаче ее в руки европейских фермеров и промышленников. Туземцы же загоняются в наименее пригодные для земледелия и скотоводства участки земли — «резервы». Чрезвычайная скученность населения, бесплодие почвы влекут за собой обнищание масс и постоянные голодовки, что неизбежно заставляет массы искать работу на европейских фермах или промышленных предприятиях.

Верховные покровители грабежа колоний не скупятся на лживые уверения и обещания. В своей декларации 1923 г. британское правительство заявляло, что «Кения прежде всего является африканской территорией, и правительство его величества считает необходимым подчеркнуть, что интересы африканских туземцев должны стоять на первом плане и что в случае столкновения их интересов с интересами иммигрировавших рас первые должны превалировать». Несмотря на явно демагогический характер подобного заявления оно вызвало сильное беспокойство в среде европейских колонистов Кении, вследствие чего в 1930 г. последовало характерное раз'яснение: «Следует заметить, что заявление должно обсуждаться в целом, а не толковаться так, как будто бы вышеприведенная фраза была единственно существенной». Дальше сказано, что сама по себе эта фраза оправдывала бы опасения белых поселенцев, если бы не расширялось понятие «туземных прав», куда, как оказывается, входят права европейцев (!), которые должны «тщательно охраняться».

На первом месте стояли и, конечно, стоят до сих пор интересы предпринимателей, снабжающих метрополию сырьевыми ре-

«Забота об интересах туземцев», или колониальная система в действии.

сурсами Кении. В их интересах ведется систематическая политика экспроприации туземного негритянского населения и эксплуатация иммигрировавшего индийского пролетариата.

Туземцы не имеют своих представителей в законодательном и исполнительном совете колонии. Интересы негритянского населения защищает европеец, назначаемый губернатором. Норман Лейс в своей книге о Кении, касаясь роли губернатора, говорит: «При назначении играют роль не личные качества кандидата... первое условие, которым руководствуются при назначении губернатора в Восточную Африку, является его способность удовлетворять и обслуживать финансовые интересы в Лондоне и Кении», и далее: «В Лондоне имеется определенный тип людей, которые в обществе миссионеров выражают самые горячие симпатии к правам туземцев, но в Африке ведут себя как девица, которая, уверяя, что никогда не согласится, соглашается».

Вслед за хищническим захватом земли у туземцев перед белыми предпринимателями стал во весь рост вопрос о рабочей силе. Капиталистическое развитие Кении беспрестанно требовало новых рабочих рук. На помощь этому пришли разорение туземного населения при помощи сети налогов и административное внедрение принудительного труда.

6 августа 1901 г. Чемберлен в Палате общин заявил с циничной развязностью по поводу налоговой политики в африканских колониальных владениях Англии:

«В интересах самих туземцев по всей Африке мы учим их работать... В прениях высказывались, что несправедливо облагать налогами туземцев. Я решительно не согласен. Ни минуты не может быть ошибочным обложение их налогом за

полученные ими блага. Высказываются, что будет несправедливостью, если туземец будет принужден работать, чтобы получить деньги для уплаты налога.

Почему же это, само по себе справедливое, будет несправедливым из-за того, что будет иметь побочный результат, который я рискнул бы назвать тоже справедливым. Ибо если этим косвенным путем мы можем заполучить туземцев, занятых в промышленности, мы сделаем лучшее как для них, так и для самих себя».

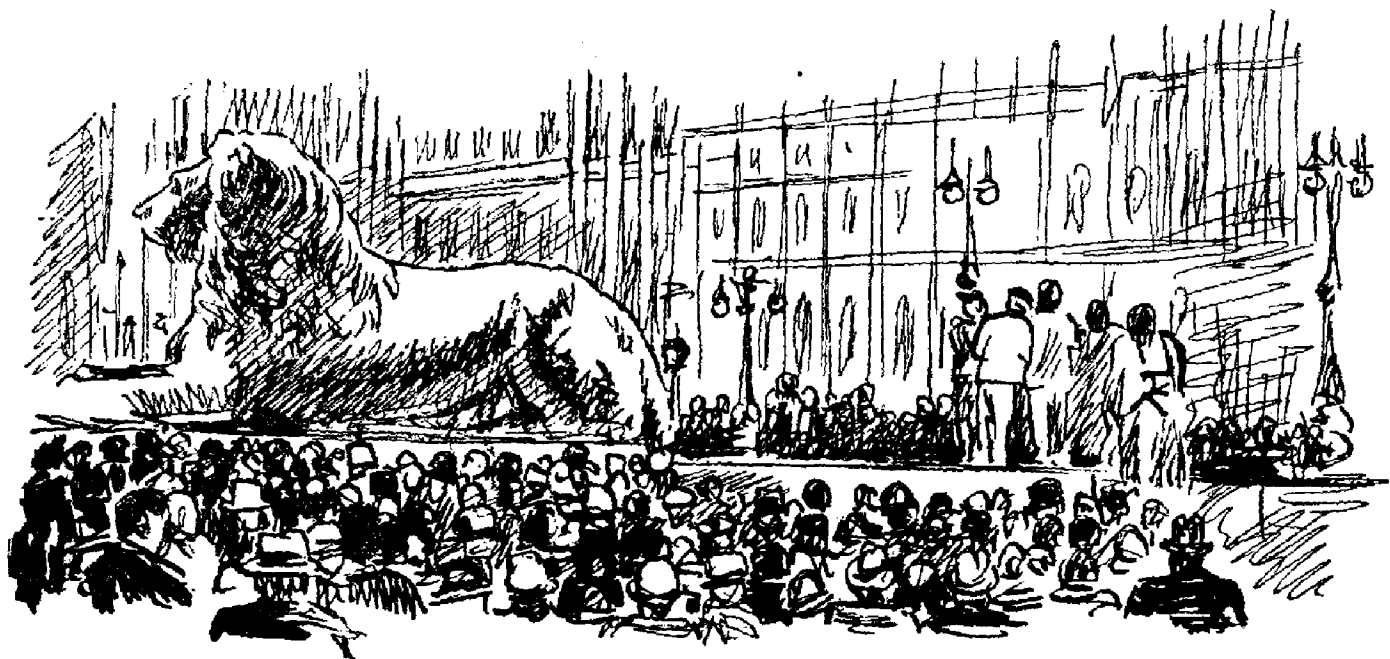
Один из губернаторов Кении, Перси Жируорд, дал следующую характеристику системы налогов: «Мы полагаем, что налоги являются единственным возможным способом заставить туземца покинуть свой резерв в поисках работы. Только этим путем могут быть увеличены жизненные расходы туземца, и, как мы уже прежде отмечали, именно от этого зависят снабжение рабочей силой и ее цена».

Как это выглядит в действительности, лучше всего рассмотреть на некоторых фактах. Каждый мужчина, достигший 16 лет, обязан платить подушную подать, которая колеблется от 10 до 16 шиллингов в год. Он также обязан платить подушную подать с иждивенцев (например престарелая мать), живущих вместе с ним. Каждая хижина облагается сверх этого налогом в 12 шиллингов. С туземцев-скотоводов подушный налог берется в размере до 1 ф. ст. В общем число туземных налоговых единиц достигает одного миллиона. В 1924 г. земледельческая продукция туземных хозяйств оценивалась в 546 тыс. ф. ст. Выплаченные же налоги достигали 876 тыс. ф. ст. Из этой суммы 516 тыс. ф. ст. непосредственно падало на подушный налог. Следовательно, 320 тыс. ф. ст. туземцам необходимо было добыть путем продажи своего труда европейцам только для уплаты налога. Около одной пятой мужской части туземного населения бывает одновременно занято на отхожих промыслах. Месячная заработная плата сельскохозяйственного рабочего в среднем достигала 12 шиллингов в месяц, а за последние три года снижается до 8 шиллингов. Между тем налоги остаются прежними, а иногда повышаются. Подушный налог одно время возрос с 12 до 18 шиллингов.

Такова одна из сторон рабского закабаления трудящегося населения Кении. Но ее,

оказывается, недостаточно капиталистическим хищникам. В целях удовлетворения все растущего спроса на рабочую силу капиталисты прибегали к окончательному рабскому закабалению туземного населения путем прямого, узаконенного применения принудительного труда. Впервые принудительный труд начал применяться для правительственных нужд колонии: при прокладке дорог, постройке мостов и т. п. Правительственный вербовщик являлся к вождю племени, живущему в районе производимых работ, и в административном порядке требовал необходимое количество рабочих рук. Как и в ряде других африканских колоний британский империализм в Кении превратил туземных вождей в слепых исполнителей своей воли. Большинство вождей, по существу, уже является платными чиновниками правительства и целиком подчиняется его приказаниям. Особое значение имеет патриархальный авторитет вождя при вербовке рабочих.

С 1919 г. принудительная вербовка туземцев для работ у колонистов-фермеров и вообще в частновладельческих предприятиях окончательно узаконена. В законодательном совете колоний лорд Деламер от имени европейских колонистов заявил: «Мы должны прибегнуть к методам закона и заставить туземца работать. Я надеюсь, мы можем положиться на содействие правительства». Без сомнения, со стороны управления колонии это не встретило возражений. Губернатор Нортли отвечал: «Я уверен, что наш долг — поощрять энергию всех общественных групп в развитии на этих богатых землях сельскохозяйственного производства»... «наша политика прежде всего преследует поощрение добровольного труда, но принимает законодательные меры, чтобы предупредить ленность». Разосланные циркуляры гласили: «В интересах самих туземцев, чтобы молодые люди имели заработок, а не пребывали бы большую часть года в «резервах» в ленности. Туземные авторитеты должны употреблять все влияние, чтобы побудить молодых людей продавать свою рабочую силу, надо побуждать безработных искать работу на плантациях... Там, где фермы расположены поблизости от туземных областей, следует и женщин и детей заставлять выполнять работу по их силам». На основе этого постановления все мужское население в возрасте от 15 до 50 лет подлежит специальной регистрации.

Митинг протеста в Лондоне против британского империализма в Кении.

Уклоняющиеся от этих рабских законов подлежат уголовной ответственности, наказуются тюремным заключением и сечением.

Принудительный труд в Кении немедленно после создания соответствующих законоположений принял небывалые размеры. Достаточно упомянуть, что в первые же месяцы к европейским фермам было приписано 70 тыс. женщин и 150 тыс. детей. В настоящее время каждый глава семьи, равно, впрочем, как и любой мужчина, достигший 16 лет, в обязательном порядке должен работать 180 дней в году на британских плантаторов. За это он в лучшем случае получит 8 шиллингов в месяц, в то время как женский и детский труд на кофейных плантациях часто совсем не оплачивается. Фактически туземец получает 8 шиллингов не за обычный месяц в 30 дней, а по меньшей мере за 42 дня, так как рабочий день длится от восхода до заката солнца и состоит из 12—14 рабочих часов. Такова рабочая политика капиталистических спрутов, кричавших в свое время об уничтожении работорговли!

Последние годы ознаменовались для Кении хозяйственным упадком. В то же время была произведена новая экспроприация земель туземного населения. В 1930 г., во время пребывания у власти «рабочего» правительства, в Англии были даны торжественные обещания о неприкосновенности земель, находящихся в распоряжении туземцев. Был издан специальный закон, который гласил: «1. Если бы какая-либо земля была отнята от «резервов», то долж-

на быть предоставлена равноценная земля в другом месте. 2. Прежде чем такое намерение будет приведено в исполнение, необходимо известить департамент туземных земель». Прошло два года, и правительство Кении провело новое, диаметрально противоположное постановление, по которому изъятие земли из резервов возможно без компенсации и без предварительного извещения департамента туземных земель.

Это было вызвано открытием в Какамега (область северного Кавирондо) значительных золотых россыпей. По словам корреспондента «Эфрикэн уольд», Какамега представляет собой один из плодороднейших «резервов» Кении. Хорошие луга позволяют туземцам держать достаточное количество крупного и мелкого скота. Благодаря сравнительно сносным природным условиям Какамега в некоторых частях невероятно перенаселен: на квадратную милю приходится до тысячи человек. По новому закону, туземец, сгоняемый с земли, не получает равноценного участка. Ему лишь выплачивается известная сумма денег, за которую он, конечно, никогда не может приобрести землю, и он вынужден идти работать на кабальных условиях к золотопромышленнику, захватившему его территорию. Британскими империалистами и этот новый грабеж преподносится как «развитие в интересах туземцев». Для успокоения туземцев было заявлено, что это является «временной мерой» — сроком на 25 лет. «Дейли уоркер» от 14 января 1933 г. совершенно правильно отмечает, что «единственное отличие нашего времени от времени Хоукинса (первого

работорговца) состоит в том, что Хоукинс хватал туземцев с земли, а мы захватываем землю у туземцев».

Невероятно тяжелое положение трудящихся масс Кении, не могло не вызвать широкой волны недовольства. Наглые попытки грабежа и угнетения, все увеличивающиеся налоги и принудительный труд, превращение каждого туземца в простого раба вызвали движение протеста. В 1920 г., когда правительство повысило налог с 12 до 16 шиллингов, и фермеры провели снижение заработной платы, туземцы Кении примкнули к организованной по инициативе индийских рабочих Восточноафриканской туземной ассоциации. Широкая волна протеста и забастовок, преимущественно на транспорте и на промышленных предприятиях, заставила правительство пойти на уступки и снизить налог до прежних размеров. Авторитет Восточноафриканской туземной ассоциации после этого успеха необычайно возрос среди туземных рабочих. Она стала настолько значительной силой, что подвергалась преследованию со стороны правительства и, наконец, была распущена. Но движение угнетенных масс нельзя уже было остановить такой мерой, и Ассоциация, переименовав свое название на Центральную ассоциацию Кикуйу, продолжала свою работу, перенеся центр внимания на сельские местности и резервы. Ее деятельность привела к всеобщей забастовке. Тысячи рабочих отказывались работать; сельскохозяйственные рабочие покидали фермы европейцев; бастовала прислуга; происходили массовые митинги и демонстрации. Туземное население отказывалось от уплаты налогов.

Митинги протеста в резервах организовал туемец, состоявший на государственной службе, Гарри Туку. Митинги эти иногда насчитывали до 5 тыс. собравшихся. Гарри Туку возглавил все движение протеста,

которое грозило перерасти во всеобщее массовое возмущение. Правительство арестовало Гарри Туку. Он был посажен в полицейскую казарму в Найроби, где немедленно организовался митинг протеста. Вечером демонстранты разошлись, но утром произошел новый митинг протеста у казармы, где собрались государственные служащие, рикши, повара, прислуга и т. д., общим числом около 2 тыс. чел. Полиция спровоцировала столкновение. Демонстранты были обстреляны и потеряли около 150 чел. убитыми и огромное число тяжело ранеными. Многие участники демонстрации были потом сняты с работы, а часть оштрафована в размере двухнедельного и месячного жалованья. Гарри Туку и ряд других были посланы в Юбалэнд.

После этого правительство приняло все меры, чтобы превратить Ассоциацию путем подкупа вождей и насильственных мер против наиболее революционных ее представителей, в послушное орудие своей власти. Правительство старается отвести туземцев с пути политической и экономической борьбы, борясь за сохранение отсталых предрассудков и традиций туземцев.

Но, раз уже вступив на путь революционной борьбы со своими угнетателями, туземцы Кении, находя поддержку у своих братьев по классу в других странах, имеют свою программу действия, которая была опубликована Интернациональной федерацией негритянских профсоюзов в «Нигро уоркер». Они борются за отмену налогов, против снижения заработной платы, против дальнейшей конфискации земли в резервах и за возврат награбленной земли крестьянам; туземцы добиваются свободы профсоюзов и советов безработных и 8-часового рабочего дня. Мобилизуются все революционные силы на борьбу за свержение гнета британского империализма.

ВОССТАНИЯ НЕГРОВ-РАБОВ В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ*

Появление рабства в Северной Америке относится к началу колонизации северного континента европейцами.

Первая североамериканская колония была основана англичанами в 1607 г., а в 1619 г. в Вирджинию на голландском корабле была привезена первая партия рабов.

На табачных и рисовых плантациях Вирджинии, обеих Каролин (Северной и Южной), Мэриленда и других прибрежных колоний юговостока Америки работали, подгоняемые ударами бича или палки с заостренным наконечником, рабы-негры, привезенные из Африки, малайцы, индейцы, а также белые рабы.

К концу XVII в. наиболее распространено было негритянское рабство. Эксплоатация выносливых и непритязательных негров оказалась экономически более выгодной чем эксплуатация белых и индейских рабов.

В конце XVIII в. рабство в Северной Америке испытало жестокий кризис.

Причины этого кризиса были следующие: непроизводительный рабский труд был выгоден лишь в том случае, если плантации основывались на плодородных землях жарких Южных штатов. После нескольких лет хищнической эксплуатации земли плантаторы бросали ее и, забрав рабов и пожитки, переходили на новые, неистощенные еще участки. Но со второй половины XVIII в. захват новых земель был затруднен ввиду появления королевского указа 1763 г., запрещавшего переселение на плодородные земли, лежащие к западу от старых коло-

ний. Земли эти были объявлены собственностью английской короны. Между тем земли в старых колониях были истощены, и хищническое использование их стало невозможным.

Два обстоятельства способствовали новому расцвету рабства в конце XVIII и начале XIX в. Первое — это революционное восстание американских колоний против Англии и отделение их от Англии после восьмилетней войны (1775—1783 гг.). Отделившиеся 13 колоний образовали новое государство — Соединенные штаты Америки. Началась быстрая колонизация западной территории. И теперь огромные южные территории — район Мексиканского залива, бассейн Миссисипи и др. — оказались доступными для южных плантаторов.

Вторая и основная причина — это быстрое развитие текстильной промышленности в Англии, Франции и в самой Америке (в Северных штатах), вызвавшее усиленный спрос на хлопок. Хлопок стал «королем» аграрного юга. Эксплоатация рабов достигла небывалой жестокости. Редко кто мог выдержать в этих условиях более 8—10 лет: раб или погибал или становился инвалидом. Надсмотрщики на плантациях избивали рабов до полусмерти, и нередко были случаи отсечения рук и сваривания непослушных рабов, поднявших руку на плантатора, в кипящей смоле.

Диалектика истории такова, что развитие капиталистической промышленности снова вызвало к жизни рабство, находившееся в конце XVIII в. в состоянии глубокого кризиса. Вместе с тем дальнейшее развитие капитализма привело к уничтожению рабовладения в Северной Америке. В период гражданской войны 1861—1865 гг., которая, как писал Маркс, была «столкновением двух социальных систем» — рабовладельческой и капиталистической, — указом северного правительства, подписанным А. Линкольном, с 1 января 1863 г. рабство в Южных штатах было отменено.

Раб перестал быть собственностью плантатора, но многие черты рабства сохраняются и по сей день в Америке. Рабы были освобождены без земли и в значительной массе опять попали в кабалу к прежним хозяевам в качестве арендаторов-издольщиков (кропперов). Бывшие рабы остались фактически неравноправными и угнетенными и до настоящего времени.

* Из подготовленной к печати монографии «К истории капитализма в Соединенных штатах».

В восстаниях негров-рабов в Соединенных штатах была своя «революционная традиция», оставшаяся от многочисленных восстаний XVII—XIX вв. в английских колониях на Вестиндских островах. Два, наиболее крупные из них, вспыхнувшие на острове Барбалосе в 1634 и 1649 гг., окончились казнью их вожаков¹. Наибольшее количество восстаний падает на Ямайку (восстания 1637, 1690, 1765, 1832 гг.). В 1733 г. на Ямайке же началась длительная и упорная война против маронов², окончившаяся только в 1738 г. признанием прав последних. Во время последнего восстания было уничтожено имущество на 1 млн. 800 тыс. долларов. Подобные восстания происходили и в других вестиндских колониях — в Антигуа в 1736 г., в Мартинике и Гваделупе в 1752 г., в Доминике в 1785 г., в Демераре в 1794 г., а также заговоры на Кубе в 1825 г., в Сент-Круа и Порто-Рико в 1848 г.

Но наибольшее значение имела революция в Сан-Доминго (Гаити) в 1788 г. Здесь тогда было сосредоточено 405 тыс. рабов, всего лишь 28 тыс. белого населения (в том числе 800 владельцев сахарных плантаций) и 22 тыс. свободных негров и мулатов. Эта революция совпала с Французской революцией 1789 г. Поводом для нее послужило получение в Сан-Доминго «Декларации прав человека». Поддерживали эту революцию «Amis des noirs» в Париже. Во главе этой революции встал Туссен Лювертьюр, свободный негр, который захватил власть, изгнал плантаторов и добился через якобинцев проведения в Законодательном собрании в Париже 4 апреля 1792 г. полного политического равноправия для свободных негров. Через 19 дней после революции — 10 августа — якобинцы уничтожили рабство. Англия, воевавшая с Францией, организовала интервенцию в Сан-Доминго для захвата этой колонии и восстановления прав рабовладельцев, поспешивших на поддержку англичан. Но Туссен Лювертьюр успешно сопротивлялся английской интервенции, и англичане потерпели поражение. Только после Амьенского мира 1802 г. Бонапарт мог послать армию против Туссена Лювер-

¹ Материал о негритянских восстаниях взят главным образом из работы Phillips «American Negro Slavery» № 9 за 1929 г. Эта работа, по справедливости, считается лучшей из буржуазных работ о рабстве в США.

² Мароны — название беглых рабов в Вест-Индии и Гвиане.

тьюра, которого называли «Черным Наполеоном». На этот раз Туссен был разбит и движение подавлено (Туссен Лювертьюр умер в ссылке). Воспоминание о героическом сопротивлении восставших негров долго сохранялось среди негритянского населения Соединенных штатов, и во время одного из негритянских восстаний XIX в. в Сан-Доминго был послан корабль за помощью.

В английских колониях Северной Америки наиболее значительные восстания и заговоры имели место в Нью-Йорке в 1712 и 1741 гг. Негры организовали восстание 1741 г. совместно с индейцами. Губернатор штата выслал против восставших солдат-фронтовиков. Шестеро восставших покончили с собой, остальные были казнены: один колесован, второй повешен в цепях, третий сожжен на медленном огне и около 20 человек посажены на кол и повешены. Много негров было арестовано по обвинению в подготовке большого восстания и поджогов, свыше 30 из них было повешено и посажено на кол и 80 — продано за границу.

В Пенсильвании в 1803 г. негры сожгли 12 домов и сделали попытку общего восстания. В течение нескольких дней свирепствовал террор против негров, и затем 20 заключенных негров были отравлены.

В южных колониях наибольшее значение имели заговор кабальных слуг и рабов-негров в графстве Глустер, в Вирджинии, в 1663 г. и более крупное восстание в 1687 г. В 1739 г. восставшие негры в Южной Каролине с барабанным боем стали переходить от одной плантации к другой, присоединяя к движению отряды негров и убивая белых. К вечеру восставшие, торжествуя победу, устроили праздник и не заметили, как их окружили белые. 44 негра, приговоренные к казни, не были подвергнуты пыткам, что, вероятно, вызывалось организованностью восстания и опасением его дальнейшего распространения.

Ряд восстаний в южных районах Северной Америки произошел уже после образования Соединенных штатов в конце XVIII и начале XIX вв. В некоторых случаях имела связь повстанцев с неграми из Сан-Доминго. Из всех восстаний XIX в. наиболее крупным и опасным для плантаторов историки считают восстание Ната Тарнера. Однако мы полагаем, что по методам организации и по размаху значительно больший интерес представляет восстание Габ-

риэля в 1800 г. в окрестностях Ричмонда (Вирджиния).

Габриэль был рабом на плантации Томаса Проссера в нескольких милях от Ричмонда (столица штата). В июне 1800 г. Габриэль организовал заговор, в который вовлек несколько сот человек, «возможно, что больше чем тысячу». Часть заговорщиков была жителями Ричмонда — центра восстания. Вместе с тем многие участники восстания были завербованы и в отдаленных районах, как например в Норфольке. Заговорщики достали несколько ружей, сделали из кос тесаки. По плану восстания, сбор был назначен в 10 милях от Ричмонда. 900 чел., разбитых на три колонны, двинулись к городу под командой назначенных офицеров. Один отряд должен был захватить тюрьму, которая одновременно служила арсеналом штата, другой — пороховой склад в противоположном конце города, а третий — начать избиение белых при помощи того оружия, которое у него будет в руках (такова версия современной прессы). Но план восстания был выдан одним негром. Габриэль и пять других руководителей из числа рабов Проссера, а также 19 рабов, принадлежащих другим хозяевам, были казнены.

Восстание Габриэля несмотря на неудачу вызвало панику среди рабовладельцев Юга.

С другой стороны, восстание Габриэля явилось стимулом для негритянских восстаний в других штатах: в 1802 г. в ряде графств Вирджинии и Северной Каролины, в 1804 г. в Южной Каролине. В 1805 г. в той же Южной Каролине перед зданием палаты представителей штатов были даже выставлены пушки, так как на следующий день ожидалось всеобщее восстание рабов.

Мы не останавливаемся на ряде мелких заговоров и восстаний начала XIX в. Упомянем только о заговоре негров Анголы, Эбо и уроженцев Каролины, которые весной 1822 г. готовили захват кораблей в гавани Чарльстона. Они послали корабль за помощью в Сан-Доминго, изготовили пикеты, взяли на учет лошадей, которые могли быть использованы при восстании, и составили план захвата двух городских арсеналов в Чарльстоне. Восстание, назначенное на 16 июня 1822 г., было выдано 30 мая. Из 180 арестованных негров 36 были повешены, 34 высланы. Четверо белых были приговорены к тюремному заключению на сроки до одного года.

Восстание Ната Тарнера в 1831 г. в графстве Саутгемптон, в Вирджинии, меньшее по масштабу, отличалось тем, что оно было

фактически начато, а не предупреждено до его начала.

Тарнер был чем-то вроде старшего негра («a foreman») на маленькой плантации и в то же время баптистским священником среди негров. Мистически настроенный, он, подобно Жанне д'Арк, слышал голоса с неба. Эти голоса приказывали ему стать во главе освобождения негритянского народа, а солнечное затмение в феврале 1831 г. окончательно убедило его, что настал час действовать. Вечером, в воскресный день, 21 августа, Тарнер вместе с небольшой группой негров, вооруженных топорами, напал на плантацию своего хозяина и затем стал переходить от одной плантации к другой, призывая негров присоединиться к нему. К рассвету с ним оказалось всего 50 человек, частью конных, с небольшим количеством огнестрельного оружия. После нескольких стычек с отрядами плантаторов и регулярных войск группа Тарнера была захвачена. 7 человек во главе с Тарнером были повешены, 7 — высланы, остальные осуждены на разные сроки. Восстание Тарнера опять вызвало долго непрекращавшуюся панику среди плантаторов на Юге.

Следующим этапом движения негров были многочисленные «беспорядки» на Юге в 1855—1856 гг., которые, как указывает Филлипс, должны быть поставлены в связь с возникновением республиканской партии.

Восстание Джона Брауна¹ 1859 г., собственно, нельзя отнести к числу негритянских восстаний. Негры этого восстания поддержать не успели, так как оно было подавлено в самом начале (Джон Браун был повешен), но все же оно явилось новым этапом в негритянском движении, когда передовые элементы фермеров в борьбе с плантаторами стали искать союзников в лице негров.

Смерть Джона Брауна вызвала новую волну негритянских волнений на Юге. Об этих волнениях Маркс писал, что наряду с восстанием рабов в России движение рабов в Америке являлось наиболее замечательным событием в мире. Упомянем об одном лишь эпизоде движения этого периода — о самостоятельном заговоре негров летом 1860 г. в Далласс Теквес (откуда за год до этого был изгнан один аболиционист²). Методом борьбы заговорщики избрали террор против белых путем поджо-

¹ Джон Браун — белый фермер из штата Вирджиния.

² Аболиционист — сторонник уничтожения рабства.

гов. В течение одного дня они устроили 10 пожаров и сожгли большую часть города. Плантаторы организовались в комитет безопасности, произвели много арестов и приговорили судом линча 3 вожаков восстания к повешению.

Гражданская война 1861—1865 гг. особенно стимулировала подъем негритянского движения. Плантаторы удерживали свою власть на Юге лишь путем жесточайшего террора. Приведем одну небольшую корреспонденцию, относящуюся к началу января 1861 г., которая характеризует чрезвычайно напряженное положение на Юге:

«Террор на Юге»

В письме из Хайневилля (Алабама) сообщается, что население сильно взволновано двумя событиями: выходом Алабамы из Союза и восстанием негров. В двадцати милях отсюда раскрыт заговор среди негров, возглавляемый белым, а, может быть, и не одним только белым. Повидимому, заговорщики имели целью поднять восстание и перебить все белое население. Заговор был своевременно раскрыт, белый был арестован и после несомненного установления его вины повешен вместе с пятью или шестью неграми. В это же время был раскрыт заговор в другом районе. В письме из этого района сообщается, что трое белых арестовано и что будет повешено около тридцати негров. Белые — выходцы из Северных штатов».

В другом письме из Гринборо (Алабама) сообщалось:

«На прошлой неделе в шестидесяти милях отсюда было восстание рабов. Во время этого восстания четверо белых были убиты и шестнадцать негров повешены. В Монтгомери за то же преступление были повешены двое белых аболиционистов и четыре негра. Мы надеемся, что все это скоро прекратится, но существует большое опасение, что восстание охватит весь Юг».

10 января 1861 г.¹

¹ «Evening Post, 10/1 1861. Ernst Moor «The Rebellion Record, Diary of American Events», N. G., 1865, vol. VI, p. 1, p. 12.

В самом ходе гражданской войны имели место крупные восстания негров в тылу у рабовладельцев, как например в Бюффорде и Нэнвиле.

Упомянем еще, что 186 тыс. негров были призваны в войска и флот Союза во время борьбы Севера против Юга и что негритянское население было серьезным активным фактором, оказавшим влияние на исход гражданской войны. Если гражданская война и не разрешила негритянского вопроса как вопроса национального, то она была необходимой предпосылкой для развития негритянских движений в дальнейшем, движений, которые, как подчеркивают тезисы Коминтерна по негритянскому вопросу, являются национальными.

Негры-рабы были не только пассивным объектом эксплуатации, но они вели классовую борьбу против своих эксплуататоров.

Мы особенно подчеркиваем это обстоятельство, потому что американские историки, идеализирующие демократию в Северной Америке, не склонны считать классовую борьбу негров одним из существенных моментов истории США. Из общей схемы истории США этот момент в работе американских историков выпадает, подобно тому как из этой схемы выпал и другой неудобный для буржуазных историков, но весьма существенный момент истории классовой борьбы в США — борьба скваттеров² за «свободные земли» на необъятных территориях Запада.

² Скваттеры — поселенцы, занимавшие государственные земли американского Запада самовольно, так как приобретение земли законным путем было для них непод силу (высокая стоимость земли, необходимость приобретения крупного участка, большие расходы по оформлению прав собственности на купленный участок и т. д.).

В. Семенов

ГАЛИНА СЕРЕБРЯКОВА. Юность Маркса. Роман. Кн. I. ГИХЛ. 1934. 194 стр.

П. ВИНОГРАДСКАЯ. Женни Маркс. Соцэк-гиз. 1933. 215 стр.

Недавно вышедшая в Издательстве художественной литературы книга Галины Серебряковой «Юность Маркса», безусловно, заслуживает внимания советского читателя, в частности учащейся молодежи. Наша художественная литература до сих пор почти еще не касалась грандиозной темы—дать художественный и живой образ величайших пролетарских революционеров и основоположников научного коммунизма—Маркса и Энгельса. Роман Г. Серебряковой является началом большой работы автора о Марксе. В первой книге освещены ранние годы жизни молодого Маркса (до переезда в Берлин). Из пяти глав книги первая посвящена лионскому восстанию 1831 г. («Жить, трудясь, или умереть в бою»), вторая и четвертая характеризуют гимназические годы Маркса («Трир» и «Аттестат зрелости»), третья представляет очерк революционного движения в Германии 30-х годов («Пробуждающаяся Германия»), пятая, последняя, относится к периоду пребывания Маркса в Боннском университете («Университеты»).

Книга очень хорошо издана. Прекрасная бумага, четкий шрифт, интересные рисунки (заставки и концовки) — все это говорит о том, что техническому оформлению книги было уделено достаточное внимание. Можно отметить здесь лишь один странный момент: в начале книги дан портрет автора (Галины Серебряковой), который, бесспорно, можно было не давать.

В предисловии (стр. 3) автор пишет: «В основу этого романа положены главным образом исторические и биографические документы, предоставленные мне для ознакомления и использования Институтом Маркса—Энгельса—Ленина... Описания Лиона, Трира, дома Маркса, Рейнской области, городов Западной Германии и т. д. построены на материалах, собранных мной в поездках, при осмотрах этих мест». Таким образом фактический материал романа построен на исторических документальных данных и отчасти на живых впечатлениях автора (описания мест). Это, конечно, единственно правильный путь для писателя исторического романа. И надо сказать, что в романе Серебряковой достаточно искусно вкраплено большое количество исторических документов. «Документальность» часто чувствуется в разговорах героев романа и в первую очередь самого Маркса.

Общее впечатление от содержания первой книги — это эскизность: книга дает ряд очерков, а не широкое полотно, которое ждет чи-

татель, заинтригованный заманчивым названием романа.

Самая композиция романа удачна. Правильно, что первая глава начинается лионским восстанием 1831 г. — этим первым самостоятельным выступлением европейского пролетариата в годы, когда Маркс был еще 11-летним мальчиком. Глава эта ярко насыщена; типы рабочих, описание восстания правдивы, удачны. Характеристика Германии 30-х годов дана в виде набросков. Не вскрыта вся сложность экономического и политического положения Германии, в особенности революционного движения экономически отсталой и политически расчлененной Германии того времени, но ярко показан провинциальный быт старого Трира, школьный быт (преподаватели и ученики гимназии), студенчество и профессура (Бонн), начинающееся рабочее движение и отдаленные его представители (хороша фигура рабочего-революционера Иоганна Стока), младогерманцы. Выразительными штрихами обрисовано бесправное положение евреев в тогдашней Германии, церковные распри в Рейнской провинции (католики и протестанты), бедственное положение мозельских крестьян. Но ряд других моментов: прусский бюрократизм и военщина, положение Рейнской провинции как передовой промышленной области (промышленный переворот) охарактеризованы недостаточно: само крестьянство описано больше путем рассказа тех или иных лиц о крестьянах чем прямым показом рейнской деревни.

Образ молодого Маркса должен быть центральной фигурой романа. Трактовка его у автора в общем дана правильно. Школьные педагоги плохо понимали «молодого львенка», юношу Маркса: «Подвижный, изобретательный в играх, неисчерпаемый в выдумках таинственных историй, он (Маркс. — С.) нередко вызывал неудовольствие, даже растерянность в педантичных чахлах умах педагогов» (стр. 70). Директор гимназии Виттенбах так характеризовал Маркса: «Во-первых, ужасный почерк, во-вторых, я заметил у Карла весьма ошибочное и пагубное пристрастие к перегруженности мысли, к особой изысканности языка, которая, по-моему, неизменно затуманивает смысл. Не думаю, чтобы средний годовой балл был у него выше тройки» (стр. 96). Между тем уже в средней школе Маркс резко выделялся из среды товарищей своим серьезным, глубоко принципиальным отношением к жизни: «Я думаю,— говорил он Женни Вестфален,— человек должен выбрать деятельность, основанную на идеях, в истинности которых он абсолютно убежден. Деятельность, которая дает больше всего возможности работать для человечества, которая приближает к общей цели» (стр. 150). Но это вовсе не значило, что Маркс был отшельником. В главе «Университеты» показан Маркс-студент, участвовавший в бурной студенческой жизни. На втором семестре Маркс был избран в президиум трирского землячества. Вместе со своими товарищами он веселится на пирушках, спорит до рассвета, бьет по ночам окна в знак протеста против филистеров, дерется на шпагах, по малейшему поводу за себя и за «трирцев». Автором тщательно проработаны те

сравнительно скудные биографические материалы, которые остались от раннего периода жизни Маркса. Но несмотря на это роман не дает подлинно живого, грандиозного образа гениального юноши, и это потому, что книга тов. Серебряковой,—не роман о великой и сложной жизни, а лишь художественно отделанные очерки. Поэтому автор сильнее в описании среды, в показе коллектива чем в раскрытии личности Маркса и других, наиболее ярких персонажей.

Людвиг Вестфален автором определенно идеализируется. Отец и мать Вестфалены предлагали все усилия, чтобы воспрепятствовать браку Женни с «неродовитым» Марксом. Либерализм «советника прусского правительства» оказался, таким образом, довольно поверхностным, даже в разрешении личных вопросов, в пределах своей семьи. Между тем в романе он характеризуется не только как философ-эпикурец, но даже чуть ли не защитник крестьян (стр. 145).

Но все же в целом роман Галины Серебряковой — полезная работа.

Вторая рассматриваемая нами книга, П. Виноградской «Женни Маркс», издана Соцэкгизом в год 50-летия со дня смерти Маркса.

В предисловии к своей книге П. Виноградская указывает на те трудности, которые стояли перед ней в ее работе.

Автору «Женни Маркс» пришлось попутно писать и биографию Карла Маркса. Как же справилась с этим П. Виноградская? Ознакомление с книгой заставляет нас прямо ответить на этот вопрос: неудачно. На протяжении 200 страниц автор говорит не столько о Женни Маркс, сколько о самом Марксе, причем биография последнего получилась весьма поверхностной, вульгарной, с рядом глубоких ошибок. Прежде всего в книге поражает чрезвычайная поверхностность, с какой автор трактует важнейшие моменты деятельности Маркса и Энгельса. Вот, например, в главе «В Германии во время революции 1848 г.», на двух страничках (62—63), из которых полстраницы занято стихами Фрейлиграта, сказано буквально несколько фраз о роли Маркса в революции 1848 г. А ведь это один из узловых моментов в жизни и деятельности Маркса и Энгельса, в развитии теории научного коммунизма! Так же бегло и поверхностно охарактеризованы Интернационал и Парижская коммуна. Об истории Интернационала после падения Коммуны, например, сказано так: «Все эти события (поправление английских тредюнионов) углубляли то тяжелое положение Интернационала, в котором он очутился после гибели Коммуны и наступления реакции. К этому надо еще прибавить возглавляемую Бакуниным раскольническую деятельность анархистов, которая началась еще в 1868 г. и была направлена к взрыву Интернационала изнутри. Интернационал был в конце концов перенесен в Америку и тем самым сошел с политической арены» (стр. 180). Можно ли более вульгарно излагать историю I интернационала?

Вся дальнейшая борьба Маркса и Энгельса за создание пролетарской партии, в первую очередь в Германии, почти совершенно выпала из поля зрения автора. Совсем не использованы позднейшие публикации ИМЭЛ, бросающие яркий свет на роль Маркса и Энгельса как ор-

ганизаторов международного рабочего движения после распада I интернационала (например «Архив Маркса и Энгельса». Т. VI (1)).

В книге имеется ряд фактических ошибок и неточностей. Так, на стр. 48 П. Виноградская пишет: «Несомненно, с парижского периода у Маркса начинается поворот от младогегельянства через радикализм немецкой демократии (!) к социализму. В этом отношении 1844 год надо считать переломным годом в умственной жизни Маркса». Это совершенно неверно. Во-первых, переход к коммунизму и материализму у Маркса наметился гораздо раньше. Еще в период «Рейнской газеты», в 1842—1843 гг., можно проследить начинающийся перелом в мировоззрении Маркса. Во-вторых, фраза «через радикализм немецкой демократии» просто путает читателя. Младогегельянство у Маркса на практике и раньше все время сочеталось с радикальным демократизмом в политике. Для парижского же периода важно подчеркнуть другие влияния: французского социализма и английской политической экономии, которую Маркс начал изучать так же в Париже. Так же неверно утверждение автора, что «Энгельс раньше Маркса стал коммунистом» (стр. 156). Верно, что Энгельс ознакомился с коммунистическим учением раньше Маркса, но подошел он к созданию теории научного коммунизма почти одновременно с Марксом. Не надо забывать, что на Энгельсе долгое время сказывалось значительное влияние немецкого «истинного социализма» (вплоть до «Положения рабочего класса в Англии»), по отношению к которому Маркс в самом начале занял определенно отрицательную позицию.

Очень нечетко в книге определены отношения Маркса и Лассаля. Совершенно не освещены глубоко принципиальные расхождения между Марксом—Энгельсом с одной стороны и Лассалем—с другой. Вопрос о взаимоотношениях Маркса и Женни с Лассалем в книге сведен фактически к отказу Лассаля оказывать Марксу материальную помощь (стр. 166—167) плюс обида на Лассаля за то, что он не выступил в защиту Маркса против Фогта (стр. 136).

Биографический материал о самой Женни Маркс подобран довольно полно. Кроме переписки Маркса—Энгельса, самой Женни и третьих лиц автором использован ряд воспоминаний: Элеоноры Маркс, Вильгельма Либкнехта и др. Отдельные моменты в жизни Женни: материальные условия периода лондонской эмиграции, болезнь и смерть детей,—очерчены неплохо. Но дело портят частые повторения, когда об одном и том же идет речь в нескольких различных очерках или частях одного и того же очерка (особенно очерк «Женни—человек, товарищ и революционер»). В ряде мест стиль книги напоминает плохой мещанский роман: «Избранница Маркса — Женни фон-Вестфален» (стр. 18); «Свой медовый месяц» молодые Марксы провели в Крейцнахе» (стр. 42); «Энгельс, спасающий Маркса от всяких жизненных бед» (стр. 51) и т. д. Подобные примеры можно было бы умножить.

Книга П. Виноградской написана, повидимому, уже несколько лет назад. Нужно было подвергнуть ее радикальному пересмотру и переработке, прежде чем печатать и пускать в свет.

С. Лившиц

ЧТО ЧИТАТЬ

ОБ ИСПАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1931 ————— 1934 гг.

Народное восстание в Испании против фашизма в октябре 1934 г. снова приковало внимание всего мира к Пиренейскому полуострову. Три с половиной года прошло с момента падения монархии в Испании, с момента «бескровного» республиканского переворота 14 апреля 1931 г. Буржуазная республика не сумела разрешить ни аграрного, ни рабочего, ни национального вопросов. Под крылышком коалиционного республиканско-социалистического правительства окрепли и созрели за два года силы фашизма. На смену правительству левых республиканцев и социалистов явилось осенью 1933 г. правительство правых республиканцев, поддерживаемое фашистско-монархическим блоком и стремящееся ликвидировать даже те жалкие реформы, которые были проведены ранее (в 1931—1933 гг.) Учредительным собранием. Но включение в состав правительства представителей фашистской партии «Акссион популяр» («Народное действие») явилось сигналом к восстанию, возглавляемому организацией единого фронта при активнейшем участии компартии. Замедление в темпах испанской революции вызвано тем, что рабочий класс Испании расколот, компартия не имеет за собой большинства рабочего класса.

Компартия борется под лозунгом единого фронта против реакции и фашизма, за создание рабоче-крестьянского правительства, за советскую Испанию, компартия стремится к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, к перерастанию буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. За годы революции компартия превратилась из маленькой группки (800 членов компартии в начале 1931 г.) в массовую, влиятельную партию (30 тыс. членов к концу 1933 г.). Стачки в Испании достигли большого размаха и упорства, крестьянское движение охватило целый ряд провинций.

Революции в Испании начиная с 1808 г. и кончая 1873 г. нашли освещение в ряде исторических работ. Начнем с произведений основоположников марксизма. К. Маркс в своей работе «Испанская революция» (Собр. соч. Маркса и Энгельса. Т. XI) дает анализ испанских революций 1808—1814, 1820—1823, 1834—1843 и 1854—1856 гг.

Ф. Энгельс написал «Бакунисты за работой» (перев. с нем., под ред. и с предисл. Мартынова. Изд-во «Новый мир». 1906.

23 стр. 7 коп.). Энгельс подверг уничтожающей критике деятельность испанских бакунистов в 1873 г., особенно их участие в восстаниях «непримиримых» республиканцев против буржуазной республики.

Буржуазный историк проф. Сеньобос дал описание революций в Испании в XIX в. в главе X своего труда «Политическая история современной Европы. Эволюция партий и политических форм» (перев. с франц., под ред. В. А. Цессе. Т. I. Изд. 6-е. М. и Л. Гиз. 1923).

Республиканский переворот 14 апреля 1931 г. вызвал в СССР громадный интерес к Испании. Появилась целая серия книжек, брошюр, статей, очерков. Значительная часть их очень скоро устарела, но некоторые из брошюр можно и теперь рекомендовать читателю для общего ознакомления с положением дел в Испании накануне революции и в ее первые «медовые» месяцы. К такого рода произведениям принадлежат книжки Минлоса, Севина и Трайнина.

Книга Б. Минлоса «Испанская революция» (с предисл. В. П. Коларова. М. Международный аграрный институт. 1931. 108 стр. 1 руб.) включает в себе подробные сведения о предреволюционной Испании и ее политической жизни. Автор дает характеристику испанского хозяйства, социально-политического строя, положения и движения пролетариата и крестьянства, революционного движения 1930 г., республиканского переворота и т. д. Изложение заканчивается маем 1931 г.

Неплохим общим очерком является книжка С. Севина «Испания» (М. Изд-во «Молодая гвардия». 1931. Серия «Классы, партии и союзы молодежи мира». 95 стр. 40 коп.). Хронологически она доведена до августа 1931 г.

Пожалуй, лучшей из всех популярных брошюр об Испании, вышедших в 1931 г., является брошюра И. П. Трайнина «Испания до и после апрельской революции» (М. и Л. Огиз. «Московский рабочий». 1931. 64 стр. 25 коп.). Она написана очень сжато и популярно и вместе с тем охватывает все важнейшие проблемы.

В 1933 г. вышли две книги, могущие быть настольными для всех, серьезно интересующихся испанской революцией. Одна из этих книг — «Проблемы испанской революции. Пути ее развития и условия ее победы» (перев. с испан. М. Партиздат. 1933. 256 стр. 2 р. 75 к. в перепл.). Это сборник статей, написанных летом 1932 г. бригадой испанских коммунистов при участии нескольких товарищей из братских компартий и под руководством ЦК компартии Испании. В книге дана характеристика классов и партий в испанской революции, излагается подробно ход событий в 1931—1932 гг., характеризуются основные задачи компартии, профсоюзы, аграрный вопрос и крестьянское движение, национальный вопрос и национально-революционное движение. Центр тяжести книги — в освещении задач компартии, ее ошибок, ее борьбы против социалфашистов, анархистов и анархосиндикалистов, ренегатов коммунизма — мауринистов и троцкистов.

Вторая книга И. П. Трайнина «Современная Испания и ее национально-колониальные проблемы» (ИСКП Комакадемии, национальная секция. М. Партиздат. 1933. 355 стр. 6 руб. в перепл.).

Это — серьезное научное исследование, которое главное внимание уделяет национальному вопросу, но наряду с этим дает ценные сведения по истории прежних испанских революций (начиная с 1808 г.), характеризует промышленность, торговлю, финансы, сельское хозяйство, роль духовенства и армии, рабочее движение, внешнюю политику. Особенно интересны главы, посвященные характеристике национального движения в Каталонии, провинциях басков и Галисии. Автор говорит о колониальной экспансии испанского империализма (Испанское Марокко), о его воцелениях в отношении Португалии («ибери́йская федерация») и Латинской Америки («иберио-американская нация»). Изложение событий Трайнин доводит до конца 1932 г.

Для понимания задач компартии Испании и ее ошибок незаменимы статьи и документы, напечатанные в номерах «Коммунистического интернационала» за 1931—1934 гг.

В № 2—3 за 1932 г. помещена передовая «Нерешенные задачи испанской революции (к IV съезду КП Испании)» и «Ко всем членам компартии Испании (письмо западноевропейского бюро ИККИ)».

В №№ 11—12 и 28—29 за 1932 г. напечатаны статьи В. Кодовилла и Хуртадо. В № 33 за 1932 г. (от 30 ноября) на стр. 40—46—статья А. Марти «Еще один шаг вперед» и воззвание ИККИ «Рабочим, крестьянам, коммунистам Испании» (об исключении в октябре 1932 г. из рядов Коминтерна бывших руководителей испанской компартии Бульехоса, Трилья, Адаме и Вега).

В № 13—14 за 1933 г. (от 10 мая) на стр. 41—52 находим статью Ж. Дорнье «Развитие революции в Испании и задачи борьбы против анархосиндикализма». Автор дает серьезную критику идеологии и действий испанских анархистов, особо останавливаясь на анархистском путче в январе 1933 г. и на необходимости создания единого боевого фронта с анархистскими и социалистическими рабочими.

В № 33 за 1933 г. (от 20 ноября) на стр. 26—39—статья А. Бронес «Обострение революционного кризиса в Испании и задачи компартии Испании».

В № 6 за 1934 г. (от 20 февраля) опубликована дополненная и расширенная стенограмма речи Эриандеса (одного из вождей КП Испании), произнесенной на XIII пленуме ИККИ в декабре 1933 г., «Актуальные вопросы компартии Испании».

В № 23 за 1934 г. (от 10 августа) на стр. 52—58—статья В. Коломера «Борьба сил революции и контрреволюции в Испании».

Наконец, в № 25 за 1934 г. (от 1 сентября) на стр. 3—11 помещена передовая «Как может победить революция в Испании», трактующая о тактике единого фронта и об испанской социалистической партии.

Роли церкви посвящены статья проф. Е. А. Корольева: «Церковь и революция 1931 г. в Испании (ее первые дни)», по-

мещенная в журнале «Воинствующий атеизм». М. 1931. № 6 (июнь), стр. 46—71; брошюра И. Эльвина «Испанская революция и церковь». «Московский рабочий». 1931. 72 стр. 30 коп.

В журнале «Мировое хозяйство и мировая политика» за 1933 г. № 5—6 (май—июнь) имеется статья Б. Минлоса и И. Маркова «Два года «республиканского» обмана трудящихся масс Испании». Статья показывает на ряде фактов, что республиканское правительство не разрешило ни одного из острейших внутренних противоречий. На фоне углубления кризиса и ухудшения положения трудящихся города и деревни показана революционная борьба рабочих и крестьян против буржуазно-помещичьей республики.

В стенографическом отчете XIII пленума ИККИ (Партиздат. 1934. Стр. 525—531) читатель найдет стенограмму речи Долорес, одной из руководителей КП Испании. Речь содержит в частности ценный фактический материал о крестьянском движении 1932—1933 гг.

В заключение мы должны остановиться на трех книгах советских писателей, побывавших в Испании.

Книга Л. Никулина «Письма об Испании» вышла в издательстве «Федерация» в 1931 г. (315 стр. 2 р. 10 к.). Это наброски путешественника, посетившего Испанию в 1929 г., накануне падения диктатора Примо де Ривера. Никулин дает внешний облик Испании: бытовые детали, описания городов, результаты своих исторических экскурсий, наблюдения. Жизнь рабочих, политическая борьба, деятельность компартии в книге не показаны.

Илья Эренбург (книга «Испания». М. Изд. «Федерация». 1932. 189 стр.) был и в крупных городах и в самых глухих уголках Испании уже после республиканского переворота, в 1931 г. Он дает интересные бытовые зарисовки из жизни крестьянской бедноты, показывая, что революция почти не изменила ужасающего положения испанских трудящихся. Но революционное движение в книге Эренбурга отражено очень слабо, деятельность компартии почти не освещена.

Михаил Кольцов собрал ряд очерков в книге «Испанская весна» (Л. «Издательство писателей в Ленинграде». 1933. 96 стр. с рис.). Кольцов был в Испании летом 1931 г., после республиканского переворота. Некоторые из этих очерков были напечатаны в «Правде» в июне—июле 1931 г. Его очерки, характеризующие положение безработных Севильи, движение батраков Андалузии, рабочих Мадрида, деятельность компартии и т. д., дают читателю яркое представление о том, что происходило в Испании в 1931 г.

Мы коснулись лишь наиболее важных книг, брошюр и статей, ибо перечислить и охарактеризовать все написанное об Испании за последние годы невозможно в кратком библиографическом обзоре. А между тем не только в журналах, но и в наших газетах неоднократно помещались статьи (Б. Минлоса и др.), дающие ценный фактический материал.

ДЕРЖАНИЕ

Основные вехи истории I интернационала	1
Г. БЫКОВ — К. Маркс, Фр. Энгельс и революционные чартисты	4
Ф. КОЗЛОВ — Борьба Маркса с прудонистами в I интернационале	15
П. АНАТОЛЬЕВ — I интернационал и царское правительство	29

МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ I ИНТЕРНАЦИОНАЛА

Ф. ФРУМКИНА — К речи В. Либкнехта на Базельском конгрессе I интернационала	38
Речь В. ЛИБКНЕХТА на Базельском конгрессе	48
АНСЕЛЬМО ЛОРЕНЦО — Из воспоминаний о Марксе	52
А. ЕФИМОВ — Письмо английских рабочих Линкольну	54
Н. КОВБАС — Членские взносы в I интернационале	58

ИЗ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА

А. МИШУЛИН — Боги и люди древнего Египта	62
В. СЕРГЕЕВ — „Золотой век“ Перикла	71

ИЗ ИСТОРИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Ц. ФРИДЛЯНД — Был ли Лавуазье революционером	82
А. ВАСЮТИНСКИЙ — Новые документы по истории „заговора равных“	88
Т. ДЖЕКСОН и И. СНЕГИРЕВ — Британский империализм и рабство в Кении	92
А. Е. — Восстание негров-рабов в Северной Америке	97

БИБЛИОГРАФИЯ

В. СЕМЕНОВ — Галина Серебрякова. Юность Маркса. Роман. Книга I-я. ГИХЛ	101
П. Виноградская. Женни Маркс. СОЦЭКГИЗ	102
С. ЛИВШИЦ — Что читать об испанской революции 1931 — 1934 гг.	103

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: **Б. М. ВОЛИН** (отв. редактор), **А. М. ПАНКРАТОВА** (зам. отв. редактора), **О. С. ВЕЙЛАНД** (отв. секретарь), **С. С. БАНТКЕ**, **Т. М. ДУБЫНА**, **Л. Е. ФРУГ**, **Ф. Б. ФРУМКИНА**.

ЗАВ. РЕДАКЦИЕЙ **Н. М. ОДИНЦОВА**

ХУДОЖНИК ЖУРНАЛА **Я. ЯНОШ**

Адрес редакции: Москва, ул. Горького, 8. Тел. 4-85-С2. Прием в редакции от 10 до 3 дня

Уполномоченный Главлита № В-96545 Издательский № 1020 Заказ № 142 Тираж 25000
Материал сдан в набор 1/Х-34 г. Подписан к печати 30/Х-34 г. 3¼ бум. листа 153904 зн. в бум. листе.

Типография газеты „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 8.